

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА:
СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ,
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ,
ПОГРАНИЧНАЯ СПЕЦИФИКА**

Витебск 2018

Министерство образования Республики Беларусь
Учреждение образования «Витебский государственный
университет имени П.М. Машерова»

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА:
СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ,
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ,
ПОГРАНИЧНАЯ СПЕЦИФИКА**

*Материалы международной заочной
научно-практической конференции*

Витебск, 16 ноября 2018 г.

*Витебск
ВГУ имени П.М. Машерова
2018*

УДК 304.2:008:316.42(062)

ББК 60.522.6я431

С69

Печатается по решению научно-методического совета учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Протокол № 1 от 08.10.2018 г.

Редакционная коллегия:

**И.М. Прищепа, М.А. Слемнёв, Э.И. Рудковский,
Е.В. Давлятова, А.Б. Погребняк**

Р е ц е н з е н т ы:

доктор исторических наук, профессор *В.А. Космач*;
кандидат философских наук, доцент *С.П. Кулик*;
доктор исторических наук, профессор *И.В. Мандрик*

**Социокультурная среда: системная организация,
С69 антропологическое измерение, пограничная специфика:** материалы международной заочной научно-практической конференции, Витебск, 16 ноября 2018 г. / Витеб. гос. ун-т ; редкол.: И.М. Прищепа [и др.]. – Витебск : ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – 155 с.

ISBN 978-985-517-686-3

Сборник содержит доклады, представленные на международную заочную научно-практическую конференцию «Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика», состоявшуюся 16 ноября 2018 года в учреждении образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова». Рассмотрен широкий круг проблем, касающихся структуры и программных функций социокультурной среды, поиска социокультурных ориентиров развития современного общества, особенностей процессов социализации, культурализации и инкультурации в глобализирующемся мире, специфики феномена границ в культуре, роли социокультурных факторов в организации регионального сотрудничества. Выделен белорусский контекст обсуждаемых вопросов.

Материалы адресованы преподавателям социально-гуманитарных дисциплин, студентам, магистрантам, аспирантам, работникам органов государственного управления. Сборник размещен в наукометрической базе РИНЦ.

УДК 304.2:008:316.42(062)

ББК 60.522.6я431

ISBN 978-985-517-686-3

© ВГУ имени П.М. Машерова, 2018

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Социокультурная среда – предмет теоретического и практического интереса проводимой конференции, является сложной саморазвивающейся системой. Она представляет собой органическое единство социальных и культурных «срезов» человеческого бытия. Социальность последнего заключается в природно-обусловленной необходимости совместной активности людей, которая и как процесс, и, как результат обладает надбиологической и интересубъективной значимостью. Культурное в широком смысле слова подчеркивает искусственный характер социального, его сотворенность человеком для реализации своих материальных и духовных потребностей.

Разделить культурную и социальную составляющие общества можно лишь мысленно, в абстракции. В действительности они образуют «бесшовную» социокультурную целостность, уникальный хронотоп с ярко выраженным антропологическим измерением. Человек не только создает социокультурную среду своего обитания (политическую, культурно-историческую, образовательную, художественную, духовно-нравственную, социально-психологическую и др.), но и подвергается ее активному обратному воздействию. Системно организованные социокультурные комплексы являются своеобразным геномом общественной жизни, динамичной программой деятельности, поведения и общения людей.

Многомерность и разноплановость антропо-социо-культурных феноменов дает возможность их выражения на языке различных наук: философии, политологии, социологии, истории, культурологии, психологии, педагогики и т.п. Свидетельство тому – содержание докладов, представленных на конференцию. С известными оговорками их можно «нанизать» на единый концептуальный стержень. Им является рассмотрение структурной организации и основных функций социокультурной среды, условно говоря, на -мега, -макро и -микро уровнях: мировой социум, который определяет политическое и духовно-нравственное дыхание современной эпохи; конкретная страна, преимущественно Беларусь, с её приграничными регионами; малые социальные группы – семья, школа, учебные и трудовые коллективы.

Особую значимость для успешного познавательного движения по отмеченной вертикали имеет логико-методологический анализ концепта «социокультурная среда», экспликация структуры и функций обозначаемого им сегмента общественной жизни, поиск объединяющих ценностей, ориентация на которые способна направить развитие современного социума в гуманистическое русло, определение путей обеспечения этнической и социокультурной безопасности личности и общества в глобализирующемся мире, выявление специфики процессов социализации, культурализации и инкультурации в условиях транспарентности государственных границ, исследование поведения человека в пограничье культур, обоснование возрастающей роли социокультурных факторов в развитии регионального сотрудничества, в том числе при строительстве Союзного государства Беларуси и России и др.

Есть уверенность, что научная конференция «Социокультурная среда: системная организация, антропологическое измерение, пограничная специфика», проводимая на базе кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова в рамках Государственной программы научных исследований на 2016–2020 годы по разделу «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» внесет свой вклад в разработку актуальных теоретических проблем социокультурного содержания и решение связанных с ними задач практического плана.

М.А. Слемнёв, доктор
философских наук, профессор,
заслуженный деятель науки БССР

I. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПОИСК ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В XXI СТОЛЕТИИ

ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

М.И. Вишневский
г. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова,
philos-mogilev-msu@mail.ru

Цель статьи – показать роль качественного философского образования в функционировании современной социокультурной среды. Качественным является такое философское образование, которое обеспечивает понимание мировоззренческих идей, составляющих базовую историко-философскую традицию, и позволяет уверенно ориентироваться в современной социокультурной среде.

Ключевые слова: философия, мировоззрение, социокультурная среда.

Говоря о социокультурной среде, мы имеем в виду соответствующие условия, в которых протекает человеческая жизнедеятельность. Детальное структурирование этих условий, предполагающее четкое выделение системных элементов социокультурной среды и их взаимосвязей, возможно в качестве вывода, вытекающего из обширного целенаправленного исследования, и едва ли оправдано в качестве отправного пункта рассуждений. Предварительное понимание того, о чем идет речь, у нас есть, и для начала этого вполне достаточно.

Пограничный характер современной социокультурной среды разнопланов; границы и их пересечения пролегают, прежде всего, в наших душах, а не на географических картах. Рассуждая, например, о белорусско-русском пограничье, важно определить для себя, считаем ли мы белорусов и русских настолько разными людьми, чтобы из этого вытекали какие-то специфические коллизии социокультурного бытия наших народов. Думается, что здесь все в целом обстоит благополучно и основания для тревог явно не просматриваются. Вместе с тем, сохраняется некая условная граница между «Востоком» и «Западом», имеющая преимущественно не географические, а культурно-исторические корни. В известном смысле эта граница соотносит наше прошлое, настоящее и будущее. Наше недавнее прошлое многие авторы (особенно показательны в данном отношении работы А.А. Ивина) характеризуют как коллективистическое или даже коммунистическое и нередко сопоставляют его с историческим и социокультурным опытом скорее Востока, чем Запада, приписывая последнему преимущественно индивидуалистическое мировосприятие и смысложизненное самоопределение людей. Настоящее представляет собой комплексный и весьма обширный предмет исследования, будущее же обусловлено прошлым и настоящим и, вместе с тем, является областью мировоззренческого выбора как политических и культурных элит, так и широких народных масс.

В фокусе исследовательского интереса оказываются, таким образом, вопросы мировоззрения, обсуждение которых побуждает обратиться к философии, ее месту в духовной жизни современного общества и проблемам ее образовательного освоения [1]. Еще менее трех десятилетий тому назад в нашем официальном мировоззрении безраздельно господствовала марксистско-ленинская философия. Ее влияние сказывается и поныне, например, в упорном стремлении отыскать фундаментальные законы и общую

логику исторического развития, сформулировать единую и цельную философскую методологию научного познания, вообще выработать однозначное и «строго научное» решение фундаментальных бытийных вопросов. Хотя марксистская философия пришла к нам с Запада, ее возведение в абсолют, как и общее стремление утвердить ценностно-целевые «абсолюты» для Запада, начиная с эпохи Возрождения, вовсе не характерно. Однако бездумное и огульное поправление прошлых теоретических и жизненно-практических воззрений, идеалов и ценностей тоже нельзя признать оптимальной стратегией современного социокультурного развития. Например, читая некоторые работы по социальной философии, написанные в недавнем прошлом на основе марксистской методологии, обнаруживаешь, что они весьма полезны для понимания современных геополитических и иных реалий. Перед нами, таким образом, встает задача осуществления конструктивного синтеза исторического опыта и современности, в понимании которой нам, увы, недостает ясности.

Отсутствие этой ясности побуждает отказаться от намерения писать трактат об идеалах, смыслах и ценностях подлинно человеческого бытия и прибегнуть скорее к жанру эссе, не предполагающему исчерпывающей полноты и теоретической строгости рассуждений. К этому располагает также сущностная характеристика философии как теоретического мировоззрения. Даже будучи задуманной и выстроенной преимущественно как последовательная понятийно-логическая конструкция, базирующаяся на строго определенных основоположениях, всякая философская система имеет недоказуемые в ее рамках начала, следование которым сообщает ей во многом гипотетический, предположительный характер. Чем строже и последовательнее философско-мировоззренческая теория, тем больше ограничений налагает она на охватываемый ею культурно-исторический и познавательный опыт. В данном отношении философия Гегеля, пожалуй, во многом превосходит философию Маркса. Но пик популярности великих философских систем давно уже пройден; в наши дни они не вызывают безоговорочного доверия у мыслящей общественности, хотя сохраняют значение в качестве важных иллюстраций в учебном изложении философии.

Углубленное осмысление современной социокультурной среды имеет в качестве необходимой стороны и даже, пожалуй, мировоззренческой и методологической основы учет многообразия философских учений и идей, не только выдвинутых сравнительно недавно, но и составляющих базовую историко-философскую традицию и, вместе с тем, функционирующих в культуре наших дней. Общий массив этих концепций находится в определенной (далеко не прямолинейной и однозначной) связи с разнообразием жизненных позиций людей и реализуемых ими способов осмысления своего жизненного мира. Если философская идея оказалась созвучной умонастроениям многих людей, то это означает, что философу удалось выразить в обобщенной и отчетливой понятийной форме то, что уже как бы носится в воздухе, присутствует в мироощущениях, стремлениях и оценках его современников. Но для того, чтобы люди узнали себя в данной идее, она должна быть донесена до них в понятной и, вместе с тем, неискаженной форме. Достичь этого возможно, главным образом, с помощью образования, содержание которого имеет шанс стать влиятельным феноменом культуры.

Философия изначально и по сути имеет образовательную направленность; она как бы предназначена для того, чтобы изучаться, обдумываться и включаться в мировоззрение образующейся личности в качестве более глубокого, нежели обыденное, понимания окружающей действительности и своего места в ней. Философские положения в основном формулируются как особые, теоретически упорядоченные и выраженные в понятийно-логической форме мировоззренческие знания, по-новому связывающие и соотносящие житейский опыт и опыт религиозный, научное истолкование мира и политические, экономические и иные специализированные практики. Разные философские

учения дают во многом несовпадающие «срезы» бытия и сознания людей, дополняющие, однако, друг друга до некоей искомой и трудно достигаемой целостности. Отдельному человеку, занятому своими делами и не претендующему на универсальную философскую образованность, едва ли удастся самостоятельно охватить и осознать эту целостность. Качественное мировоззренческое образование призвано подвести к мысли о том, что реальность сложнее, чем любая односторонняя ее картина, и не следует абсолютизировать какую-то ограниченную точку зрения на мировое бытие, даже если политика, идеология или реклама настаивают на такой абсолютизации.

Здесь нужно отметить, что «дух эпохи» способна выразить не только философия как особая специализированная деятельность теоретико-мировоззренческого исследования, но и другие формы общественного сознания. Нет надобности детально обсуждать тот факт, что в прошлом с данной функцией вполне успешно справлялась религия. В наше время во многих регионах мира продолжает функционировать в качестве основы мировоззрения своеобразная «религия успеха» (прежде всего экономического, но также и политического и др.). Созвучными эпохе оказываются порой новые научные идеи. Надо думать, не случайна весьма широкая популярность механистического мировоззрения, которое в свое время оказалось созвучным взглядам и устремлениям предпринимателей, осваивавших машинную технику и без труда принимавшим представление о мире как о сложной машине, созданной Богом. Позже на первый план в европейской культуре выдвинулась идея эволюции, расширительно толковавшая учение Дарвина. В начале XX века умы образованных людей были захвачены идеей относительности, которая хотя и родилась в одной из специализированных отраслей физики, но была близка умонастроениям людей, переживших культурную катастрофу Первой мировой войны. Примерно в это же время широкую популярность получили заимствованные опять-таки из физики идеи дополнительности и соотношения неопределенностей. Во второй половине XX века общекультурное значение приобрели идеи синергетики (неравновесность и нестабильность, бифуркации, спонтанное возникновение порядка из хаоса и др.). В последнее время, в связи с развитием интернета, широкое распространение получает «сетевая картина» социальной реальности [2, с. 208 – 213].

Можно констатировать, что философско-мировоззренческое творчество перестает быть делом только сравнительно узкой группы философов-профессионалов; в него активно включаются также некоторые деятели науки и искусства, политики, идеологии, экономики. Поэтому существует проблема широкого распространения в культуре базовых историко-философских знаний, дающих мировоззренчески активным личностям необходимые сведения о том, как в прошлом осуществлялось философское осмысление бытия и к каким последствиям приводили те или иные его абсолютизации. Было бы неправильно ограничиваться лишь учебным изложением «общей философии», которая характеризуется усредненностью и преимущественно прикладной направленностью, не претендуя на обстоятельное освещение глубинных идей, составляющих сущность философских концепций, наиболее значимых в культуре. Намечаемая реорганизация системы социально-гуманитарного образования в вузах Республики Беларусь призвана призвана поднять на должный уровень философско-мировоззренческую подготовку отечественных специалистов.

Литература

1. Вишневский, М.И. Об изучении философии / М.И.Вишневский // Оптимизация социально-гуманитарного образования в вузе: сборник научных статей – Могилев: МГУ им. А.А.Кулешова, 2015. – С. 7 – 31.
2. Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса. – Минск: Беларус. навука, 2017. – 765 с.

СОЦИОДИНАМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ДИВЕРГЕНТНЫХ ТРЕНДОВ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ГЛОБАЛИЗАЦИИ

И.Н. Колядко

г. Минск, БГУ, expireauto@yandex.ru

Целью статьи является выявление закономерностей и специфики трансформации дискурса глобализации в условиях ренессанса культурно-цивилизационной идентичности локальных социокультурных систем.

Ключевые слова: дивергенция, культурно-цивилизационная идентичность, постглобализация, фундаментализм.

Стремительные глубинные изменения во всех без исключения сферах общественной жизни приводят к социокультурным сдвигам, что, в свою очередь, способствует радикальному изменению базисных параметров социального пространства–времени, индивидуализации и атомизации общества. Социальные последствия глобализации получили в социально-философском дискурсе различные интерпретации: Ю. Хабермас говорит о формировании новой мировой (глобальной) социальности, которую называет «эпохой новой неопределенности»; Э. Гидденс обращает внимание на имманентную современности десубстанционализацию и называет новую форму социальности – «ускользающим миром»; в методологии мир–системного анализа И. Валлерстайна речь идет о «конце знакомого мира». Общим знаменателем для большинства современных социальных философов является признание глубоко кризиса современности как модели, типа социокультурного развития.

Специфика процессов трансформации социальности и культуры в начале третьего тысячелетия обусловлена, с одной стороны, процессами *деиндентификации и социальной дезинтеграции*, а, с другой стороны, технико-технологической экспансией, информатизацией социальной сферы. Первая тенденция находит выражение и связана с утверждением условности и произвольности социальных установлений, отрицанием социальной сущности человека как таковой, а также теоретическим обоснованием исключительно механической, случайной взаимосвязи между «культурой, как сферой надындивидуальных ценностей, социальностью и властью, как средством установления социальной иерархии» [2, с. 58]. Вторая тенденция воплощается, прежде всего, в теоретическом постулировании субъективизма, релятивизма и номинализма, что в практическом отношении выражается в проникновении «больших манипуляционных технологий» как в индивидуальное, так и в общественное сознание, являясь необходимым условием и предпосылкой возникновения тоталитаризма, прежде всего, как онто-экзистенциального феномена.

Широко распространено мнение, что глобализация суть объективный процесс формирования кардинально новой человеческой общности. Вместе с тем, следует строго различать глобализацию как «объективное явление, обусловленное реальной трансформацией информационно–технологических и производственных процессов в современном обществе, и политику неолиберального глобализма, которая базируется на принципах "Вашингтонского консенсуса" и ориентирована на универсализацию практики рыночной экспансии поверх национальных границ и государственных интересов [1, с. 21–63.]. Глобализация как проект реализации неолиберальных ценностей, согласно которым процессы формирования глобальной мировой структуры объективны, а кардинальные социальные изменения «естественны и безальтернативны», так что только интеграция в глобальное сообщество является адекватной реализацией стратегией развития локальных социокультурных систем, представляет собой хорошо проработанную

политическую идею. Такие атрибуты политики неолиберального глобализма, как «чудовищная поляризация богатства и бедности, непримиримая борьба за ресурсы и рынки сбыта, невиданная по своим масштабам и цинизму культурная экспансия с Запада» и иные деструктивные для локальных культур влияния, «вызывают вполне объяснимый протест в различных странах и регионах современного мира, способствуя разрастанию самых радикальных форм социального экстремизма и фундаментализма» [1, с. 30].

Следует отметить, что глобализация как процесс становления глобального рынка и его институтов, а также процесс перехода к единой мировой экономике без национальных границ, по обоснованному мнению ряда исследователей, был завершен еще на рубеже второго и третьего тысячелетий. «Для современного, уже, по сути, "постглобализационного" этапа развития уже единой мир-системы, – отмечает А.Л. Сафонов, – в значительной степени исчерпавшей потенциал конвергентных процессов и конвергентного развития, характерно преобладание процессов дивергенции и дифференциации, связанных с распадом, фрагментацией и дифференциацией локальных социумов. Вынужденная адаптация социальных групп и структур к новому, безбарьерному и прозрачному, но именно поэтому более конкурентному и нестабильному миру, вынуждает их усиливать собственные барьерные и защитные функции» [3, с. 5].

Сторонники конвергентного (оптимистического) подхода исходили из тезиса, согласно которому глобализация, превращая замкнутые национальные экономики в открытые экономические и социальные системы, ведет к кризису и «отмиранию» национальных государств и наций, утрачивающих свою экономическую основу. Считалось, что мощным фактором культурной конвергенции является глобализация медиарынков и сферы образования локальных социокультурных систем в сочетании с созданием глобального информационного и цифрового пространства. Исходя из этого, представители оптимистического подхода делали вывод о неизбежности конвергентного развития, возникновении некоего глобального «сверхобщества», глобального «плавильного котла», где локальные культурные традиции, национальные и религиозные особенности приобретут статус маргинальных субкультур и их особенности в перспективе нивелируются, формируя некую глобальную, «общечеловеческую» общность. Однако после триумфа западного сценария конвергенции мировых систем в конце XX столетия, реальные процессы глобализации, вопреки разрушению экономических и географических границ, формирующих локальные общности, неожиданно пошли в сторону культурно-цивилизационной, национально-этнической, конфессиональной дивергенции. Кризис локальных социокультурных систем, которые, в свою очередь, должны были уступить место глобальным структурам и ТНК, стал результатом не конвергентного синтеза глобальной общности, а следствием фактической дифференциации наций на этноконфессиональные группы, причем в условиях действительно глобального экономического пространства.

Транснациональная и транскультурная конвергенция и интеграция, еще недавно считавшиеся ведущим социокультурным трендом глобализации, на практике все более ограничены потребительским коммуникативным минимумом и бытовыми потребительскими стандартами, достаточными для существования индивида в глобальной рыночной среде. Если для предшествующих этапов дифференциация – культурно-цивилизационная, национально-этническая, политико-институциональная и социально-экономическая – носила в значительной степени пространственный характер, то в эпоху глобализации преобладает социальная дифференциация непространственного порядка. Основной механизм и основная предпосылка дифференциации и дивергенции – качественное ослабление роли национальных государств и, соответственно, локальных социокультурных регионов как системообразующих социальных групп и источников референтных коллективных форм идентичности. «Разрушая границы и барьеры, – отмечает в этой связи А.Л. Сафонов, – глобализация активизирует не столько смешение и интеграцию, сколько дивергентные процессы

структурообразования и социогенеза, порожденные выходом финансовых и ресурсных потоков из ведения национального государства, обесцениванием связанной с ним системы социальных статусов и ролей» [4, с. 18].

Одной из особенностей, оказывающей влияние на трансформацию дискурса глобализации в начале XXI столетия, является устойчивая тенденция сохранения и углубления различий социально-культурных общностей и локальных социокультурных систем в условиях формирующейся интегрированной экономической и социальной среды. Фрагментация культурно-цивилизационных идентичностей, вызванная широким распространением унифицирующих и стандартизирующих повседневность социальных практик, способствует в большей степени активизации старых и возникновению новых этнических и конфессиональных конфликтов. Так, глобализация, с одной стороны, приводит к трансформации и размыванию локальных культурно-цивилизационных идентичностей, а с другой – является источником активизации процессов самоидентификации локальных социумов, способствуя не консолидации и конвергенции, а, напротив, регионализации и фрагментации современного мира.

Литература

1. Зеленков, А.И. Глобализация как социокультурный вызов современной эпохи / А.И. Зеленков // Философия устойчивого развития / А.И. Зеленков [и др.]; под ред. А.И. Зеленкова. – Минск : БГУ, 2015. – С. 21–63.
2. Голубев, С.В. Основания государственности: социально–философский анализ / С.В. Голубев. – Минск: Изд–во БГУ, 2005. – 182 с.
3. Сафонов, А.Л. Социальные атрибуты глобализации / А.Л. Сафонов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – 2012. – № 14а. – С. 3–9.
4. Сафонов, А.Л. Глобализация как дивергенция: кризис нации и "ренессанс" этноса / А.Л. Сафонов, А.Д. Орлов // Вестник Бурятского гос. ун-та. Философия, социология, политология, культурология. – 2011. – № 6. – С. 17–23.

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКО- АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА

А.П. Косов

г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова, alekos1979@mail.ru

Проблемы глобализации и становления нового мирового порядка являются предметом активных дискуссий политиков и ученых. Цель данной статьи – рассмотрение имеющихся в российском внешнеполитическом дискурсе оценок роли глобализации в формировании нового мирового порядка.

Ключевые слова: глобализация, новый мировой порядок, политико-академическое сообщество России.

В конце XX – начале XXI века в мировом политико-академическом сообществе активно заговорили о глобализации как одной из важнейших составляющих в архитектуре нового мирового порядка. Вслед за западными политиками и экспертами к дискуссиям на данную тему подключились и их российские коллеги.

Целью данной статьи является рассмотрение имеющихся в российском внешнеполитическом дискурсе оценок роли глобализации в формировании нового мирового порядка.

Сегодня, наверное, трудно найти более дискуссионную тему, чем глобализация. Предметом оживленных дебатов служит буквально все, что касается понятий «глобализация» и «новый мировой порядок». Авторство самого термина «глобализация» приписывают американцу Т. Левиту, который еще в 1983 г. в «Гарвард бизнес ревью» писал о слиянии рынков отдельных продуктов, производимых крупными ТНК [1, с. 194]. Распространение же термин «глобализация» получил благодаря американскому социологу Р. Робертсону и японцу К. Омае, опубликовавшему в 1990 г. бестселлер «Мир без границ» [2, с. 15]. В свою очередь, термин «новый мировой порядок» возник еще раньше – в начале XX века. Известно, что к нему в свое время обращались В. Вильсон и Ф. Рузвельт, У. Черчилль и И. Сталин. Использовался он и в гитлеровской Германии. Но особенно активно в политическом лексиконе стал употребляться с конца прошлого века. Так, 11 сентября 1990 г. президент Дж. Буш-ст. выступил на объединенной сессии Конгресса США и провозгласил возможность создания нового мирового порядка [3, с. 78]. Тем самым, начиная с конца XX века понятия «глобализация» и «новый мировой порядок» оказались неразрывно связаны друг с другом. Неудивительно, что в политико-академических кругах многими глобализация стала определяться как модель мироустройства, утвердившаяся в международных отношениях на неопределенно долгое время. Ее понимают как систему взаимоотношений, порожденную быстрым научно-техническим прогрессом, гигантским ростом инвестиций, интеграцией хозяйственных усилий в масштабах, которые ранее не наблюдались [4, с. 13].

В российском внешнеполитическом дискурсе встречаются как позитивные, так и негативные оценки глобализации. Разумеется, рассмотреть весь спектр мнений в одной небольшой публикации не представляется возможным, тем более что автор уже обращался к проблеме осмысления российской внешнеполитической мыслью феномена глобализации [см.: 5]. Поэтому было решено обратить внимание только на некоторые оценки роли глобализации в процессе формирования нового мирового порядка. Как правило, это мнения известных представителей политико-академического сообщества России. Как отмечал в 2000 г. И. С. Иванов, бывший в 1998–2003 гг. министром иностранных дел России, глобализация стала одной из ведущих тенденций мирового развития. При этом вместо ожидаемого международным сообществом решения глобальных проблем глобализация привнесла человечеству немалые дополнительные проблемы. Глава МИД РФ отмечал, что ее негативные последствия превосходят положительный эффект, который ощущают на себе только высокоразвитые страны Запада [6, с. 19]. Такую точку зрения в начале XXI века разделяли и другие политики и эксперты. Так, известный политолог А. А. Громыко отмечал содействие глобализации увеличению разрыва между Западом и Востоком. По его словам: «Глобализация – это весьма хрупкая среда для алчных финансовых интересов, действующих в мире, где набирает силу гонка вооружений, возрастает опасность самоуничтожения человечества» [3, с. 83]. Политолог и экономист В. Л. Иноземцев считал, что те процессы, которые называют глобализацией, более точно могут быть определены как вестернизация [7, с. 60.]. Согласно эксперту, Вашингтон предложил мировому сообществу свой проект «глобализации по-американски». Однако он имел ряд скрытых изъянов, обусловивших главные кризисные явления глобализации. По мнению В. Л. Иноземцева, не имея рычагов системного политического воздействия на развивающиеся страны, американцы перешли к тактике избирательного и точечного вмешательства, которое постепенно стало идентифицироваться с изощренной защитой интересов американских ТНК и служить одним из доказательств грабительского характера «новой глобализации». В рамках логики этой «новой глобализации» отношения между центром и периферией качественно изменили свой характер; теперь это были отношения между теми, кто активно действует, и теми, кто вынужден лишь реагировать на эти действия [7, с. 64.]. По мнению известного рос-

сийского международника А. И. Уткина, глобализация ведет к консолидации мира на условиях наиболее развитой его части [8, с. 47]. При этом мировой порядок уже не основывается на суверенных государствах. Инициатива перешла к ТНК [8, с. 52–53].

Значительная часть российского политико-академического сообщества отождествляет процесс глобализации с политикой США на мировой арене. Так, философ И. А. Гобозов из МГУ полагает, что искусственно навязанная всему остальному миру глобализация началась после умышленного развала СССР [9, с. 5]. По его мнению: «В отличие от интернационализма глобализация разрушает единство и многообразие мировой истории. <...> Глобализация не есть объективный процесс, она искусственно и порою насильственно насаждается США и их союзниками с целью защиты своих национальных и геополитических интересов» [9, с. 134]. Тем самым философ глубоко убежден, что «глобализация исходит от Соединенных Штатов Америки» [9, с. 186].

Известный российский философ А. С. Панарин, негативно оценивая процесс глобализации, указывал, что американоцентричная глобализация носит паразитарный характер [10, с. 26]. Усилиями глобалистов целенаправленно конструируется мир политического и экономического монополизма Запада, в котором «нормальная соревновательность и партнерство подменены делением на расу господ и расу неприкасаемых, на «золотой миллиард» и бесправную периферию» [10, с. 10].

По мнению философа Ю. Д. Гранина, «... нынешняя волна глобализации, будучи в значительной мере превращенной формой национализма стран «первого мира» и США, побуждает крупные региональные державы «полупериферии» вырабатывать собственные национальные формы глобализационных стратегий, препятствующие ее распространению в формах «вестернизации» или «культурной гибридизации» [11, с. 3].

Однако среди представителей российского политико-академического сообщества есть и те, кто не отождествляет развитие глобализации исключительно с действиями США. Известный международник Н. А. Косолапов из ИМЭМО РАН еще в начале XXI века считал, что в современном мире имело место сочетание объективной динамики мирового развития с теми или иными претензиями Запада под эгидой Вашингтона или ТНК на лидерство в нем [12, с. 297–298]. С его точки зрения, глобализация все более движется не только волей США, ЕС, Японии и крупнейших ТНК, но и международными организациями, международной финансово-экономической бюрократией, чьи решения все чаще становятся уже не только де-факто, но и юридически обязательными для номинально суверенных государств. Однако, несмотря на возросшую целостность, мир по-прежнему остается разнообразным [12, с. 323–324].

Многие российские эксперты отмечают, что глобализация существенно повлияла на систему мирового порядка. Так, согласно профессору В. Б. Кувалдину из МГУ, после окончания «холодной войны» именно США «набросали» контуры глобального мира под эгидой Запада. Но сегодня он «очень быстро обретает свою собственную логику, которая далеко не укладывается в исходный замысел его создателей» [13, с. 399]. С точки зрения К. С. Гаджиева из ИМЭМО РАН, глобальный кризис 2008 г. окончательно завершил эпоху западнцентристского миропорядка и поставил точку на «Вашингтонском консенсусе», являвшемся символом глобализации [14, с. 15.]. Он уверен, «что гегемонистские державы и навязываемая ими стабильность становятся реликтами прошлого, артефактами истории международных отношений» [14, с. 5]. В то же время, по его мнению, это не означает, что на смену Западу приходит или уже пришел восточнцентристский миропорядок. Просто наряду с США и ЕС появляются новые равновеликие центры силы – Китай, Индия, Бразилия. Поэтому «радикальное отличие нового миропорядка от прежнего евроцентристского состоит в том, что он основывается не на одной, а на нескольких равновеликих несущих конструкциях в лице Запада и Востока, Юга и Севера» [14, с. 17]. По мнению Л. Е. Гринина из Института востоковедения РАН, сначала она способствовала разрушению послево-

енного порядка, затем способствовала установлению мировой гегемонии Запада, и, наконец, начала менять баланс экономических сил в мире в пользу развивающихся стран. По его словам, решающую роль в ослаблении экономических позиций Запада и США и одновременно в укреплении и подъеме стран Азии и Латинской Америки сыграла именно глобализация [15, с. 71.]. Ученый уверен, что сокращение могущества США и Запада было неизбежным. Кризис 2008–2013 гг. лишь обнажил то, что фактически уже имело место: ослабление главных центров западной экономики и неизбежность утраты Западом абсолютного лидерства [15, с. 66].

Таким образом, в российском политическом дискурсе активно обсуждается роль глобализации в формировании нового мирового порядка. Представители политико-академического сообщества России придерживаются различных точек зрения относительно сущности глобализации. Что же касается нового мирового порядка, то он большинством политиков и экспертов отождествляется со стремлением США доминировать на мировой арене. В целом же, эволюция глобального развития человечества ведет к изменению взглядов на проблему глобализации. Во многом они изменились под влиянием финансово-экономического кризиса 2008–2009 гг., существенно подорвавшего имидж западнцентричного мира. Поэтому сегодня глобализация понимается не только как инструмент доминирования Запада, но и объективный процесс, способствующий подъему незападных центров силы, например, КНР, Индии, Бразилии и др.

Исследование выполнено в рамках ГПНИ «Экономика и гуманитарное развитие белорусского общества» (науч. рук. – чл.-кор. НАН Беларуси, д.и.н., проф. А. А. Коваленя), подпрограммы «История и культура» (науч. рук. – к.и.н., доц. В. В. Данилович).

Литература

1. Тойганбаева, А. Е. Методологические основы глобализации в развитии мировой экономики / А. Е. Тойганбаева, З. С. Кенжебаева // *Фундаментальные исследования*. – 2012. – № 3. – С. 194–198.
2. Омае, К. Упадок национального государства: становление региональных экономик / К. Омае. – М. : Европа, 2009. – 336 с.
3. Громыко, А. А. Становление нового мирового порядка / А. А. Громыко // *США – Канада: экономика, политика, культура*. – 2002. – № 11. – С. 78–88.
4. Громыко, А. А. Глобализация и глобальное управление: возможности и риски / А. А. Громыко // *Вестник Московского университета. Серия Международные отношения и мировая политика*. – 2013. – № 3. – С. 3–26.
5. Косов, А. П. Российская внешнеполитическая мысль о феномене глобализации в современном мире / А. П. Косов // *Ученые записки УО «ВГУ им. П.М. Машерова» : сборник научных трудов*. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – Т. 23. – С. 59–67.
6. Иванов, И. С. Внешняя политика России и мир. Статьи и выступления / И. С. Иванов. – М. : Московский государственный институт международных отношений (Университет) ; РОССПЭН, 2000. – 352 с.
7. Иноземцев, В. Л. Вестернизация как глобализация и «глобализация» как американизация / В. Л. Иноземцев // *Вопросы философии*. – 2004. – № 4. – С. 58–69.
8. Уткин, А. И. Мировой порядок XXI века / А. И. Уткин. – М. : Эксмо, Алгоритм, 2002. – 512 с.
9. Гобозов, И. А. Государство и национальная идентичность: Глобализация или интернационализация? / И. А. Гобозов. – М. : ЛИБРОКОМ, 2013. – 200 с.
10. Панарин, А. С. Искушение глобализмом. – М. : Эксмо, 2002. – 416 с.
11. Гранин, Ю. Д. «Глобализация» или «вестернизация»? / Ю. Д. Гранин // *Вопросы философии*. – 2008. – № 2. – С. 3–15.

12. Косолапов, Н. А. Глобализация: от миропорядка к международно-политической организации мира / Н. А. Косолапов // Богатуров А. Д., Косолапов Н. А., Хрусталева М. А. Очерки теории и политического анализа международных отношений. – М. : НОФМО, 2002. – С. 297–334.

13. Кувалдин, В. Глобальный мир. Политика. Экономика. Социальные отношения / В. Кувалдин. – М. : Весь Мир, 2017. – 400 с.

14. Гаджиев, К. С. Мировой экономический кризис: политико-культурное измерение / К. С. Гаджиев // Вопросы философии. – 2010. – № 6. – С. 3–19.

15. Гринин, Л. Е. Глобализация тасует карты (Куда сдвигается глобальный экономико-политический баланс мира) / Л. Е. Гринин // Век глобализации. – 2013. – № 2. – С. 63–78.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО

Е.Э. Кривоносова

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, crielena@yandex.ru

Цель статьи – анализ рисков современной цивилизации, перспектив будущего.

Ключевые слова: прогноз, цивилизация, социальные противоречия, архитектура будущего.

В античной мифологии есть образ Кассандры, предсказаниям которой никто не верил. В наше время все обстоит наоборот – прогнозам многие верят, даже если в них мало истины. «Управлять – значит предвидеть» – этот древний афоризм никогда не был столь оправдан и современен, как сейчас. Модус существования современного общества характеризуется динамизмом и, на первый взгляд, восходящим вектором развития во всех сферах жизни. Думается, многие горды тем, что родились в эпоху бурных скоростей в науке, технологиях, образовании, перемен в области гуманизации труда, открытости общественных, политических, культурных систем. Но за фасадом внешне привлекательных преимуществ и достоинств дня сегодняшнего по сравнению с минувшим часто скрывается масса противоречий, проблем, которые все труднее не замечать или отрицать. Указанная амбивалентность, «текучесть» (З. Бауман) стала характерной чертой настоящего, которое еще не обрело имя. Мы живем в эпоху «пост»: посттоталитаризм, постмодернизм, постсоциализм, постиндустриализм, «поствоинная эпоха» (А. Зиновьев). Прошрое мы четко обозначаем. А сегодняшние реалии приводят нас в состояние растерянности от неспособности или нехватки времени и желания задуматься о смысле происходящего и долгосрочных последствиях наших действий. Ставка делается, по словам М. Хайдеггера, на рассчитывающее, калькулирующее, атакующее мышление. А осмысляющее мышление, позволяющее познать смыслы бытия, мы оставили невозделанным, «под паром»: «сегодняшний человек спасается бегством от мышления». [1, с. 104] Но подобная технологическая близорукость заставляет только реагировать на (а не упреждать!) негативные последствия жизнедеятельности человечества, а, следовательно, рождает чувство «no-future», жизни без будущего. Даже думать и говорить о будущем сложно, оттого что это измерение далеко, туманно, непредсказуемо, многовариантно. Нельзя не отметить, что при всей альтернативности прогнозов антиутопии и фантастические фильмы о будущем рисуют чудовищные, пессимистические сценарии. Неужели предсказания фантастов сбудутся, как, например, напророченное К. Чапеком появление роботов? Будущее – неопределенность, рожающая переживания и страхи. А страх, как известно, часто парализует либо приводит к панике. Вот и

получается, согласно Р. Лэппу, что несемся мы в поезде к неизвестным пунктам назначения, без ответственных машиниста и стрелочников, которые должны бы, по идее, обладать опережающим, стратегическим знанием. При этом большая часть пассажиров находится в последнем вагоне и смотрит ностальгически назад.

Откуда же эта неуверенность в будущем? Не оттого ли, что ощущение зыбкости бытия связано с «моральным износом» (Ж. Бодрийяр), релятивизмом ценностей, императивом потребления, деградацией среды обитания вследствие негативных аспектов НТП, глобализацией, бездуховностью массовой культуры? Не потому ли, что подсознательно понимаем, что архитектуру завтрашнего дня выстраиваем в дне сегодняшнем, и сами виноваты в плачевных последствиях? А признавать вину, ой, как не хочется. Не в силу ли того, что теряемся от множества прогнозов, бессилия, боязни ответственности, понимания динамичности, комплексности, глобальности проблем, которые и решать, соответственно, нужно сообща? Но при этом, к сожалению, «наш человек отличается от муравейника тем (среди прочих признаков), что в нем во всех частях, во всех сферах, во всех разрезах, во всех подразделениях, на всех уровнях структуры, всегда и во всем идет ожесточенная борьба между «человеками»». [2, с. 10]

Вызывает удивление, что некоторые ученые рассуждения о катастрофах будущего считают спекулятивными, гиперболизированными. Мол, мы защищены уровнем образованности и культуры общества. При этом нередко ссылаются на авторитет В.И. Вернадского, который якобы считал, что после формирования ноосферы движение человечества в направлении уничтожения им самим жизни на Земле невозможно. Прибегают к аргументам теории культурного отставания У. Огборна, согласно которой заблуждения возникают в рамках отставания гуманитарной культуры от естественнонаучной, от темпов технологизации. На наш взгляд, не о косности духовной сферы нужно говорить, а об ее ломке. Типологию личности Р. Дарендорфа пора дополнить типом *homomoralis*, несформированность которого и привела социокультурную сферу к поражению в борьбе с технократизмом.

Такая реакция напоминает больного в стадии отрицания своей болезни. Нельзя обойти вниманием угрозы и риски современной цивилизации, например, непоправимый ущерб среде обитания, культ потребления и гедонизма. Атака на окружающую среду, мировоззренческие, нравственные основы социума стремительно приближает нас к критической черте, и, в соответствии с законом перехода количественных изменений в качественные, неизбежно ведет к возникновению синергетического эффекта и эмерджентности. Выход видится в преодолении позиции «после нас хоть потоп», переходе в стадию рационального принятия и решительной мобилизации усилий для решения проблем и проведения политики реприродизации, регуманизации, возвращения на рельсы морально-ответственной жизнедеятельности, где есть место долгу, совестливости.

Для переориентирования сознания, Э. Тоффлер, как известно, предлагал читать не только курс истории, но и курс будущего, который заставил бы каждого в настоящем рефлексировать, ответственно подходить к своей жизнедеятельности во всех ее аспектах (экономическом, экологическом, политическом, духовном), а также инициировать производство утопий, по которым соскучилось человечество. Во многом с ним солидарен и Н.Н. Моисеев. Чтобы не подвергать опасности перспективы будущего наших детей, замечает он, мы должны «предельный животный эгоизм и индивидуализм, оперирование лишь сиюминутными категориями заменить на путь "героизма" и возрождения древних традиций, призывающих жертвовать частью настоящего во имя будущего наших детей». [3, с. 295]. Для решения цивилизационных проблем нужны не только политические усилия, перестройка социально-экономической организации общества, но и переформатирование сознания, мировоззрения каждого человека в плане как терминальных, так и инструментальных ценностей. Тем важнее в ситуации социокультурного

кризиса сохранение базовых нравственных ценностей, культурного кода, корневой системы духовной жизни каждого этноса.

Прогнозирование и заблаговременное принятие обоснованных решений стали повелительным требованием как для органов власти, так и «капитанов» бизнеса, руководителей партий и объединений, чья деятельность и результаты все больше зависят от точных расчетов на будущее, от предвидения новых открытий в науке и технике, от грамотной ориентации в экономической конъюнктуре, назревающих социальных и политических конфликтах и в целом ряде факторов, причем не в одной стране, а в глобальном масштабе.

Литература

1. Хайдеггер, М. Разговор на просёлочной дороге: Сборник / Мартин Хайдеггер; пер. с нем. А. Л. Доброхотова. – Москва: Высш. шк., 1991. – 192 с.
2. Зиновьев, А.А. Глобальный человек / А.А. Зиновьев. – М.: Эксмо, 2003. – 448 с.
3. Моисеев, Н.Н. Заслон средневековью / Н.Н. Моисеев. – М.: Тайдекс Ко, 2003. – 311 с.

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ

Э.И. Рудковский

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова, edw.ru@yandex.ru

Цель статьи – анализ проблемы культурной безопасности в современном социуме, соотношение ее глобальных и региональных аспектов.

Ключевые слова: культурная безопасность, диалог культур, глобализация, пограничье, культурный код.

Общественные трансформации последних десятилетий не могли не затронуть духовную жизнь общества, сферу культуры. Характер отношений между людьми, к миру претерпел существенные изменения. Значение и роль культуры, духовности в стремительно меняющемся социуме резко возрастает. Это сфера должного, но, к сожалению, не сущего. Нельзя не отметить, что у значительной части населения происходит утрата интереса к высокой культуре. Различные эрзацы массовой культуры заполнили экраны телевизоров, полосы газет и журналов. Мы живем в таком информационном поле, когда количество фейковых новостей и публикаций зашкаливает. Информация, идущая с сетевых ресурсов, не подвергается хотя бы малейшей фильтрации.

Культурная безопасность – это состояние защищенности фундаментальных духовных ценностей, система отношений, обеспечивающих благоприятные условия для саморазвития общества и духовного роста отдельных его членов. Культурная безопасность не сводится к безопасности культуры как таковой. Она является фактором обеспечения безопасности общества и государства. Культурная безопасность определяется целым рядом факторов, среди которых можно выделить следующие:

- уровень духовной культуры общества и отдельных его членов;
- политика государства, направленная на развитие культуры, ее сохранение и воспроизводство;
- защита культурного кода народа, его идентичности от рисков и угроз в условиях всепроникающих информационных потоков.

Культурная безопасность тесно связана с проблемой соотношения традиций и инноваций, диалога культур в современном мире. Любая культура может развиваться и сохраняться, если она тесно связана с общечеловеческими ценностями и состоянием других культур. Вместе с тем, духовные ценности, возникшие в иной социокультурной

сфере, нельзя рассматривать как деталь какого-то механизма, которую можно вынуть и внедрить в свою социокультурную систему. Однако такие попытки предпринимаются как изнутри, так и извне, без учета культурного кода, менталитета, субстанциональных ценностей иной цивилизации. Менталитет народа – это акциденция, которая может быть изменена вместе с изменением субстанциальных основ бытия общества. Нельзя не согласиться с мыслью о том, что заимствование чуждого опыта будет полезным и эффективным лишь при условии наличия собственной основы, собственного ядра и своей смыслообразующей идеи. Если всего этого нет, то рассчитывать на успех, процветание и самостоятельность не приходится. [1, с.215] Сегодня необходимо «культурное импортозамещение», культурный суверенитет, который является важнейшим ресурсом нации. К сожалению, доказывая свою самостоятельность, мы часто пытаемся показать не свою глубину к самобытности, используем язык и ценности той культуры, от которой хотим дистанцироваться.

Глобализация предстает не только как формирование единой человеческой культуры. Одновременно идет прочее разделение человеческого общества по качественно новым основаниям: имеет место усиление локальных культур. Данный процесс Р. Робертсон называл глокализацией. Общечеловеческие ценности могут реализоваться лишь в локальной форме. Для человечества как единого целого важен опыт локальных культур. Глобализация сопровождается регионализацией международных отношений. Регионы и региональное сотрудничество способствуют защите общества, его устоев, ценностей от негативных последствий глобализации.

А рамках региональных интеграционных образований важную роль играет приграничное сотрудничество. Глобализация и регионализация мира влекут за собой переконфигурацию и изменение статуса многих старых и возникновение различного рода новых границ. Это специфическая черта современного социума необычайно актуализировала тему пограничья не просто как экономико-географического, но и антропологического и социокультурного феномена. Столкновение и, нередко, напряженный аналог разных культурных традиций способствуют формированию своеобразного «пограничного человека». «Люди пограничья» появляются там, где им приходится отстаивать свою этническую и культурную идентичность под напором иного социокультурного окружения.[2, с.6] Учет основных измерений социокультурной среды пограничья, элементов региональной идентичности – актуальная задача органов управления, отвечающих за разработку программ интеграционных процессов.

Следует отметить, что духовная культура белорусско-российского приграничья не находится в состоянии «опасности». Две культуры по обе стороны границы больше объединяют, чем разъединяют людей. Это обусловлено общностью исторических судеб двух народов, близостью духовных ценностей. Об этом свидетельствуют и результаты проведенного социологического исследования: 65 % опрошенных респондентов полагают, что различия в духовной культуре по обе стороны границы несущественны. Для граждан приграничья характерна опора на традиционные ценности (семья, здоровье, «не в деньгах счастье», любимая работа), приоритет духовного над вещественными, сосредоточенность на собственных житейских силах и относительное равнодушие к политике. Вместе в тем опрошенные испытывают гордость за успехи своего государства.

Конечно, нельзя исключать негативное влияние некоторых российских средств массовой информации. Информация о событиях в Республике Беларусь, ее внешнеполитическом курсе порой подается тенденциозно. При этом следует учесть, что граждане Республики Беларусь в большей мере информированы о состоянии дел в Российской Федерации, чем россияне о нашей стране. Иной раз называют Республику Беларусь самой советской из бывших республик СССР. Возникает вопрос: было ли в СССР все однозначно плохо? Полагаем, что это вопрос риторический. Следует учесть, что в нашей

«памяркоўнасці», традыцыйнасці, нетароплівасці, нежелання без оглядкі воспринимать некоторые сомнительные «ценности» Запада и есть наша сила, наша «самость».

Исходя из выше изложенного, можно сделать вывод, что культурная безопасность – важнейшее условие национальной безопасности, фактор сохранения идентичности нации, духовная предпосылка успешного межрегионального, регионального и приграничного сотрудничества. В этом процессе следует сбалансировать экономическое и социокультурное измерение бытия человека, использовать культурный капитал нации, сложившийся столетиями. Необходимо сделать все возможное, чтобы «понятие «человеческого капитала», этого главного фактора жизнеспособности страны, воплотилось в конкретных законодательных актах, социальных и гуманитарных программах» [3].

Літаратура

1. Кирвель, Ч.С. Восточнославянские народы в эпоху глобализации: выбор пути развития / Ч.С. Кирвель // Современные глобальные трансформации и проблема исторического самоопределения восточнославянских народов. – Гродно, ГрГУ им. Я. Купалы, 2008. – 532с.
2. Глобализация, регионализация, пограничье. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2018. – С.115
3. Пространство развития// Союз. Беларусь. Россия. – 4 октября 2018.– С.4.

ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА

М.А. Слемнев

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, mihail_slemnev@mail.ru

Цель статьи – определить ценности, выбор которых способен направить социо-историческое развитие по гуманистическому руслу.

Ключевые слова: цивилизация, ценности, социум, социокультурная программа, марксизм.

Каждая из локальных цивилизаций развивается на основе собственных социокультурных программ, исходные принципы которых отличаются своей самобытностью и поэтому не сводимы в полном объеме к парадигмальным установкам иных культур. Вместе с тем, в деятельности, поведении и общении разных народов имеется немало сходного, зачастую находящегося в эмпирическом состоянии, неотрефлексированного, а то и вовсе функционирующего на уровне коллективного бессознательного.

В условиях обострения военно-политического, экологического и антропологического кризиса, имеющего глобальный характер, чрезвычайную актуальность приобрела проблема поиска объединяющих ценностей, которые смогли бы стать для всех стран мира ориентиром на пути перехода «к новому типу цивилизационного развития, третьему по отношению к традиционалистскому и техногенному» [1, с.359]. На такую форму жизнеустройства различных сообществ в рамках взаимосвязанного мирового социума возлагается надежда ликвидации современных вызовов и угроз, в том числе связанных с наметившейся опасной тенденцией «обесчеловечивания» человека.

Как известно, в качестве эталона для всех стран и народов и, в первую очередь, осуществляющих догоняющую индустриальную и информационную модернизацию своих обществ, предлагается, а, нередко, насильственным путем насаждается обустройство социального бытия по северо-американскому стандарту с доминирующими в нем буржуазно-демократическими правами и свободами человека. Если бы эти безусловно важные ценности общечеловеческого звучания органически увязывались с различными

формами социальной ответственности и, особенно, нравственной, а затем объявлялись всего лишь инструментальными, рассматривались как необходимое условие для интеллектуального и духовного развития личности, то против подобной модели мироустройства при обязательном учете специфики национальных культур и ментальных особенностей их носителей принципиальных возражений не было бы.

Но дело в том, что указанные ценности репрезентируются в качестве главных, финалистских, терминальных. Все остальные отодвигаются на задний план как второстепенные, малозначимые для человека.

В итоге такая телеологическая парадигма на практике приводит к авторитарному произволу с неограниченной свободой самовыражения личности. Этому способствует сложившаяся социокультурная среда, в том числе политико-медийная и образовательная, которая превращает, по словам известного испанского философа Ортеги-и-Гассета, «цивилизованных» людей Запада в стадо «обезумевших дикарей», разрушающих выстраданные многовековой историей человечества моральные, эстетические и иные табу. К сожалению, после распада СССР эти уродливые явления стали стремительно проникать и на постсоветское пространство.

Настойчивая глобализация западной демократии с широко рекламируемыми индивидуальными правами и свободами является удобным прикрытием для продвижения монополистического капитала в страны «третьего мира». Это встречает активное сопротивление радикально настроенных националистических групп, прежде всего исламистского толка, которые руководствуются ответным зеркально-симметричным принципом: «Если кто-то не живет по нашим законам, мы придем к вам и заставим это делать».

Такая политика оборачивается кровопролитными войнами, гибелью огромного количества мирного населения и, как следствие, возрастанием потока мигрантов с последующим погружением в отторгающую их социокультурную среду. В итоге обострившегося противоборства разных цивилизаций человечество, как отмечает Н.И.Лапин, столкнулось с реальной угрозой «его рецессии к нецивилизационному состоянию»[2, с.8].

В данной связи несомненный интерес представляет конструирование моделей будущей цивилизации в рамках концепта «реального гуманизма», понятийные контуры которого очертил К.Маркс в своих ранних работах. В качестве фундаментальных ценностей, которые могли бы придать разнообразию культур органическую целостность и гуманизировать общественные отношения, предлагаются жизнь, достоинство человека и ненасилие в отношениях между отдельными людьми и целыми народами [2, с.10]. Такой подход следует признать весьма перспективным, поскольку отмеченные ценностные предпочтения с той или иной степенью семантической прозрачности представлены уже в мифах и ранних верованиях различных народов. Что касается мировых религий, то эта ценностная триада, по сути, является их аксиологическим основанием.

При поиске ценностей, на которые возлагаются цивилизационно-интегративные функции, полезно использовать не только теорию аутентичного, недогматического, временами свободно интерпретированного марксизма, но и критически осмысленную практику его применения при строительстве социализма и, прежде всего, в СССР. После распада великой державы говорить в позитивном духе о недалеком социалистическом прошлом ряде республик бывшего СССР, равно как и некоторых странах, по терминологии того времени, «социалистического лагеря», стало считаться не просто правилом дурного политического тона, но и является достаточно опасным занятием. За это можно получить обвинение в пропаганде коммунистической идеологии, которая объявлена вне закона.

Действительно, в процессе созидания нового социального строя было сделано много трагических ошибок и пролито немало крови. В то же время реализация марксистского советского проекта привела к стремительному историческому развитию, отмеченному невероятными научно-техническими, социальными, образовательными и – при всех сложно-

стях, вызванных излишним догматизмом и ригидностью идеологии – культурными достижениями. Созданный социальный мир был достаточно сильным, чтобы защитить себя, отстоять свое право на существование в абсолютно враждебном ему окружении. Он жил не по милости других, стараясь им угодить, но вопреки воле врагов.

Марксизм, в той степени, в которой можно признать его основой этого советского мира, является единственным учением, подтвержденным реальной практикой, проверенным исторически, научно. Подобное сочетание социально-теоретического и практико-исторического – исключительное, единственное пока в истории. Ничего подобного, сопоставимого в сродстве учения и общесоциальной жизни, так и не появилось.

Нынешнему капитализму нечего предъявить для честного победительного сравнения, особенно в духовной сфере. Интеллектуальная и нравственная реальность ведущих стран Запада, а также отрекшейся от себя части постсоветского мира, в целом представляет собой весьма грустное, а, нередко, и отвратительное зрелище. Создается впечатление, что самыми актуальными проблемами здесь являются защита прав сексуальных меньшинств, создание комфортных условий для однополых браков, легитимизация так называемого «третьего пола», борьба с «тотальными» сексуальными домогательствами и т.п.. Капитализм как будто менялся к лучшему, в сторону более человечную и гуманную, пока существовала социально-политическая и идеологическая альтернатива ему как строю, как смыслу и стилю общественного бытия. Как только эта альтернатива исчезла, он незамедлительно приступил к ликвидации всех тактических излишеств. Лишившись возможного, грозящего и побуждающего «завтра», его реальность двинулась обратно, в сторону собственного «вчера», с неизбежным для контр-исторического всплеском иррационализма и насилия [3, с.7-10].

Получилось, однако, так, что созданное ценой титанических усилий социалистическое общество не смогло удержать свой плацдарм (почему – это предмет специального рассмотрения). «Мир, – подчеркивает А.С.Табачков, – в историческом своем движении как будто прервал сам себя, почти дойдя в будущее, остановившись на одной из самых последних развилок этого пути и успев уже туда частично продвинуться – и потому он оставляет в так до конца и не наступившем «завтра» важную часть себя...» [3, с.18].

Недавнее прошлое стран, занимавшихся созиданием нового типа социального бытия, в котором человек мыслился как духовно богатая, нравственно зрелая и физически совершенная личность, не пропало бесследно. С онтологической точки зрения оно существует сегодня в качестве «дремлющего будущего» (Э. Юнгер), сохранившегося «эмбриона гуманизма», который при его пробуждении в состоянии устранить образовавшийся разрыв в поступательном социоисторическом развитии и стать основой для нового восхождения человечества на вершины цивилизации.

В рассматриваемую аксиологическую матрицу, позволяющую заглянуть далеко за горизонты знаменитой «американской мечты» (высокооплачиваемая работа, загородный дом, комфортабельный автомобиль, неприкасаемое личное пространство и др.) органически вписываются и другие, как их именует В.С.Степин, ценностные «точки роста» [1, с.353]. К ним, в первую очередь, можно отнести вызревающий в лоне техногенной цивилизации новый тип рациональности, основанный на особом «этосферном мышлении». Его императивом является обязательное погружение всех видов современной человеческой деятельности, в том числе научно-исследовательской и технико-технологической, в нравственно окрашенную систему координат. Только таким способом можно сформировать необходимые условия для устойчивой коэволюции природы и общества и, тем самым, избежать экологической катастрофы.

Надежда о реальной возможности реализации гуманистического проекта по возвращению человечества к прогрессивному историческому развитию подкрепляется по-

явлением мощных по своему экономическому потенциалу и геополитическим масштабам таких международных сообществ, как ЕврАзЭС, ШОС, БРИКС и др.

Они вносят огромный вклад в переключение «исторического реверса». В противовес запланированному тупиковому социальному строю, конструируемому при помощи жесткого «однополярного лекала», здесь создаются живые, способные к дальнейшему саморазвитию, многоцивилизационные целостности. После превращения их в авангард глобальной эволюции произойдет, если воспользоваться языком синергетики, фрактальное воспроизведение всего позитивного, что было в социалистическом прошлом. И тогда человечество сделает важный шаг в направлении прогрессивного будущего.

Литература

1. Степин. В.С. Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей / В.С.Степин // Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии, редкол.: В.Г.Гусаков (пред.) [и др.]– Минск: Беларуская навука. 2017 – С.352-353.

2. Лапин. Н.И. Фундаментальные ценности цивилизационного выбора в ХХI столетии. Часть I. Человеческая цивилизация перед выбором конфигурации фундаментальных ценностей / Н.И.Лапин // Вопросы философии, 2015. № 4 – С.3-17.

3. Табачков, А.С. Унификация и стандартизация социального бытия в условиях глобализации: угроза утраты различий / А.С.Табачков// Глобализация, регионализация, пограничье. Монография / П.А.Водопьянов[и др.], под науч. ред. М.А.Слемнева – Витебск, ВГУ имени П.М.Машерова, 2018 – С. 7-19.

II. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК РЕЗУЛЬТАТ И УСЛОВИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ, КУЛЬТУРАЛИЗАЦИИ И ИНКУЛЬТУРАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗАЦИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ

СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ

А.М. Бельский

г. Минск, БГУ, ksander_mogilev@mail.ru

Цель статьи – рассмотреть элементы, факторы и тенденции образовательного пространства.

Ключевые слова – образовательное пространство, молодежь, образование, наука, молодежь.

Рассматривая все слои общества, можно отметить, что молодежь представляет собой одну из наиболее мобильных и активных его частей. Это проявляется через ее участие как в социальных, культурных, экономических, так и политических процессах развивающегося информационного общества. В сравнении с другими возрастными группами, обращает на себя внимание то, что молодежь (как относительно целостная социокультурная общность), обладает своим специфическим взглядом на современный мир и то, что в нем происходит. Учитывая выше обозначенное, особую актуальность вызывает даже не столько потенциал молодых людей как статичный конструкт, а скорее его формирование в новых реалиях. Можно согласиться со словами исследователя Е.А. Казаевой, утверждающей, что «становление личности, со сформированной гражданской позицией, соответствующей социальным потребностям, которая была бы способна ориентироваться в противоречивых условиях общественной, политической и экономической действительности, могла бы быть готова к выполнению социальных функций, к общественно-преобразующей деятельности, являлась бы полноценным гражданином» [1], имеет сейчас абсолютную актуальность.

На начало 2018 года количество молодежи в Беларуси составляло более 2 млн. чел., или практически 1/4 общей численности населения страны, из них обучающимися являются более 300 тыс. молодых людей. Именно на данную категорию граждан страна возлагает большие надежды. У любого государства всегда есть ожидания определенного уровня человеческого и социального капитала молодежи, их высокого чувства патриотизма, гражданской идентичности, возникновения высокоразвитого и образованного молодого человека, способного нести ответственность за судьбу своей страны. По данным Национального статкомитета Беларуси, после некоторых несущественных оптимизаций и реорганизаций, в стране действуют 52 учреждения высшего образования, среди которых 34 университета и 9 академий. По состоянию на 2016/17 уч. года, в них обучается 172,6 тыс. студентов. Стоит отметить, что число обучающихся имеет стойкую тенденцию к снижению, ввиду ряда объективных демографических сложностей, с которыми столкнулась страна на более ранних этапах развития (снижение составило с 442,9 тыс. чел. в 2010/11 уч. году до 313,2 в 2016/17 уч. году). Это и подтолкнуло госу-

дарство к активным действиям в области стабилизации демографической ситуации. Ярким примером в этом направлении является введение «материнского капитала». Комплекс мер позволил получить прирост населения по итогам уже 2015 года.

Говоря о числе студентов разных форм получения образования, можно отметить, что оно варьировалось по численности в зависимости от общего снижения массы обучающейся молодежи. Основными формами получения образования в стране являются дневная и заочная. В 2016/17 учебном году на дневной форме обучалось 172,6 тыс. чел., а на заочной 139,2 тыс. чел. Не стоит утверждать, что дневная форма лидировала постоянно. В 2011/12 и 2012/13 уч. годах число студентов заочной формы обучения превышало очную в размере нескольких тысяч (223,1 к 221,7 тыс. чел. и 218,3 к 209,3 тыс. чел. соответственно). Объяснить тенденцию сохранения значительного количества «заочников» можно тем, что ускоренное развитие общества требует постоянного повышения компетенций специалиста с выполнением принципа «образование через всю жизнь», что он и осуществляет без отрыва от производства. Одновременно с этим, массовость высшего образования, а также экономические сложности повысили конкуренцию на рынке труда, что обусловило наилучшее положение сотрудников с высшим образованием даже в тех отраслях, где существовала возможность выполнять свои функции специалистам со среднеспециальным и профессионально-техническим образованием. Такая форма образования как вечерняя в Беларуси имеет тенденцию к постоянному росту (в два раза с 0,7 в 2010/11 уч. году до 1,4 тыс. чел. в 2016/17), но все же значительно уступает заочной и дневной формам, ввиду объективной сложности в таком формате совмещать обучение и трудовую активность. Однако не стоит исключать того, что внедрение инновационных методик в образовательный процесс даст возможность выстроить обучение в этой форме таким образом, что это удовлетворит потенциальных обучающихся. Стоит отметить, что у Беларуси достаточно высокий показатель числа специалистов с высшего образования на 10 тыс. чел. населения, занятого в экономике в сравнении с другими странами. Сопрягая численность студентов в учреждении образования по определенному профилю образования с его популярностью, можно отметить, что на 2016/17 уч. год абсолютным лидером было направление «Коммуникации. Право. Экономика. Управление» (103,9 тыс. чел.). Несмотря на то, что рынок объективно перенасыщен данного рода специалистами, молодые люди продолжают поступать именно на этот профиль. Эта тенденция сохраняется уже продолжительное время, снижения обусловлены только общим сокращением численности студентов. Единственное, что можно отметить – несколько возросший интерес к 2011/12 и 2012/13 уч. годам к архитектурно-строительному профилю, который вернулся в относительно традиционные для 2010/11 года показатели к 2016/17 уч. году. На втором месте по популярности находится направление «Техника и технологии» (63,2 тыс. человек), на третьем месте «Педагогика» (28,2 тыс. чел.).

Если рассмотреть динамику приема студентов в учреждения высшего образования по профилю образования, то стоит отметить наибольшее «проседание» как раз по трендовым профилям. Снижение существенно и в среднем укладывается в 45%. По профилю «Коммуникации. Право. Экономика. Управление.» с 40,0 тыс. чел. в 2010/11 году до 21,0 тыс. чел. в 2016/17. По «Педагогике» с 9,9 до 5,8; «Технике и технологиям» с 20,2 до 12,6 тыс. чел. соответственно. Стоит отметить, что снижение по профилю «Коммуникации. Право. Экономика. Управление.» можно было бы объяснить еще и тем, что в стране уделяется внимание реализации положений «Структурной схемы информационно-аналитической системы прогнозирования потребности экономики в кадрах, их профессионального образования и подготовки», которая установила функции и ответственность за кадровое обеспечение Министерства экономики, Министерства труда и соцзащиты и Министерства образования. Это говорит о том, что ведомства не должны допускать перенасыщенность рынка труда отдельными специальностями, что даст студенту уверенность в

том, что его специальность будет востребована после получения диплома. Исходя из этого, перспективность внедряемых специальностей должна оцениваться с расчетом на 5-10 лет вперед. Однако это не объясняет снижение поступлений по профилю «Педагогика» и «Техника и технологии», по которым востребованность в кадрах существует, но популярность по субъективным предубеждениям снижается. Это ставит острый вопрос по повышению популярности педагогических специальностей, т.к. в будущем можно столкнуться с реальной нехваткой педагогов. Что касается «Техники и технологий», то реальный сектор экономики, да и рынок труда в целом требуют специалистов-профессионалов в этой отрасли, что также не стоит оставлять без внимания.

Усилия страны, направленные на присоединение и последующее вхождение Беларуси в Болонский процесс, которое, в числе ряда преобразований системы образования, сопровождалось переходом на 4-х летнее обучение по большинству специальностей, вызвало реальное развитие 2-ой ступени высшего образования – магистратуры. Наблюдается стойкое увеличение общей численности магистрантов в учреждениях высшей школы в целом по всем профилям образования. Наибольшая численность обучающихся наблюдается по традиционно лидирующему направлению «Коммуникации. Право. Экономика. Управление.», далее – «Техника и технологии» и «Педагогика». Следует указать на разрыв по 2016/17 году между ними в более чем 2-4 тыс. обучающихся. Популярностью пользуются естественные и гуманитарные науки, а также службы безопасности.

Стоит отметить значимость продолжения работы Министерства образования по совершенствованию образовательных программ в направлении их фундаментальности, при этом без потери связи с практикой ориентированностью, с созданием разумного баланса в соотношении этих составляющих. Руководствуясь положениями Стратегии развития информатизации в Республике Беларусь на 2016-22 года, мы не должны упускать возможности использовать в обучении потенциал мультимедийных технологий, которые переводят данный процесс на качественно новый уровень. Молодежь полностью поддерживает идею «научить учиться», т.к. стремительное развитие всех сфер жизни общества диктует принцип постоянного самосовершенствования специалиста через систему непрерывного образования. Полученные в учебном заведении знания должны быть актуальными не только на момент преподавания, но и на дату выпуска, что позволит полноценно включиться в трудовую деятельность.

Внимания заслуживает и негативный прогноз развития системы образования, который говорит о том, что следует рассмотреть возможное истощение интеллектуального потенциала страны. Коммерциализация образования, сопряженная со снижением количества абитуриентов при незначительном сокращении набора, ведет к тому, что высшее образование начинают получать достаточно слабые бывшие абитуриенты, которые не прошли бы конкурсный отбор ранее. На выходе из высшей школы мы получаем достаточно слабых специалистов, которые, вероятнее всего, могли бы проявить себя в рамках получения технических специальностей среднего звена. Возвращение нездоровых амбиций по обязательному получению высшего образования достаточно опасно. В этом русле снова возникает острая необходимость взвешенности решений в ходе реформирования системы образования в соответствии со стандартами Болонского процесса.

Также возможно снижение количества студентов, которые хотели бы продолжить обучение в магистратуре и аспирантуре, т.к. реализовать там полноценную трудовую деятельность достаточно сложно, а существование лишь на стипендию затруднительно. Вместе с этим, учеба по специальности в специальный стаж для назначения пенсии не включается. Периоды обучения по дневной форме в учреждениях, обеспечивающих получение профессионально-технического, среднего специального и высшего образования, повышение квалификации и переподготовку кадров, аспирантуре, клинической ординатуре, докторантуре не относятся к страховому стажу. Отдельный момент –

уровень заработной платы молодого ученого, который подталкивает молодых людей к поиску себя в иных, более доходных сферах.

Процессы взаимообогащения, взаимовлияния особенно ярко проявляются при взаимодействии науки и практики, и в частности, преподавателей, студентов университета и специалистов на предприятии. Без этого невозможно качественно подготовить профессионалов, способных успешно решать современные проблемы. Практико-ориентированный подход, должен обеспечивать повышение качества профессиональной подготовки обучающихся, являться целеполаганием работы филиалов кафедр университета, открытых на базе государственных учреждений, организаций и предприятий города. Университет должен поддерживать проведение фундаментальных и прикладных исследований по основным научным направлениям, приоритетным для страны, создавать условия для функционирования научно-педагогических школ под руководством ведущих ученых. Содействовать участию студентов во всех формах научно-исследовательской работы.

Национальное пространство высшего образования всегда испытывает на себе воздействие целого ряда факторов, участвующих в развитии государственного образования. К таким факторам можно отнести как ряд демографических тенденций, так и уровень экономической стабильности, социального благополучия. Высокая динамика современного развития значительно усложняет процесс своевременной реакции на возникающие вызовы, однако делает остро необходимым процесс их трансформации в дополнительные возможности для эффективного развития высшей школы. Государственным приоритетом является развитие человека как потенциального и действительного производителя научно-технических, экономических и социальных инноваций. Основным адресатом такого подхода, конечно, является молодежь. Она составляет основу той части человеческого капитала, которая наименее обременена стереотипами, а потому способна к динамичной реакции на вызовы современности. Творческий, инновационный образ жизни, талант и способности молодого человека должны стать главнейшими условиями для его общественного признания, материального благополучия, карьерного и предпринимательского успеха.

Литература

1. Казаева, Е. А. Формирование и развитие гражданской позиции личности будущего педагога в исследованиях зарубежных и отечественных ученых / Е.А. Казаева // Концепт. – 2013. – Спецвыпуск № 02 – С. 1-8.
2. Наука и инновационная деятельность в Республике Беларусь. Статистический сборник. Председатель редакционной коллегии: И.В. Медведева. / Национальный статистический комитет. – Минск, 2017.

ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1941–1953 ГГ. (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ)

Н.Г. Болтрушевич
г. Витебск, ВГМУ, pronirvgmu@mail.ru

Цель – рассмотреть основные изменения политики советской власти в отношении Русской православной церкви в 1941 – 1953 гг. В статье обозначены направления деятельности советского правительства в области государственно-церковных отношений в 1941 – 1953 гг. Исследование построено на использовании широкого спектра источников Национального архива Республики Беларуси, Государственного архива Витебской области и научных публикаций, что позволило сформулировать выводы о раз-

витии взаимоотношений Русской православной церкви и советского государства в социокультурной среде в обозначенный хронологический период.

Ключевые слова: русская православная церковь, Совет по делам Русской православной церкви при СНК СССР, государственная церковная политика

После вероломного нападения на Советский Союз фашистской Германии 22 июня 1941 г. положение церкви в стране изменилось. Начался новый этап в истории всех конфессий, но в первую очередь – в истории Русской православной церкви, обусловивший начало существенных изменений в отношении к религиозным ценностям в социокультурной среде советского общества.

К осени 1941 года значительная часть СССР, и в первую очередь БССР, была оккупирована немецкими войсками. Следует подчеркнуть, что на этих территориях произошло активное оживление религиозной жизни. В довоенный период сложилось определённое противоречие между социальной и культурной сферой общества по вопросу отношения к религии и церкви. Политика государства была направлена на минимизацию влияния церкви в советском обществе, в то же время в культурной среде продолжала существовать в разных проявлениях религиозная вера (чувства, традиции религиозной веры). Не случайно, с ослаблением внимания советской власти к религиозному вопросу, население с начала войны стало возвращаться к тем традициям религиозной жизни, следовать которым при советской власти было не возможно. После 1937 г. в Минске, где ранее было 17 церквей и два монастыря, не осталось ни одной действующей церкви. В день захвата немцами города Минска, 28 июня 1941 г., верующие снесли замок и вошли в Свято-Александр-Невскую церковь на военном кладбище, которая была закрыта ещё в феврале 1938 г. Шестого июля здесь состоялась первая литургия [1, с. 217]. Через четыре месяца с разрешения немецких оккупационных властей, которые руководствовались исключительно политическими соображениями, были открыты 7 церквей. За первый год оккупации в Минской епархии, из бывших там до революции 400 приходов, открылись 120 [2, с. 211].

Уже 22 июня 1941 года Местоблюститель патриаршего престола митрополит Сергей выступил с призывом к защите Отечества, а всего за годы войны патриарший Местоблюститель обращался к верующим с патриотическими посланиями 24 раза, откликаясь на все вехи военной жизни страны [3, с. 121]. Несмотря на перенесенные гонения, Русская православная церковь заняла активную патриотическую позицию и приняла участие в борьбе с агрессором. Особенно проявлялось желание верующих оказывать благотворительную помощь. По мнению М. В. Шкаровского, именно материальная помощь государству и Красной Армии в целом стала одним из важных направлений патриотического служения духовенства и верующих в период войны [3, с. 131]. Так, с 1.08.1944 г. по 31.01.1945 г. поступило и собрано по всей Минской епархии 440 тыс.рублей, внесено в банк 350 тыс.рублей, в фонд обороны и на помощь семьям и детям бойцов Красной Армии 86 тыс.рублей. Материальные сборы проводились для помощи госпиталям, раненым бойцам и офицерам [4, д. 1, л. 35].

Советское правительство частично отказалось от антирелигиозной пропаганды, административной и политической борьбы с Русской православной церковью в тех масштабах, в которых она велась в 1920-1930-е гг. Уже в сентябре 1941 г. прекратил деятельность Союз воинствующих безбожников и перестал издаваться его журнал «Безбожник». С февраля 1942 г. в пропагандистских целях была возобновлена издательская деятельность РПЦ. В апреле 1942 г. было разрешено в ряде крупных городов совершать Пасхальный крестный ход вокруг храмов с зажженными свечами, на эту ночь отменили комендантский час [3, с. 198].

Изменение политики государства по отношению к церкви было продиктовано не только стремлением властей использовать её как дополнительную мобилизационную силу в сложный военный период. Улучшение военного положения после побед под Сталинградом и Курском, определили новые приоритеты в политике советского руководства. В планах высшего руководства Советского Союза по послевоенному устройству мира и обеспечению геополитических интересов Москвы важная роль отводилась международному авторитету Русской православной церкви.

Таким образом, спонтанное религиозное возрождение, массовое открытие храмов, активная патриотическая позиция церкви и верующих в годы войны – все эти факторы подтолкнули И.Сталина и его ближайшее окружение к пересмотру политики относительно церкви и, в первую очередь, к Русской православной.

Либерализация в церковном вопросе, начавшаяся в годы Великой Отечественной войны, не означала ослабления контроля государства за церковью и верующими. В качестве органа контроля и связи между государством и Патриархом Московским и всея Руси был создан Совет по делам Русской православной церкви. За короткий промежуток времени был принят ряд нормативных документов, регулирующих деятельность церковных организаций в новых условиях. Основным документом, регулирующим деятельность самой Церкви, стало «Положение об управлении Русской православной церкви», принятое на Поместном Соборе (январь – февраль 1945 г.), утверждённое и одобренное СНК Союза ССР.

Перемены в церковной политике, принятие нового положения церкви обозначили и изменение в жизни церковного подполья – незарегистрированные общины и священники получили возможность легализовать свою деятельность и открывать новые церкви. Согласно принятым и действующим нормативным документам, решения об открытии церквей, закрытии, освобождении помещений государственных и общественных зданий, занятых за период немецкой оккупации под церкви, переоборудование церковных зданий для других целей, слом, разборка церковных зданий, религиозные шествия могли проводиться с разрешения Райисполкома, Облисполкома и Совета по делам РПЦ при СНК Союза ССР [5, д. 1, л. 8,11]. Но в жизни всё было по-иному: из 5770 заявлений об открытии церквей в СССР, поступивших в Совет за 1944 – 1945 гг. было удовлетворено только 414 ходатайств [6, с.120]. Высшее советское руководство не шло на узаконивание стихийного и массового открытия церквей и в целом не отказывалось от снижения религиозности в стране и искоренении «религиозных предрассудков».

И, тем не менее, к 1948 г. процесс массовой регистрации церквей и молитвенных домов в целом был завершён. Так, если на 1 июля 1945 г. числилось 705 церквей (7, д.2, л.14), то в 1948 г. – 1050 (8, д.12, л.265).

Первые шаги по ограничению влияния Русской православной церкви начинают проследиваться ещё во второй половине 1940-х гг. Так, в 1949 г. были прекращены службы вне стен храмов, отменены, кроме пасхальных, крестные ходы, ограничены разъезды духовенства по населённым пунктам. Не допускалось широко применяемое после войны правило: обслуживание одним священником нескольких церквей. Стали ещё активнее преследоваться коммунисты и комсомольцы, посещавшие церковь и совершавшие религиозные обряды. В 1950 г. по рекомендации Совета по делам Русской православной церкви при Совете Министров СССР был принят указ о пострижении в монашество только с разрешения Патриарха, начали призывать в армию учащиеся духовных школ, не имевших сана. Увеличились налоги с церкви [3, с. 345].

И как результата, уже с 1949 г. наблюдается осторожное сокращение количества действующих храмов. Если на 1 января 1949 г. в СССР насчитывалось 14447 официально открытых православных храмов, то на 1 января 1952 г. – 13786, 120 из которых не действовали ввиду использования их для хранения зерна. Количество священников и диаконов

уменьшилось с 13483 до 12254, монастырей до 62 с 4639 насельниками. Только в 1951 г. было закрыто 8 обителей. Не лучшие времена переживали духовные школы [3, с. 342, 346]. Аналогичная ситуация наблюдалась и в республиках. Так, если в БССР на 1 января 1949 г. насчитывалось 1053 храмов [8, д. 12, л. 360], то уже к 1 января 1952 г. числилось на учёте 991 церковь и молитвенных домов [9, д. 33 л. 188]. К началу 1953 г. количество действующих православных церквей и молитвенных домов сократилось ещё на 15 и стало равняться 976 церквям, основное количество которых концентрировалось в западных областях – 774 или 79,4%, в восточных – 202 или 20,6% [9, д. 33 л. 186].

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны произошло массовое религиозное возрождение, которое продолжилось и после войны, открывались и восстанавливались церкви. Всем этим Русская православная церковь продемонстрировала высшему руководству СССР успех в избранной стратегии выживания и сопротивления, которую руководители церкви начали осуществлять ещё в 1920-х гг., при Патриархе Тихоне.

Однако, положение церкви и в послевоенный период, несмотря на заметное улучшение по сравнению с 1920 – 1930-ми гг., в некоторых позициях оставалось не стабильным, что отражалось в нехватке духовенства и подготовке новых священников, открытие духовных семинарий, духовное воспитание детей и молодёжи, восстановление и строительство новых церквей и др.

Литература

1. Канфесіі на Беларусі (к. 18-20 ст.) / В. В. Грыгор'ева [і інш.]; пад навук. рэд. У. І. Навіцкага. – Мінск: ВП Экаперспектыва, 1998. – 340с.
2. Поспеловский, Д. Русская православная церковь в XX веке / Д. Поспеловский. – М.: Республика, 1995. – С. 511.
3. Шкаровский, М.В. Русская православная церковь при Сталине и Хрущёве (Государственно-церковные отношения в СССР в 1939-1964 годах) / М.В. Шкаровский. – М.: Изд-во Крутицкого Патриаршего Подворья, 2005. – 400 с.
4. Протоколы заседаний Совета и переписка Советом по делам РПЦ при СНК СССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. – Описание. 1. – Дело. 1.
5. Указания Совета по делам Русской православной церкви, отчёты и переписка уполномоченного Совета по Витебской области о деятельности РПЦ // Государственный архив Витебской области. – Ф.4131. – Оп.1. – Д.1.
6. Васильева, О.Ю. Русская православная церковь в политике советского государства в 1943 – 1948 гг. – Москва, 2001. – 213 с.
7. Отчётно-информационные доклады уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР по областям БССР о работе // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. – Описание. 2. – Дело. 2.
8. Отчётно-информационные доклады о работе уполномоченных Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР по западным областям БССР // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. – Описание. 2. – Дело. 12.
9. Отчётно-информационные доклады уполномоченного Совета по делам Русской Православной церкви при СМ СССР по БССР и уполномоченных по областям за III и IV кв. о деятельности Русской Православной церкви в Белоруссии // Национальный архив Республики Беларусь. – Фонд. 951. – Описание. 2. – Дело. 33.

ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

П.В. Борботько

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, diplom.rabota2011@yandex.by

Цель статьи – анализ границ, способов и методов специалистов с высшим образованием, являющихся гражданами различных государств, современным вузом.

Ключевые слова: технологический уклад, дополненная реальность, виртуальная реальность.

В публикациях, вышедших в дальнем и ближнем зарубежье, были изложены основы авторской методики составления электронных обучающих ресурсов для изучения истории (как отечественной, так и всемирной), использования их в процессе проведения уроков, во внеурочной работе со школьниками и студентами [1, с. 33].

В настоящей статье хотелось бы рассмотреть вопросы соответствия электронных образовательных ресурсов целям и задачам государственной политики в области образования, вытекающим из программных документов, принятых весной 2016 года Президентом Республики Беларусь и Советом Министров Республики Беларусь (далее СМ) на период до 2020 года. Указ Президента Республики Беларусь № 166 и принятое на его основе постановление СМ № 190, выделяют ряд приоритетных направлений научных исследований. Исходя из того, что создание электронных образовательных ресурсов является частью научного поиска, можно утверждать, что они должны соответствовать указанным документам [2, с. 36].

В этом контексте следует указать, что, современное историческое образование решает первоочередную цель – подготовку квалифицированных специалистов. Вместе с этим, в последние десятилетия встал вопрос о предоставлении образовательных услуг населению (в том числе и платных). Например, абитуриенты, поступающие на платную форму получения образования, являются потребителями данного вида услуг. Этот факт позволяет сделать вывод о соответствии темы данной статьи приоритетному направлению № 11 – “Общество и экономика”.

Необходимо также учитывать, что основная часть научных публикаций описывает процесс создания электронных обучающих ресурсов с точки зрения методики, дидактики и морально-этической оценки их воздействия на человека. Указанная сторона вопроса исследована довольно основательно. Экономическая же целесообразность и эффективность находятся несколько в тени. Между тем, постановление Государственного комитета по науке и технологиям Республики Беларусь от 13 августа 2014 года требует учитывать также:

- “достижение социальных, экономических и экологических показателей от внедрения разработки”,
- “оптимальность выбранной разработки и ее инновационность для Республики Беларусь”.

Мировая практика, связанная с введением и расширением сферы применения электронного обучения (как по кругу лиц, так и по географии) указывает, что электронные ресурсы, инновационные образовательные технологии должны проверяться на безопасность для ментального здоровья потребителей – в первую очередь детей и студенческой молодежи. Это доказывается, например, содержанием и направленностью биллей, находящихся в настоящее время на рассмотрении палат парламента Великобритании; законопроектами, принятыми в 2015-2016 годах бундестагом ФРГ и т.д. Отсюда обнаруживается прямая связь темы с приоритетным направлением № 13 – “Безопасность человека, общества и государства”

Создание современных обучающих компьютерных программ по истории невозможно без привлечения знаний и опыта специалистов как гуманитарного, так и естест-

венного профиля. Например, составление электронной обучающей игры требует хорошего знакомства с педагогикой, психологией, информатикой, информационными технологиями и т.д. Отсюда вытекает необходимое требование междисциплинарности. А это, в свою очередь, дает широкую возможность для творчества в рамках приоритетного направления № 12 – “Междисциплинарные исследования”.

Междисциплинарность имеет еще одно положительное свойство. Каждая наука создавалась и развивалась как стройная система человеческого знания, преследующая конкретные теоретические и практические цели и задачи, использующая наиболее эффективные для этого методы и приемы. Совместные их усилия способны, в настоящее время, решать задачи традиционно не свойственные для каждой из них в отдельности. Например, как хорошо показала О.В. Романова, педагоги порой затрудняются в определении господствующих и перспективных тенденций в образовании. Помочь им в этом могут историки. Специалисты в области информатики незаменимы для создания электронных ресурсов на базе языков программирования C, C++, C#, Lua, VisualBasic, Python и др. Правоведы могут помочь оценить электронные образовательные ресурсы с точки зрения их соответствия действующему законодательству. Экономисты – рассчитать прогнозируемый эффект.

Совместные исследования, проводимые специалистами исторического и юридического профиля, как было сказано выше, могут помочь оценить инновационность предлагаемых проектов. На запрос “инновации и инновационные технологии в образовании”, сделанный, например, в поисковой системе e-library, выдается объемный список научных публикаций (622 наименования). В некоторых случаях, как инновационные преподносятся разработки и методики 1930-х – 1980-х годов, соответствующие уровню научных представлений XX века. Между тем, статья 1 Закона О государственной инновационной политике и инновационной деятельности в Республике Беларусь указывает, что “Инновация – введенные в гражданский оборот или используемые для собственных нужд новая или усовершенствованная продукция, новая или усовершенствованная технология, новая услуга, новое организационно-техническое решение производственного, административного, коммерческого или иного характера”.

В соответствии с указанным законом, большая часть этих предложений подходит под понятие “новшества”, а не “инновации”. Его статья 1 вводит необходимые критерии для такого понимания:

- технология является результатом интеллектуальной деятельности;
- обладает признаками новизны по сравнению с существующими аналогами для определенного сегмента рынка;
- обладает практической применимостью;
- способна принести положительный экономический или иной эффект и т.д.

Здесь же следует предположить, что описываемые приоритетные направления научных исследований должны не только учитываться преподавателем как субъектом творческого научного процесса, но и закладываться в образовательную технологию как задачи обучения по их использованию школьниками и студентами. Технология должна быть такой, чтобы снабжала молодого человека не только знаниями, но и образцами (паттернами) решения творческих задач, работы в указанных направлениях. Что напрямую будет соответствовать, например, образовательному стандарту высшего образования первой ступени специальности 1-21 03 01 “история (по направлениям)”.

Междисциплинарность позволяет также обнаружить связь между рядом государственных программ: “Образование и молодежная политика”, “Наукоемкие технологии и техника”, “Программа развития цифровой экономики и информационного общества” и т.д.

Хотелось бы обратить внимание на некоторые пробелы в этих программах, которые, вполне возможно, станут на повестку дня уже в ближайшие годы. В таком случае придется корректировать их выполнение, вносить новые дополнения.

Например, указанные программы не ставят задачу создания наукоемкого конкурентоспособного продукта в среде гуманитарных наук. Такая цель указывается лишь для естественных наук и исследований, проводимых в их русле. Вместе с тем, как указывалось выше, образование имеет одной из задач (пусть и не основной) предоставление платных услуг. В связи с упрощением процесса получения высшего образования зарубежом, потенциальный абитуриент волен выбирать где учиться. Одновременно одним из приветствуемых с точки зрения государственной политики вопросов является привлечение в университеты Республики Беларусь иностранных студентов. Мотивом выбора иностранца в пользу получения исторического образования в Беларуси, возможно, могло бы стать предложение услуг, соответствующих мировым стандартам электронного обучения, давно применяемого и коммерчески используемого в образовательных системах Западной Европы.

Речь не идет о том, что гуманитарии должны совершать открытия в технике и технологиях. Здесь имеется в виду использование современных технологий, методик и методов, сложившихся в первом десятилетии XXI века. Для этого необходимо их изучение, обобщение и государственная сертификация. Белорусским ноу-хау могла бы стать разработка и создание обучающих компьютерных симуляторов по истории (как отечественной, так и всемирной). Позволим себе сделать предположение, что подобный продукт мог бы дать некоторый экономический эффект. Они носили бы все признаки как инновации, так и наукоемкого производства.

Курс на цифровую экономику и информационное общество, провозглашенный как Республикой Беларусь, так и мировым сообществом, также имеет непосредственное влияние на систему исторического образования.

В связи с данной целевой установкой наблюдается некоторое противоречие, требующее разрешения. Современный молодой человек, пользуясь продуктами цифрового мира и электронными девайсами нового поколения, морально и интеллектуально готов к переходу к информационному обществу, цифровой экономике и получению образования посредством электронных ресурсов. С другой стороны, развитие компьютерной техники, совершенствование наукоемкого программного софта, техническое обеспечение учреждений образования создают необходимый уровень развития производительных сил. Несколько отстает в этом процессе – осознание обществом описываемых нами тенденций.

Речь идет о том, что в ближайшем будущем, вероятно, одного профильного образования не будет хватать для выполнения функциональных обязанностей работником сферы образования. Преподавание кроме высокого научного и методического уровня потребует и высокотехнологичного. Педагог должен будет владеть языками программирования, уметь создавать обучающий электронный контент. На выполнение этой задачи также следует нацеливать обучающие электронные ресурсы по истории.

Обобщая сказанное выше, можно указать, что точное соответствие электронных образовательных ресурсов по истории государственным программам и государственной политике будет наблюдаться в случае создания их в виде высокотехнологичного, наукоемкого продукта, с возможностью воспроизведения на современных электронных устройствах и через сеть Интернет, например, игровых симуляторов по истории. Одновременно будет достигаться не только учебный, образовательный, моральный, но и экономический эффект.

Литература

1. Borbotko, P.V. The place of let's paly in teaching the history of state and law / P.V. Borbotko // The X International Conference on Eurasian scientific development : proceedings of the conference, Vienna, 02 september 2016 y. / «East West» Association ; редкол.: J. Ilyna (гл. ред.) [идр.]. – Vienna, 2016. – P. 32-34.
2. Borbotko, P.V. Virtuelle Technologien beim Unterricht der geschichte des Staates und des Rechtes vom Weissrussland / P.V. Borbotko // European appliedsciences. – № 9. – 2016. – S. 25-27.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ

А. И. Вороненко

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины, voronenkoai@mail.ru

Цель статьи – проанализировать методологические возможности социокультурного подхода к изучению образования в современной социологической науке.

Ключевые слова: социология образования, социокультурный подход, социокультурная деятельность, социология культуры.

В современной социологии словосочетание «социокультурный подход» имеет весьма широкое употребление. Ж.Т. Тощенко, говоря о восстановлении критериев научности, указывает на чрезмерное использование термина «социально-культурный (ая, ое)» [1, с. 5]. Изначально истоки данного подхода опирались на идеи М. Вебера, П. Сорокина и получили дальнейшее развитие в трудах А.С. Ахиезера, Н.И. Лапина, Ю.М. Резника и других авторов. В этих работах понимание и описание социокультурного подхода сопровождается строгостью определений исходных понятий и обоснованием методологических принципов их дальнейшего использования.

Так, развивая идеи П. Сорокина о единстве личности, общества и культуры, как неразрывной триаде, в которой ни один компонент не может существовать без двух других, Н.И. Лапин подчеркивает, что социокультурный подход интегрирует три измерения человеческого бытия: человека в его взаимодействии с обществом, характер культуры и тип социальности [2, с. 4].

В свою очередь Ю.М. Резник, рассматривая социокультурный подход, как методологию социологических исследований, отмечает, что такой подход, выражая единство и взаимосвязь трех компонентов социального познания – социально-философского, социологического и антропологического, объединяет тем самым их познавательные и методологические возможности. Соответственно, и в методологии социокультурного анализа автор выделяет следующие три уровня: общетеоретический, социально-научный и конкретно-эмпирический [3, с. 305].

В целом социокультурный подход, синтезируя потенциалы социальной философии, социологии, антропологии и представляя собой многоуровневую систему теоретических и эмпирических методов [4], вполне способен составить методологическую базу исследования образования.

В отечественной социологии образования можно выделить два основных направления – структурно-функциональное и социокультурное. Представители первого делают акцент на исследовании образования как системы и взаимодействия его подсистем с обществом [5, с. 1051-1055]. Приверженцы второго направления исследуют образование как вид социокультурной деятельности и культурную ценность, проблемы гуманизации образования и его социокультурной сущности, роль ценностных ориентаций в системе образования [6, с. 64].

Практически во всех развитых странах с 1980-х годов активно развивается мысль о том, что просвещенческая модель образования исчерпала себя. Мир вплотную приблизился к осмыслению необходимости радикального пересмотра оснований образовательной практики и социальной деятельности. Формируются новые парадигмы образования, среди которых определяющая роль принадлежит культурологической и культуротворческой моделям школы. Пересматривается сама суть образования и складываются новые формы рациональности, неразрывно связанные с коммуникативным опытом

личности. Образование как бы выводится за узкие рамки педагогического процесса, имеющего целью выявление и развитие у школьников индивидуально наиболее значимых задатков, и воспитания как формирования привычек поведения в рамках общечеловеческих ценностей. При этом учитывается все возрастающая роль социального обучения, не сводимого лишь к овладению знаниями основ наук и выработке навыков мыслительной деятельности, поскольку уже сама по себе жизнь образует человека. Жизнь в обществе, социальные отношения, способы и результаты деятельности, человека испытывают постоянное воздействие со стороны культуры, ее исторических, этнических, этнорелигиозных структур, что проявляется прежде всего в соответствующих требованиях к образованию, его целям, организации и методам.

С критикой институционального подхода к предмету социологии образования в начале 1990-х выступил российский социолог В. Я. Нечаев. В отношении предыдущего опыта социологических исследований образования он высказал упрек в их заведомой поверхностности и неэффективности, обусловленных исключением из предметной области самого процесса учения как вида социокультурной деятельности, сущность которой заключается в освоении культурных ценностей [7, с. 13].

Разработанный В. Я. Нечаевым социокультурный подход предполагает, что социология образования, во-первых, является подотраслью социологии культуры, а, во-вторых, предстает как часть социологии воспитания. Исходя из того, что социология образования имеет дело с особым проявлением социального — социокультурным, в ее предмет, по мнению В. Я. Нечаева, должны войти следующие три компонента: «Во-первых, состояние и динамика социокультурных процессов в сфере образования. Во-вторых, законы, принципы, механизмы, технологии учения как социокультурной деятельности. В-третьих, взаимодействие сферы образования с другими сферами общественной жизни, те процессы, которые складываются в ходе такого взаимодействия, влияния образования на целостное, гармоничное развитие социального субъекта, на его готовность включиться в те виды деятельности, которые составляют его целостное общественное бытие» [7, с. 16]. В предлагаемом определении предмета отрасли неправомерно утрачивается структура системы образования как социального института.

Сторонники социокультурного подхода стремятся обозначить социальный контекст образования. Он органично вписывается в концепцию социализации личности, задает некоторые ориентиры в незатихающей полемике по поводу соотношения воспитания и обучения. Важно то, что на его основе выводится базисная институциональная ролевая матрица общения "учитель-ученик" и раскрываются позиции этих основных субъектов-актеров сферы образования, в анализе динамики ценностей появляются предпосылки моделирования образовательного процесса. Как общая методология социокультурный подход предоставляет широкие возможности наращивания содержательных концепций. Недостатком подхода является абстрактность базисных категорий, превалирование оценочных суждений, что нуждается в конкретизации, улавливающей предметно-сущностное содержание образования.

Социокультурный подход (в российской научной литературе также встречается название социокоммуникативный подход) в социологии образования, предложенный В. Я. Нечаевым, фокусируется на процессе учения как деятельности по освоению культурных ценностей. В данном случае к компетенции социологии образования отнесено учение как вид социокультурной деятельности, поскольку, очевидно, что социальные отношения в сфере образования (так или иначе) проявляются через содержание и организацию учебного процесса. Базовыми категориями социологии образования, с точки зрения данного подхода, выступают культура, воспитание, образование и учение. Соответственно центральную проблематику отрасли формируют механизмы динамики культурных ценностей как объ-

ектов усвоения в процессе учения. В этой связи в качестве основополагающей социологической концепции образования выступает социокультурная модель.

Сущностную сторону социологии образования личности, согласно белорусскому исследователю А. И. Левко, составляют: установление связи образования с процессом включения личности в социокультурное пространство жизнедеятельности; социализация личности, подчиненная жизненному самоопределению, самореализации, самоутверждению, выбору нравственных и иных ценностей жизни, определению своего места в ней [8, с. 281]. Социология образования основывается на социокультурном подходе, при котором культура рассматривается как ядро образования. Ядром же культуры являются ценности. А. И. Ракитов к ядру культуры относит нормы, стандарты, правила деятельности, эталоны, систему ценностей этноса, профессиональную деятельность. Структурными элементами ядра культуры являются также фольклор, мифология, предразсудки, национальные и социальные обычаи, исторические традиции, привычки, правила поведения, обряды, этнопедагогика и т. д. Ядро культуры, следовательно, определяет содержание образования.

Таким образом, социокультурный подход является важной попыткой обозначить социальный контекст образования. Как общая методология, социокультурный подход предоставляет широкие возможности наращивания содержательных концепций. Однако, что в силу абстрактности базисных категорий он оставляет слишком неполным теоретическое поле и нуждается в конкретизации, улавливающей предметно-сущностное содержание образования.

Литература

1. Тощенко, Ж.Т. О понятийном аппарате социологии / Ж.Т. Тощенко // Социологические исследования. – 2002. – № 9. – С. 3–31.
2. Лапин, Н.И. Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры / Н.И. Лапин // Социологические исследования. – 2000. – № 7. – С. 3–12.
3. Резник, Ю.М. Социокультурный подход как методология исследований / Ю.М. Резник // Вопросы социальной теории. – 2008. – Т. 11. – Вып. 1(2). – С. 305–328.
4. Амадова, Н.Е. Социокультурный подход как методология исследования общественных процессов в контексте развития конвергентных технологий / Н.Е. Амадова // Актуальные вопросы общественных наук: социология, политология, философия, история: сб. ст. по матер. XLI-XLII междунар. науч.-практ. конф. № 9-10 (40). – Новосибирск: СибАК, 2014. Режим доступа: <https://sibac.info/conf/social/xli/39603>. Дата доступа: 23.09.2018.
5. Бабосов, Е. М. Социология образования / Е. М. Бабосов // Энциклопедия социологии / под ред. А. А. Грицанова. – Минск, 2003. – 1312 с.
6. Вороненко, А.И. Образование как социальный институт: теоретико-методологические проблемы изучения / А.И.Вороненко // Философия и социальные науки. – 2010 – №2. – С.61-66.
7. Нечаев, В. Я. Социология образования / В. Я. Нечаев. – М., 1992. – 200 с.
8. Левко, А. И. Теоретико-методологические проблемы образования: социокультурный анализ / А.И.Левко. –Мн., 2003. – 340 с.

РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ НАВЯСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ПОГРАНИЧНИКОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Ю.О. Брика

г. Полоцк, ПГУ, Jud_101@mail.ru

В статье раскрываются основные аспекты содержания профессиональной деятельности военнослужащих и их влияние на становление нравственных качеств пограничника.

Цель статьи – раскрыть роль и влияние морально-нравственных качеств на успешное выполнение профессиональных задач военнослужащими-пограничниками.

Ключевые слова: профессиональная деятельность, морально-нравственные качества, социокультурная среда, военнослужащий.

Военнослужащий-пограничник – первый представитель государства и государственной власти, с которым сталкивается лицо, пересекающее границу Республики Беларусь. Пограничник первым дает, руководствуясь Законом и нормами морали, разрешение на въезд на территорию республики, с пограничником последним прощаются при выезде из страны. Этот фактор накладывает серьезную ответственность на военнослужащего, так как именно он способен повлиять на международный имидж государства усилив позитивные чувства к посещаемой стране или напротив негативные. В этой связи образованность, воспитанность, профессиональное мастерство военнослужащего-пограничника приобретает особую ценность особенно, когда идут в сочетании с такими качествами как высокий уровень общей культуры, моральной зрелостью, образцовым поведением.

Что же является основой морально нравственных качеств, в чем их смысл и значение для военнослужащего?

Прежде чем ответить на данный вопрос необходимо отметить, что военнослужащий постоянно находится в состоянии развития и закрепления своих профессиональных навыков. Так, деятельность профессионального военного связана не только с выполнением своих непосредственных обязанностей, но также и образованием, подготовкой и участием в культурных мероприятий, досуговой деятельностью, физическим развитием, укреплением нравственных качеств необходимых для качественного выполнения поставленных задач в любых условиях обстановки. Очень важно, чтобы военнослужащий опирался на моральные аспекты своей деятельности, которые должны исходить из ценностных установок, где служба это не просто отработанные действия, а внутренний стержень, связанный с духовным миром личности, который проявляет себя в индивидуальной культуре, воплощенной в профессиональном мастерстве.

Культурно-этические нормы пограничной службы не должны быть суммой заставших норм и правил поведения, это важнейший элемент культуры общения, отвечающий всем ее стандартам и опирающийся на требования общественной морали. Здесь имеет важное значение духовная культура личности военнослужащего [1, с. 32].

В структуре профессиональной морали гармонически сочетаются нормы пограничной этики, правила служебного этикета, опирающиеся на Временный устав Вооруженных Сил Республики Беларусь и рекомендации, регламентирующие поведение военнослужащих, требования к соблюдению такта пограничниками в сфере отношений с людьми.

Культура поведения нравственно воспитанной личности заключается не только в строгом соблюдении правил вежливости (профессионального этикета), но в осознании, правильном понимании общечеловеческих ценностей, олицетворением которых эти правила являются. В сферу культуры поведения входят культура речи и культура внешнего вида, культура досуга и культура чувств и внутренней организации человека.

Моральная культура личности проявляется в способности самостоятельно расшифровывать обобщенно выраженные нормы, умении принимать решения и действовать в конкретной ситуации [2, с. 89]. Реальные ситуации не всегда предсказуемы, их невозможно предусмотреть и предсказать, опираясь на заученные формы культурного (уставного) общения, и лишь такт и тактичность, основанные на внутренней потребности и ценностных ориентациях военнослужащего способны сохранить чувство собственного достоинства, как своего, так и окружающих его людей.

Это важная составляющая, так как именно военнослужащему пограничной службы социум доверил самые важные ценности государства – авторитет страны, достоинство проживающих в ней граждан, в связи с чем профессия пограничника требует не только мужества, стойкости, бдительности к порученному делу, но также глубокой, подлинной культуры поведения исходящей из высоких морально-нравственных ценностей. Без этого сегодня нельзя успешно выполнять задачи, возложенные обществом на пограничников.

Как отмечалось ранее, на всестороннее развитие личности военнослужащего влияет преимущественно среда, в которой находится и развивается военнослужащий. Выполняя повседневно возникающие задачи по непрерывному обеспечению функционирования военного подразделения, происходит процесс воспитания военнослужащего на профессиональном, духовно-нравственном, культурном уровнях.

Функционирование военной организации влияет на все сферы жизнедеятельности личности, включая и его досуг, так как воинская часть для военного человека зачастую носит куда более глубокий смысл, нежели просто рабочее место. Это особая социокультурная среда, которая направлена на удовлетворение потребностей и интересов личности, которая требует активного участия и межличностного взаимодействия при выполнении оперативно-служебных задач. Именно эта совокупность позволяет развить профессионально-важные качества необходимые для успешного выполнения поставленных задач основу, которой составляет внутренняя направленность. Таким образом, профессионализм военнослужащего, складываясь в процессе выполнения непосредственных задач и основывается на положительной мотивации, в которой можно выделить три основные категории:

1. внутреннее идейное содержание военно-профессиональной деятельности (долг, честь, достоинство);
2. самореализация в профессии (достижение высокого социального статуса, передвижение по карьерной лестнице);
3. удовлетворение внешних материальных потребностей (социальные гарантии, заработная плата).

Необходимо отметить, что для достижения высокого уровня профессиональной мотивации важно, чтобы все категории находились в тесном взаимодействии и не подавляли друг друга, так как преобладание одной из них над другими может исказить смысл и ценность служебной деятельности и негативно сказаться на выполнении профессиональных задач [3, с. 58].

Таким образом, военнослужащий, выполняющий задачи по охране государственной границы должен обладать следующими важными профессиональными качествами:

- **устойчивой профессиональной направленностью** (мотивы как выраженная потребность желаний и интересов человека в своей профессии, любовь к ней, увлеченность в работе, понимание высокой миссии служения Родине и народу, жертвенности и самоотдачи, гордости и достоинства как интегративных качеств пограничной службы);
- **повышенным порогом культурности** (где под культурностью понимается не только адаптация военнослужащих к условиям окружающей среды, но и понимание ими культурной ценности явлений; развитие умения структурировать окружающее пространство, окультуривать занимаемую нишу; стремление к постоянному самообра-

зованию и самосовершенствованию с целью соответствия времени и занимаемому месту, способность вникать в сущность происходящих событий, умение сопоставлять, делать выводы, убеждать собеседника в правильности собственной позиции и переубеждать его, способность запоминать информацию и воспроизводить ее в случае необходимости, развитие навыков грамотной устной и письменной речи);

• **волевыми и организационными качествами** (выдержка и самообладание в работе, трудолюбие, умение формулировать цели и стремление к их достижению, уверенность в себе и способность контролировать себя в любых ситуациях, в том числе и экстремальных, умение работать над собой и понимание важности самообразования и самосовершенствования в профессиональном росте пограничника и в достижении жизненного успеха; организационные качества; эмоциональная устойчивость как способность к сохранению высокоэффективной деятельности в условиях опасности, дефицита времени и информации).

Пограничник, воплощающий в себе рассмотренные нами моральные качества, отвечающий требованиям, выдвигаемым к личности профессионала, не только пользуется уважением, но поднимает на более высокий уровень уважение общества к военным-пограничникам в целом.

Литература

1. Актуальные проблемы воинской этики /Под ред. А.И.Анцышкина. – М.: Гуманитарная академия Вооруженных Сил,1992.– 248с.
2. Кондрашов, В.А.Чичина, Е.А.Этика. Эстетика – Р-на-Д.: Феникс, 1998. – 512 с.
3. Майерс, Д. Социальная психология. / Д.Майерс – СПб.:Прайм-Еврознак,2002. – 512 с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЕРМАНИИ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В.А. Голубев

г. Минск, Институт философии НАН Беларуси, Golr1993@mail.ru

Цель статьи – проанализировать социокультурную реальность Германии после Первой мировой войны

Ключевые слова: Национализм, реваншизм, «пораженческий» фактор, кризис.

Социокультурная среда оказывает огромное влияние на политическое сознание людей. Яркий пример представляет социокультурная среда Германии после Первой мировой войны.

Немецкий национал-социализм как наиболее радикальное и страшное проявление фашизма пришел к политической власти в 1933 г. Его возникновению, оформлению в реальную силу, и, в итоге установлению диктатуры способствовали множество факторов как внутреннего, так и внешнего характера. Одним из наиболее важных можно считать социокультурную реальность Германии после окончания Первой мировой войны. Отсюда с научной точки зрения представляется необходимым проанализировать социокультурную среду Германии указанного периода для более детального исследования ее влияния на распространение идей фашизма в немецком обществе.

Благоприятной почвой для формирования фашистской идеологии в немецком обществе всей первой трети XX в. был национализм. Его истоки можно наблюдать задолго до описываемого периода, однако как реальность, способствовавшая распространению фаши-

стских идей, он оформился во время Первой мировой войны. Это выражалось в формировании «образа врага» в лице противников войны – социалистов, социал-демократов, либеральной части интеллигенции. Война виделась прежде всего как война с «врагами нации», которыми, по их мнению, была окружена Германия. Любое инакомыслие, в том числе и антивоенная позиция, расценивалась как антигерманская. Ненависть усилилась, когда произошла революция 3 ноября 1918 г, что привело к падению монархии. Поражение в войне интерпретировалось националистами как «удар в спину» Германии.

Нужно сказать, что «катастрофический для Германии исход войны нельзя обозначать лишь безликим словом «поражение». Это был взрыв, породивший новую психологию» [1, с.33]

Поражение в войне вызвало в рядах армии растерянность и недоумение. Вернувшиеся домой солдаты, которые были не нужны новой Германии, не понимали, для чего была затеяна вся эта авантюра с войной, ради чего они сражались, почему они сотнями гибли и калечились на фронте. Среди них был ефрейтор А. Гитлер, который, как и многие другие вернувшиеся с фронта, жаждал реванша.

Следующим социокультурным фактором стали т.н. «пораженческие настроения». Условия, которые были навязаны Версальским договором, немцы восприняли как национальное унижение. В этом свете фашистские идеи, провозглашавшие реваншизм, восстановление национальной гордости, восстановление статуса Германии казались многим немцам привлекательными. Более того, социал-демократическое правительство, принявшее условия мирного договора, считалось правительством «позора». Реваншистские и милитаристские настроения были особенно присущи молодежной среде. Молодежи с ранних лет внушали мысли о том, что Германия невинно пострадала в ходе войны, ей были навязаны варварские условия мира, у нее отняли законные территории и лишили «жизненного пространства» Очевидец тех событий писал: «То, чему нас учили в школе о потерянных германских владениях, совпадало с тем, что мы слышали дома: неслыханный позор, что урезано жизненное пространство Германии!» [2, с.40].

Создавались военные союзы молодежи, которые действовали как легально, так и нелегально. Основная их задача заключалась в патриотическом воспитании, однако большинство из них проповедовало реваншизм и готовило фактически будущих солдат. Позже бывшие члены таких союзов составят основу отрядов немецких фашистов – штурмовиков.

Немаловажным фактором, который был популярен в немецком обществе, был антисемитизм. Евреи, как и коммунисты, нередко обвинялись в тяжелом положении Германии. Нередко между ними даже ставился знак равенства. Антисемитизм стал одним из основных принципов национал-социализма.

Социалистов и коммунистов же опасались. Прежде всего, ненависть к коммунистам разжигали немецкие националисты. Именно коммунистов и социалистов они обвиняли в поражении в войне. Опасаясь новой революции, ненависть подогревали демократические силы, основная часть которых представляла мелкая и средняя буржуазия. Их доводы опирались на ужасы гражданской войны в России и угрозу возникновения ее в Германии. В действительности, возможность прихода к власти коммунистов была очень велика, особенно в 1919-1920 гг. Этот период практически во всей Германии охарактеризовался коммунистическими выступлениями и демонстрациями. Здесь же следует упомянуть установление весной 1919 г. Баварской советской республики. Несмотря на то, что республика в итоге была разгромлена правительственными войсками, это был наглядный факт того, что коммунисты представляют силу. Это обеспокоило владельцев капитала и буржуазию.

Национальное унижение результатами Версальского договора, национализм, вернувшиеся с фронта солдаты, которые не могли вписаться в существующую реальность

и смириться с поражением, опасения новой революции и установление коммунистического правительства – все это создавало нестабильные условия в немецком обществе.

Ситуацию усугубляли ряд кризисов. Во-первых, кризис экономический, обусловленный непосильными репарациями. Начало 1920-х гг. в Германии – это в прямом смысле слова голодное время, когда очередь на улицах за «общественным пайком» растягивалась на сотни метров. Гиперинфляция, которая превращала заработанные гражданами деньги и сбережения в ничего не стоящие бумажки, еще более усложняла ситуацию. Люди готовы были верить кому угодно, пойти за любым лидером, который обещал бы стабилизацию экономической жизни и улучшение условий.

К этому добавлялись кризисы политические: смена одного за другим кабинетов министров, политические убийства. Все это подрывало доверие к институтам демократии. Одним из самых громких убийств, устроенным немецкими националистами, стало убийство министра иностранных дел Веймарской республики В. Ратенау.

Несмотря на стабилизацию общественной и экономической жизни во второй половине 1920-х гг., все перечисленные факторы способствовали распространению и укреплению идей фашизма в немецком обществе, что сыграло одну из ключевых ролей прихода в 1933г. к власти нацистов.

Таким образом, социокультурная реальность Германии после Первой мировой войны способствовала восприятию значительной частью немецкого общества фашистских идей, которые оформились в немецкий национал-социализм. Установив свою диктатуру в 1933 г., национал-социалисты втянут Германию в еще более разрушительную войну и фактически в интернациональную катастрофу, которая обернется смертью десятков миллионов людей.

Литература:

1. Проэктор, Д. М. Фашизм: путь агрессии и гибели / Д. Проэктор. Издательство «Наука», 1985г. – 541с.
2. Винцер, Б. Солдат трех армий / Б. Винцер. – Пер. с нем. Н. М. Гнединой и А. Е. Гнедина. Изд-во «Прогресс» Москва, 1973. – 463с.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК УСЛОВИЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ

В.Н. Голубев
г. Витебск, ВГМУ, vadim.golubev@tut.by

Цель статьи – рассмотреть особенности инкультурации иностранных студентов в социокультурной среде вуза. В статье анализируются этапы инкультурации, а также роль преподавателя и куратора учебной группы в социокультурной среде вуза.

Ключевые слова: инкультурация, иностранные студенты, социокультурная среда вуза, культурный шок.

В современном мире сложилась устойчивая тенденция к интернационализации и интеграции в рамках системы образования. Данная тенденция обуславливает создание определенных условий в вузах для обеспечения успешной адаптации иностранных студентов к новой социокультурной среде. Организация образовательной деятельности с иностранными студентами предполагает для вуза создание толерантного образовательного пространства, с помощью которого будет возможна инкультурация иностранных студентов.

Под инкультурацией понимается процесс вхождения в другую культуру включающий освоение языка, культурных норм, навыков, что позволяет успешно функционировать в неродной культуре. В ходе инкультурации формируются типы общения с людьми, формы контроля за собственным поведением и эмоциями, методы оценки явлений окружающего мира, а также осваиваются присущие культуре ценностные ориентации, что способствует сходу с членами данной культуры и отличию от членов других культур [2, с.72].

Инкультурация осуществляется с помощью освоения основных социальных институтов. Образование является ведущим институтом инкультурации, так как образование – это средство формирования личности [4, с.52]. Начиная с первых дней нахождения в Республике Беларусь иностранному гражданину важно иметь необходимую информацию для проживания. Иностранные абитуриенты большинства вузов Республики Беларусь могут получить интересующие их сведения на сайтах этих учреждений, большинство из которых составлены на русском и английском языках. Информация, размещённая на сайтах вуза может смягчить неизбежный культурный шок, который переживает каждый студент-новичок.

На первом этапе инкультурации иностранный студент начинает вхождение в новую языковую среду, социокультурное пространство вуза, знакомится с правилами, нормами, традициями университета, усваивает основные нормы жизни в интернациональном коллективе, преодолевает психологический, языковой барьеры. Уверенность иностранного студента в себе и мера его приспособленности к окружающей среде будут и дальше повышаться на протяжении всего времени пребывания в стране. Динамика этого процесса зависит от многих факторов: от социально-бытовых условий жизни до психологического климата в учебной группе.

Пребывание многих иностранных студентов начинается с их встречи в аэропорту и сопровождения в вуз. Затем следует размещение вновь прибывших в общежитии, медицинский осмотр, закрепление за группами студентов кураторов. Оформление документов поступающих проводится в едином для всех порядке. Издается приказ о зачислении в вуз, студент получает студенческий билет и зачетную книжку, выполняет необходимые паспортно-визовые процедуры. Важно участие студентов-земляков старших курсов, которые знакомят новичка с инфраструктурой вуза.

Впервые прибывшие как студенты первого курса, так и слушатели подготовительного отделения еще практически не подготовлены к жизни и обучению в Республике Беларусь. На начальном этапе в учебную группу объединяются представители разных стран, переживающие схожую ситуацию. Они вместе осваивают язык обучения и новые условия проживания. Изучение языка важнейшая составляющая процесса инкультурации. Дальнейший ход инкультурации во многом зависит от успехов в русском языке.

Обучение иностранных учащихся в университете ведется в многонациональных учебных группах. Это облегчает их вхождение в жизнь вуза и в образовательный процесс: ведь каждый оказывается в ситуации «я как все», которая повышает уровень его самооценки. Общение с представителями других стран и повседневная учебная деятельность оказывают существенное влияние на процесс инкультурации и формирование личности студента. Иностранный студент правильно осознает и оценивает ситуацию в учебной группе, осваивает коллективные нормы, цели и ценности, а также поведенческую тактику, соответствующую требованиям и ожиданиям других студентов.

Большое значение в инкультурации иностранных студентов принадлежит преподавателю. Преподаватель, работающий с иностранными студентами, является одновременно организатором их учебы, воспитателем и помощником в решении сложных проблем. В числе его задач – оперативно и в благоприятных условиях включить студента в социокультурное пространство вуза; помочь ему преодолеть культурный шок; вовлечь в учебную и общественную жизнь университета [3, с.43].

Динамика преодоления симптомов культурного шока иностранных студентов, вновь прибывших на обучение в нашу страну, зависит от многих факторов. Это и работа куратора, и уровень образования студента, и особенности культуры, экономики и природы страны постоянного проживания. Куратору необходимо знать основные черты национальных культур студентов для правильного понимания причин культурного шока. Некоторые малозначащие привычки поведения жителей Республики Беларусь могут оказаться обидными и даже запрещенными в культуре страны, из которой приехал студент-иностранец, и наоборот. Речь идет об обычаях в области питания, одежды, этикета, отношения к животным, а также, праздничных и религиозных обрядах. Задача куратора объяснить студентам объективные причины различий в обычаях, обратить внимание на общие черты жизни человеческих сообществ, призвать их к взаимопониманию и толерантности [1, с.60-62].

Главной задачей иностранного студента является получение качественного высшего образования. Поэтому центральное место занимает организация учебной группы. На основном факультете, когда студент уже более или менее свободно владеет русским языком и большую часть времени приводит в интернациональной группе на учебных занятиях, процесс инкультурации проходит более размеренно и стабильно. Задача куратора на этом этапе в большей мере состоит в контроле за ситуацией, чем в обучении как таковом. Кураторы способствуют сплочению учебного коллектива в рамках, проводимых внеучебных мероприятий, направленных на включение иностранных студентов в жизнь учебной группы, университета как единого коллектива. Это могут быть посещения музеев и культурных центров, спортивные соревнования и др.[3, с.43-46].

В связи с этим процесс инкультурации иностранных студентов требует особого внимания со стороны всех заинтересованных субъектов и в первую очередь самого учебного заведения, так как от того насколько эффективно протекает процесс вхождения в российскую культуру, зависит успешность обучения студентов-иностранцев и, следовательно, привлекательность самого вуза в глазах иностранных обучающихся.

Процесс инкультурации – это не просто процесс получения некоего набора знаний о культуре принимающего сообщества, изучение языка этой страны, это процесс погружения в культуру, освоения ее основных ценностных установок и культурных норм, чему способствует социокультурная среда вуза. В результате процесса инкультурации личность студента-иностранца претерпевает глубокие изменения, формируется новая культурная идентичность индивида, позволяющая ему комфортно себя чувствовать и эффективно функционировать в обеих культурных средах. Именно сформировавшаяся новая культурная идентичность является главным индикатором эффективности процесса инкультурации.

Литература

1. Гаранина, О.Д. Культура межнационального общения и ее роль в повышении эффективности обучения иностранных студентов/О.Д. Гаранина //Научные вестник МГТУ ГА.Серия Международная деятельность вузов. – 2006. –№ 102. – С. 60-62.
2. Грушевицкая, Т.Г. Основы межкультурной коммуникации. // Т.Г. Грушевицкая, В.Д. Попков, А.П. Садохин. –М. – 2002.– с. 352.
3. Попкова, Е.Б. Теоретические подходы к исследованию инкультурации как социокультурного процесса /Е.Б. Попкова // Теория и практика общественного развития. – 2013. – № 3. – С. 43-46.
4. Сулимина, Н.В. Образование как целенаправленный процесс формирования, развития личности и ее социализации/ Н.В. Сулимина//Аграрный вестник Урала. – 2007. – № 37. – С.58.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И ДОСУГОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ

Е.О. Далимаева

г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова, evadali@mail.ru

Цель статьи – исследовать содержание досуговой культуры студентов ВГУ имени П.М. Машерова в региональной социокультурной среде, определить и описать основные тенденции изменения содержания и форм досуговой культуры, наметить проблемное поле актуализации средств и форм воспитательной работы с молодежью.

Ключевые слова: досуговая культура, среда, социокультурная реальность, глобализация.

В толковом словаре русского языка С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой «среда» – это «условия, благоприятные для существования, порождения чего-нибудь» [1, с. 186]. Различные подходы к определению понятия «досуг» представляют результат эволюции взглядов в контексте развития общества: от взглядов этимологического содержания понятия «схолэ» (у Пиндара, Эсхила, Геродота), как вида гуманитарных занятий, до осознания досуговой деятельности как источника общественного прогресса [2, с. 32]. Социальная среда – окружающие человека общественные, материальные, духовные условия его существования и деятельности. Социальная среда в широком смысле (макросреда) охватывает экономику, общественные институты, общественное сознание и культуру» [2, с. 33]. Мы считаем, что социокультурная среда (вуза, города, региона) – часть культурно-образовательного пространства, с помощью которого осуществляется социализация молодежи.

Таким образом, среда – это окружающее человека социальное пространство, которое в целом может рассматриваться как макросреда, а в конкретном смысле как непосредственное социальное окружение, как микросреда, зона непосредственной активности человека, его ближайшего развития и действия. В современных условиях глобализации происходит сближение, нивелировка качественной специфики как макросреды, так и микросреды, уменьшение индивидуальных и национальных черт, проявление стандартизации как в сфере культурных предпочтений человека, так и сфере досуга. Социальное воспитание молодых людей, их творческое, интеллектуальное, духовное развитие осуществляется не только в процессе учебной и трудовой деятельности, но и в период досуга. Социокультурная среда детерминирует как внешние, характерные способы и формы проведения свободного времени, так и внутреннюю смысловую наполненность досуга.

Одной из предпосылок современных изменений социокультурной ситуации в сфере молодежного досуга, являются процессы глобализации. К ним в мировом масштабе относится и функционирование сети Интернет. Развитие ее означает появление новой коммуникационной среды для межличностного и внутригруппового общения.

Для определения черт, характеризующих досуг современного студента, нами был выбран метод глубинного интервью. При помощи глубинного интервью для интервьюера становится возможным установить более доверительные отношения со своим респондентом, благодаря чему появляется перспектива получения уникальной информации, получить которую при помощи других методов практически невозможно. Предпосылкой глубинного интервью не является выборочная методика, а значит, полученные в его процессе результаты невозможно как-либо однозначно спроецировать на более крупную группу людей, с которыми глубинное интервью не проводилось. Таким образом, глубинное интервью может указать исследователю лишь на тенденцию, но никак не на статистику. Проведенное в январе-апреле 2018 года методом глубинного интервью исследование досуга студентов различных факультетов ВГУ имени П.М. Машерова (n = 33, из них 13 студентов 1-2 курса, и 20 студентов представляли 4 курс) позволило выделить следующие черты, характеризующие свободное время современных студентов:

1) Индивидуализация досуга, проявляющаяся в том, что большая часть студентов чаще свободное время проводят в одиночестве, чем в компании друзей или родных. Лишь 30% опрошенных указали, что предпочитают проводить время в непосредственном общении с друзьями, еще 21% – в общении опосредованном, остальные на досуге «отдыхали от всех».

2) Изменение способов проведения досуга в сторону увеличения пассивно-созерцательных видов досуговой деятельности и уменьшения доли творческой, активной, что проявляется в том, что все большую часть свободного времени респонденты тратят на просмотр фильмов и сериалов (причем, согласно самонаблюдению респондентов, доля фильмов уменьшается, а сериалов растет), серфинг в социальных сетях (но социальные сети используются не для общения с друзьями, а для просмотра тематических пабликов и сайтов юмористической направленности), компьютерные игры.

3) Субъективное ощущение уменьшения объема свободного времени, и его использования для подготовки к занятиям или получение дополнительного заработка.

4) Снижение интереса к чтению художественной литературы. Только 3 респондента из опрошенных заявили, что регулярно читают серьезные произведения классической литературы сверх необходимого для подготовки к занятиям. Важный показатель неблагополучия – ухудшение содержания и качества чтения, снижение его продуктивности. Если результаты нашего исследования 2008 года свидетельствовали, что большое место в круге чтения студентов занимает литература сомнительного характера, пропагандирующая насилие, культ денег, страх, пессимизм, имеющая низкое художественное значение. Так, например, в исследовании 2008 года около 17 % студенток в числе своих любимых авторов назвали Д. Донцову, Ю. Шилову, Б. Смол, 13,7 % юношей указали, что предпочитают криминально-тюремную литературу, триллеры, боевики. Читая такую литературу, студенты в своем нравственном развитии в лучшем случае буксуют. А в худшем – деградируют, копируя ее героев. Разрушительная энергия подобных книг усиливает предрасположенность читателей к реальной агрессии и криминальному поведению[3, с. 20]. Однако результаты 2018 года, не претендующие на репрезентативность в силу небольшого объема выборки, демонстрируют сохранение и усугубление данной проблемы, поскольку существенная часть интервьюированных (63%, в основном студенты 4 курса) сказали, что предпочитают читать даже не самостоятельные художественные произведения, а новеллизации компьютерных игр, сериалов, и так называемые «фанфики», – самодельные продолжения известных произведений, в основном – из вселенной «Гарри Поттера» или японского аниме.

5) Формирование культуры «визуального потребления» – предпочитаемым средством получения информации является не чтение, а «смотрение». Самопрезентация тоже происходит через выкладывания различных фото- и видеозарисовок в сеть, репост «мемов» или создание на их основе собственных. Изображения, зрительные ощущения приглашают в мир виртуального, обладая при этом чертами принудительной убедительности, доходчивости и коммуникативности. Это образы рекламы, дизайн, мультимедиа, компьютерные игры, мода, архитектура, боди-фитнес, макияж, бодибилдинг, фейс-контроль, фотография и видео. Их нельзя считать некоей второстепенной оболочкой виртуальной реальности. Они входят в ее структуру в качестве значимых самодостаточных компонентов и нагружаются особым смыслом. Зафиксировать и описать эти смыслы – одна из основных целей исследовательской программы. Визуальные образы (скорее симулякры) преследуют современного человека повсюду [4, с. 112]. Они прорываются сквозь оболочку индивидуальной защиты и оказывают мощное воздействие на психику. Сфера визуального восприятия превращается в основной канал связи с виртуальной реальностью. Казалось бы, безобидная наружная реклама, убаюкивающий восприятие гладкий дизайн интерьеров и предметов быта, плазменные панели, вещающие по спутниковым каналам в огромных объемах, – все это и есть проникновение виртуальной визуальности в мир человека наших дней.

Таким образом, социокультурная ситуация, в которой находится современный человек, диктует ему определенные каноны потребления, одним из которых является и потребление досуга, «визуальное потребление», по характеристике Джона Урри [5, с. 2]. Современные цифровые технологии, обеспечивая индивида поистине безграничными уникальными возможностями для самореализации, творчества, повышения профессионального уровня и личностного роста, часто становятся средством прокрастинации, бездумного времяпрепровождения, т.н. «зависания», «серфинга», скольжения по поверхности информационных возможностей. Одновременно с увеличением количества потребленной информации нарастает недовольство качеством и традиционными способами проведения досуга. Все респонденты отметили, что они хотели бы что-то изменить в сложившихся вариантах проведения досуга, но большая часть затруднилась с ответом на вопрос, что конкретно они хотели бы изменить.

В целом, происходящая в сфере досуга социализация молодежи пока, в основном, характеризуется процессами стихийности, неуправляемости, что является одной из причин некоторых негативных социальных последствий (рост алкоголизма и наркомании, молодежной преступности и пр.). Сложившаяся ситуация требует создания ряда условий, обеспечивающих возможность хотя бы регулировать свободное время молодежи для формирования более высокого уровня культуры ее досуга. С этой целью в современных условиях становится необходимой разработка новых принципов и методов работы с молодежью, содействующих регулированию ее свободного времени и досуга. Последнее имеет важное практическое значение, поскольку содействует оптимизации процесса воспитания молодежи, формированию у молодых людей более высокого уровня культуры досуга, определенной «досуговой квалификации» [6, с. 142].

Литература

1. С.И.Ожегов, Н.Ю.Шведова. Толковый словарь русского языка (С-Я), – Москва: Издательство "Азъ", 1992. – 506 с.
2. Воспитательная среда университета: традиции и инновации: монография / А. В. Пономарев [и др.]. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2015. – 408 с.
3. Е.О. Далимаева. Социология образования: учебно-методический комплекс по учебной дисциплине / сост. Е.О. Далимаева. – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2016. – 152 с.
4. Н. Е Покровский, Т. И Черняева. Туризм: от социальной теории к практике управления. М.: Логос, 2008. – 367 с.
5. Дж. Урри. Взгляд туриста и глобализация// Массовая культура: современные западные исследования. – М.: Фонд научных исследований «Прагматика культуры», 2005.
6. Е. К. Будкина, Ю. В. Будкин. Культура досуга и проблемы социализации современной молодежи.// Научный Вестник МГТУ ГА, №142, серия «История, философия, социология», с. 139-143.

ПОЕЗДКИ ЗА ГРАНИЦУ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЧЕРТА ЕВРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН БЕЛАРУСИ (ВТ. ПОЛ. XIX – НАЧ. XX В.)

Ю.Г. Ермак

г. Гродно, ГрГУ имени Я. Купалы, yulia.grodno@mail.ru

Цель статьи – рассмотреть поездки женщин иудейского вероисповедания за границу женщин иудейского вероисповедания во второй половине XIX – начале XX веков как социокультурный феномен.

Ключевые слова: женщины иудейского вероисповедания, еврейки, заграничный паспорт, контрабанда

Поездки за границу во второй половине XIX века были достаточно сложны, мало-доступны и были сопряжены с трудностями для большинства населения. Особую сложность поездки за границу представляли для женской части населения. Это было связано с рядом причин, в первую очередь патриархальные условия жизни и как следствие зависимость женщины от воли мужчины. Еврейские женщины второй половины XIX века испытывали влияние модернизационных процессов происходящих на территории Беларуси. Результатом этих процессов стала возрастающая эмансипация в их среде, которая выразилась в увеличении количества обучающихся в учреждениях образования, а затем, как следствие, занятых в профессиональной деятельности различной направленности. Иногда профессиональная деятельность была связана с поездками за границу.

Жители приграничных губерний, в силу своего места жительства, чаще пересекали границу империи. Оставляя в стороне вопросы, связанные с эмиграцией, т.к. эта тема отдельного исследования, рассмотрим явление поездок за границу как социокультурную черту, присущую женщинам иудейского вероисповедания.

Источниками по теме выступили архивные документы из Национального исторического архива Беларуси в Гродно. В частности богатым фактическим материалом располагает фонд 1 Канцелярия Гродненского губернатора и фонд 581 Гродненская палата гражданского и уголовного суда. Современная историография по теме отличается разнообразием. К исследователям, обращавшимся к теме культурного приграничья можно отнести О. Соболевскую, Т. Боярчук, С. Донских и др.

В своей работе мы сосредоточились на использовании архивных источников и введении в научный оборот новых прежде не задействованных документов. Особенность архивных дел, с которыми работал автор, является их малоизученность, при этом люди указанные в этих документах являются обычными, простыми мещанами, занимающимися повседневной работой. Желание добавить их лица в уже, как считается, хорошо изученную историю и сподвигло автора к написанию данной работы.

Сохранилась Ведомость гродненского губернатора по количеству лиц получивших право выезда за границу в 1881 год. В ведомости указывалась фамилия имя отчество, звание, а также имелась графа, когда и на какой срок выдавался заграничный паспорт. Так в январе 1881 года гродненская мещанка Рохля Наден получила паспорт на 6 месяцев, на такой же срок был получен паспорт Сорой Леей Кауфман. В феврале 1881 года из 44 получивших паспорта женщин евреек насчитывалось – 4. В марте женщины не получали паспорта [1].

№	Месяц 1881 г.	мужчины	женщины
1	Февраль	44	4
2	Март	39	0
3	Апрель	103	6
4	Май	162	16
5	Июнь	196	19
6	Июль	134	22
7	Август	96	7
8	Сентябрь	72	6
9	Октябрь	64	6
10	Ноябрь	30	6
11	Декабрь	52	4

Наибольшее количество заграничных паспортов были получены в летнее время года. Связано это было с тем, что путешествия в летнее время были легче, чем в условиях зимы. Богатые еврейские женщины могли позволить себе поехать отдыхать.

Вообще получение заграничного паспорта было длительной процедурой. Так в феврале 1853 года купчиха 2-ой гильдии Блохова Малка подала прошение о выдаче ее сыну и

дочери паспортов на проезд в Австрию и Пруссию. Сама купчиха была из Белостока. Она продавала лес, а в Австрии и Пруссии закупала товары. В продаже леса ей помогал сын Довид. Ее дочь Рива работала самостоятельно, закупала жемчужей (предполагаю жемчуг, прим. Ю.Е.). Результатом данного обращения стало «Высочайшее соизволение Государя Императора на выдачу паспортов на один год для белостокской 2-ой гильдии купчихи, ее сыну и дочери». Разрешение было выдано в июле 1853 года, а в феврале 1854 года были выданы бланки загранпаспортов [2]. Таким образом, получение паспортов заняло год. Цель получения паспорта – деловая поездка, связанная с торговлей.

Данные примеры демонстрируют образцы следования букве закона в вопросе поездок за границу. Но с конца XIX века, и особенно в начале XX века ситуация в области пересечения границы меняется. Активизация приграничной жизни находит подтверждение и в архивных документах, пестрящих сообщениями о контрабанде, тайной эмиграционной деятельности, а с началом Первой мировой войны к ним прибавляются и дела относящиеся к шпионской деятельности. И везде можно встретить женские имена.

3 апреля 1878 года в 4 часа утра в поезде С-петербургско – Варшавской железной дороги, шедшего по направлению от Варшавы на Белосток, по указанию досмотрщика таможи из вагона 3 класса были высажены четыре еврейки. При обыске этих евреек на каждой из них были найдены намотанные на тело контрабандные товары: полушелковые и шерстяные платки. По оценке на Саре Левиталь было платков на 188 рублей, при Хане Левитань 175 р. 50 коп., при Рохле Калко 149 руб., при Этке Борщевской на сумму 204 руб.. По таможенным правилам необходимо было уплатить пошлину в пятикратном размере от суммы оценки.

Самой старшей Этке было 50 лет, а самая младшая в компании была Рохля ей в 1878 году исполнилось 16 лет. Все четверо не признали себя виновными, и объяснили, что купец, узнав, что они едут в Белосток, просил их взять указанный товар, обещал встретить их на станции в Белостоке и уплатить каждой по 2 рубля. До этого указанные лица не значились в списках, привлекаемых по контрабандным делам.

Суд признал мешанок виновными, и постановил подвергнуть их денежному взысканию в размере 716 руб. 50 коп., а товар конфисковать. Для взыскания штрафа были приняты исполнительные меры, но они оказались безуспешны, т.к. все четыре женщины находились в «весьма бедном положении, а потому положительно находятся не в состоянии уплатить взыскиваемую с них сумму». Более того, самая старшая Этка Борщевская по заключению вольно практикующего врача Савицкого «не могла быть доставлена в тюрьму, потому что она несколько лет страдает хроническим катаром кишечного канала и дыхательным Если ее поставить в худшие условия жизни при ее преклонных годах и болезненности может роковым образом подействовать на ее здоровье.» [3].

Таким образом, приведенные факты свидетельствуют, что женщины иудейского вероисповедания выезжали за границу. Для жительниц приграничных территорий это было частью их социокультурной жизни. Выезды за границу женского еврейского населения носили сезонный характер, увеличиваясь в летнее время. Поездки носили в большей степени экономический характер, зажиточная часть женщин могла позволить себе поездки связанные с рекреацией. Особенность положения еврейских женщин заключалась в их двойной дискриминации (половая принадлежность и национальность), стимулируя их к приграничной деятельности.

Литература

1. НИАБ Гродно. Ф. 1. Оп. 23. Д. 771. 36 л.
2. НИАБ Гродно. Ф. 1. Оп. 13. Д. 696. 11 л.
3. НИАБ Гродно. Ф. 581. Оп. 3. Д. 35. 28 л.

СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ

А.В. Козлов,

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова, avkpro@gmail.com

Цель – раскрыть роль социального государства в формировании системы образования, способной определить целевые ориентации личности, предупредить или преодолеть ее деструктивное развитие и возникновение девиантного и делинквентного поведения.

Ключевые слова: социально-ориентированное государство, система образования.

Система образования – это комплекс социальных институтов и учреждений, призванных вооружать учащихся необходимыми знаниями, развивать их творческие способности и формировать в процессе социализации нужные обществу личностные качества.

Для определения содержания системы образования необходимо сформулировать цели и задачи, которые ставит перед собой государство в образовательной сфере. Они должны быть четкими и конкретными, без абстрактных дефиниций и расплывчатых толкований. Например, в постановлении Министерства образования Республики Беларусь от 03.10.2008 г., №96 «Образовательный стандарт общего среднего образования» сказано, что одной из целей данного стандарта является «создание условий для полноценного развития личности, сохранения и укрепления здоровья учащихся» [1]. С этим нельзя не согласиться, но возникает вопрос: что означает создание условий для полноценного развития личности? По каким критериям судят об успешно развитой личности? Если мы говорим о содержании воспитательного и учебного процесса, то необходимо указать, из каких элементов должна состоять образовательная система.

Первое учреждение, куда попадает ребёнок, это детский сад. В Постановлении Министерства образования Республики Беларусь «Об утверждении образовательных стандартов дошкольного образования» сказано: «Целью дошкольного образования является разностороннее развитие и социализация воспитанника раннего и дошкольного возраста в соответствии с его возрастными и индивидуальными возможностями, способностями и потребностями» [2]. Для решения этой сложнейшей задачи в дошкольных учреждениях должны работать специалисты, имеющие хорошее профессиональное образование и четкое представление о педагогических технологиях воспитания детей. К сожалению, на данный момент работа воспитателя в детских учреждениях является малооплачиваемой, происходит постоянная смена кадров, а во многих случаях работают люди без педагогического образования. СМИ не раз освещали эти проблемы: воспитатели занимаются не своими прямыми обязанностями [3], нередко применяют телесные наказания [4], отличаются низким профессионализмом и др. Необходимо осознать, насколько важны первые годы социализации ребёнка. Именно от того, как будет складываться межличностное общение детей и общества, насколько дети будут доверять или не доверять людям, будут ли они чувствовать свою защищённость – зависит последующая их жизнь и форма социального поведения [5]. Именно поэтому важно, чтобы в данной сфере работали профессионалы, владеющие современными методами формирования личности, выстраивали отношения с воспитанниками на принципах гуманизма, были бы способны предупредить девиантное и делинквентное поведение. В дошкольный период закладывается основа формирования личности. Из-за несложившихся отношений с родителями у ребёнка могут возникнуть комплексы и всесторонние страсти. Например, доктор психологии, психоаналитик Сэнди Хотчкис в своей книге «Адская паутина» высказывает мысль, что наркотические зависимости (в том числе алкоголизм и табакокурение) у индивида часто формируются вследствие несложившихся

межличностных отношений в детстве с родителями или другими людьми, такого типа воспитания (авторитарного, отчужденного), которые повлекло за собой формирование зависимостей разного рода [6, с.130-142].

Это ещё раз подчёркивает важность создания научно обоснованной концепции и профессионального воспитания детей. Предлагается, чтобы в каждом дошкольном учреждении работал детский психоаналитик (идеальный случай, когда данными навыками обладает сам воспитатель), который смог бы наблюдать за детьми и направлять их развитие в продуктивное русло, способствуя раскрытию талантов, налаживанию отношений со сверстниками и родителями, которые в свою очередь могли взаимодействовать с психотерапевтом и набираться опыта в воспитании детей. Ведь не каждый родитель имеет представление о педагогических технологиях и новых открытиях в психологии. Профессионал должен подмечать настроение ребёнка, его отношения к родителям и наоборот, отношение родителей к ребёнку. В перспективе, это будет способствовать уменьшению количества случаев девиантного и делинквентного поведения в обществе – алкоголизма, табакокурения и др., созданию крепких семейных отношений, что, в свою очередь, скажется и на экономической ситуации в государстве. В качестве положительного примера можно привести практику работы детских психоаналитиков во Франции. «Психоанализ, с помощью аналитика, способен помочь ребенку восстановить чувства, пережитые им во время какого-то драматического события или связанные с каким-то важным для него решением, важным для его судьбы, а затем помочь ребенку самому преодолеть пережитое им и превратить свои горести в воспоминание об уже завершившемся прошлом. Вот в каком процессе помогает психоаналитик ребенку» [7, с.173].

Профессиональные педагоги знают и могут усовершенствовать не только процесс воспитания, но подобрать образовательную систему, которая увлекала бы детей, выявляла их таланты и способствовала их развитию. С нашей точки зрения, детские дошкольные учреждения нуждаются в педагогах, которые развивали и подготавливали детей к дальнейшему процессу обучения. Например, с первых дней поступления в детский сад детей можно обучать иностранному языку. Психологи выяснили, что ребёнок в возрасте до 5-6 лет великолепно может дифференцировать и усваивать несколько иностранных языков одновременно, что в дальнейшем упростит изучение письма и грамматики иностранного языка в школе. Для этого необходимы педагоги, которые свободно владеют и разговаривают на иностранных языках ежедневно с детьми.

Социализация личности происходит на протяжении всей жизни. Важно, чтобы в последующей ступени системы образования – школе, ребёнок смог получить также квалифицированную помощь. Рождение и развитие здорового общества не может протекать без грамотной системы образования. В чем недостаток системы образования в современном мире? Как отмечал Эрих Фромм «...ребенок попадает в школу или колледж. Здесь применяются методы обучения, в действительности ведущие к дальнейшему подавлению самостоятельности мышления... Один из них – настойчивое требование от учащихся знать факты, точнее, информацию. Существует жалкое суеверие, будто человек достигает знание действительности, усваивая как можно больше фактов» [8, с.236]. Образование должно в первую очередь научить мыслить. Безусловно, мышление оторванное от фактов – это схоластика. Вместе с тем, излишняя привязанность к эмпирическому материалу сдерживает творческое воображение и не позволяет проникнуть в глубинные причинно-следственные связи бытия. Молодым людям полезно осваивать мир не только теоретически, но и практически. Невозможно получить полноценное среднее образование юноше, если он не овладел каким-либо ремеслом. Необходимо изучать различные виды искусств, и опять-таки, не ограничиваясь теорией. Человеку следует научиться быть творцом. На помощь образовательной системе могут придти

средства массовой информации, задача которых познакомить общество с лучшими достижениями искусства и культуры, основанных на принципах гуманизма.

В образовательных учреждениях важно сформировать гуманный подход во взаимоотношениях между преподавателем и учеником. Это также влияет на качество усвоения учебных предметов. Герберт Коль и многие другие реформаторы системы образования использовали эту философию в общественных и частных учебных заведениях. Ратуя за открытую классную комнату, Коль разработал рекомендации по организации учебного процесса, в ходе которого преподаватель отказывается от авторитарной роли и общается со студентами на равных, руководствуясь их интересами. Исследования показали, что дети лучше усваивают материал, если взрослый человек поддерживает их, обладает такими качествами, как креативность, спонтанность, способность передать смысл, а не одни лишь факты, высокая самооценка, и видит свою задачу в раскрепощении, а не контроле учащихся [5, с. 313-314].

Следует понимать, что изучение учебных предметов не может быть просто связано с запоминанием фактов. Должна присутствовать междисциплинарная связь и единый подход, который смог бы раскрыть логическое единство различных знаний. Например, в Советском Союзе единым идеологическим фундаментом в изучении гуманитарных дисциплин служил принцип межклассовой борьбы. Мы не выступаем в защиту именно этого принципа и идеологии, а стремимся показать, что все дисциплины гуманитарного цикла были логично выстроены и утверждали определённую систему ценностей. Сейчас, зачастую, мы имеем дисциплины с разрозненными фактологическими данными, которые воспринимают ученики как набор информации, который надо выучить, чтобы получить хорошую отметку. Впоследствии это ведет к тому, что человек забывает факты и не осознаёт почему и зачем он их запоминал. Задача социального государства в сфере гуманизации образования – создать идеологическую платформу, на которой будет строиться изучение предметов. Эта идеология должна соответствовать внутренней и внешней политике, проводимой государством. Преподаватели истории, литературы, мировой художественной культуры и других дисциплин должны вести их в рамках одной идеологии. Отметим, что под идеологией мы подразумеваем не столько политическое направление, сколько принципы: гуманизма, толерантности, взаимоуважение. Однако подход может включать и политические ориентации: формирование демократических ценностей, плюрализма и др.

Современные тенденции в мире и в Республике Беларусь в частности, направлены на сокращение учебного времени для изучения гуманитарных дисциплин. Это влечет за собой ряд негативных последствий. Гуманитарные науки формируют эмпатию, способность критически мыслить, богатый эмоциональный фон. Без должного гуманитарного образования происходит ухудшение качества жизни и «истощение» гражданского самосознания. Эту позицию аргументированно продемонстрировала Марта Нуссбаум в книге «Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки» [9].

Часто складывается впечатление, что реформы в системе образования проходят ради самих реформ. Это своего рода «отчёт» о том, что работа ведётся. За время существования суверенной Республики Беларусь так и не сформирована устоявшаяся модель образования. Иногда происходит копирование западных моделей, но без надлежащего анализа их содержания. В высшей школе существует понятие «модульная система», которая включает несколько предметов: философия и психология, идеология и политология. Но проблема в том, что содержание типовых программ по данным дисциплинам не предусматривает их взаимодействия, в итоге по своей сути дисциплины остаются разрозненными. Иное дело, когда в финской системе школьного образования предусматриваются модульные уроки, где происходит объединение, например, химии и иностранного языка. В процессе проведения таких занятий учащихся не только совершенствуется знания в области иностранного языка, но и вырабатывают навыки изложения на нем соответствующих дисциплин.

Есть ряд и других факторов, на которые государство должно обратить внимание. И прежде всего, на изменение статуса преподавателя, создание гибких методик обучения (зачастую преподаватели не хотят что-то изменять в методах, подходах, опасаясь контролирующих органов), должно быть выработано высокое доверие к преподавателю, отсутствие формализма.

Государству необходимо позаботиться о воспитании семьи. Целесообразно создать специальные учреждения (или курсы), где психологическую помощь будут проходить молодые родители или даже семьи. Не всегда в современном мире люди, создающие семью, понимают, какую ответственность они несут за своего будущего ребёнка, как его правильно воспитать и приспособить к меняющимся условиям жизни. В данных учреждениях следовало бы задействовать психологов и педагогов-практиков, которые в состоянии рассказать о формах воспитания и их последствиях (к чему, например, может привести авторитарный стиль воспитания), как направлять развитие ребёнка. Ведь на производстве все проходят инструктаж по технике безопасности. Нечто подобное необходимо внедрить и в систему подготовки родителей к семейному воспитанию детей.

В заключение отметим, что государство, именуемое социально-ориентированным, обязано проявлять заботу не только о материальном благополучии и физическом здоровье своих граждан, в первую очередь о детях и молодежи, но и об уровне их интеллектуального развития и состоянии духовно-нравственного и эстетического облика. Это очень важно для молодого белорусского государства, которое исторически оказалось в зоне пересечения социокультурных и политических традиций Востока и Запада. Однако из его основных задач, решение которых в значительной степени возложено на систему образования, состоит в сохранении и развитии лучших ментальных качеств белорусского народа в стремительно глобализующемся мире (трудолюбие, этноконфессиональная толерантность, умение выстраивать дружелюбные отношения с соседями, миролюбие, сопряженное со стойкостью и незыблемостью духа во время тяжелых испытаний и др.). Они являются своеобразной визитной карточкой нашей страны.

Литература

1. Образовательный стандарт: общее среднее образование. Основные нормативы и требования [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Республики Беларусь, 03.10.2008 г., № 96 // Национальный образовательный портал. – Минск, 2018.
2. Постановление Министерства образования Республики Беларусь: Об утверждении образовательных стандартов дошкольного образования [Электронный ресурс] : постановление Министерства образования Респ. Беларусь, 29.12.2012 г., № 146 // Национальный образовательный портал. – Минск, 2018.
3. Финансы TUT.BY Режим доступа: <https://finance.tut.by/news576003.html> – Дата доступа: 01.10.2018.
4. Информационное агентство Interfax.by Режим доступа: <https://www.interfax.by/article/63876> – Дата доступа: 01.10.2018.
5. Маслоу, А. Мотивация и личность / А. Маслоу. – 3-е изд. / Пер. с англ. – СПб.: Питер, 2008. – 352 с.
6. Хотчис, С. Адская паутина: как выжить в мире нарциссизма / С. Хотчис. – Пер. с англ. В. Мершавки. – М.: Независимая фирма «Класс», 2010. – 248 с.
7. Эльячефф, К. Затаенная боль. Дневник психотерапевта / К. Эльячефф. – Пер. с англ. – М.: «Кстат», 1994. – 175 с.
8. Фромм, Э. Бегство от свободы / Э. Фромм. – М.: АСТ: АСТ МОСКВА, 2009. – 284 с.
9. Нуссбаум, М. Не ради прибыли. Зачем демократии нужны гуманитарные науки / М. Нуссбаум. – М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2014. – 192 с.

МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

О.В. Коршукова

г. Могилев, МГУ имени А.А. Кулешова, Korshukova98@mail.ru

Цель статьи – охарактеризовать медико-социальную реабилитацию молодых людей с инвалидностью (на основе результатов пилотажного социологического исследования «Качество жизни и соблюдение прав молодых людей с инвалидностью»).

Ключевые слова: молодые люди с инвалидностью, медико-социальная реабилитация.

Социальная группа молодых людей с инвалидностью представляет собой «законсервированный» социальный капитал, ресурс государства. Возможность самореализации данной группы людей затрудняется действием различных факторов (особенностью психофизического состояния, стигматизацией и т.д.). Не удовлетворив основную потребность в здоровье, человек с инвалидностью не сможет удовлетворить высшие потребности (в коммуникации, самореализации и т.д.). Поэтому важно при изучении качества жизни лиц с инвалидностью уделять особое внимание анализу эффективности медико-социальной реабилитации, так как от того на сколько эффективно она будет проведена, зависит потребности какого уровня индивид сможет удовлетворить, а значит и качество его жизни.

В законе Республики Беларусь «О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов» реабилитация инвалидов определяется как комплекс мер различного характера, направленных на снижение воздействия инвалидизирующих факторов и условий, приводящих к физическим и другим дефектам, а также на обеспечение возможности для инвалида достижения социальной интеграции [1, с. 1]. Там же определены и основные виды реабилитации: медицинская и социальная. Медицинская реабилитация людей с инвалидностью направлена на восстановление имеющихся ограничений жизнедеятельности, компенсацию нарушенных функций. А значит, эффективная медицинская реабилитация должна способствовать удовлетворению потребности в здоровье. В свою очередь социальная реабилитация – должна способствовать удовлетворению их социальных потребностей. Таким образом, те потребности, которые молодые люди не могут удовлетворить самостоятельно из-за особенностей здоровья должны быть удовлетворены с помощью медико-социальной реабилитации и дать основу для достижения высших потребностей (потребностей в самореализации), а значит улучшить качество жизни молодых людей с инвалидностью.

В связи с необходимостью оценки качества различных аспектов жизни и возможностей самореализации молодых людей с инвалидностью, в мае 2018 года было проведено пилотажное социологическое исследование в городах Могилев и Гомель, опрошено 90 молодых людей с инвалидностью. Удельный вес инвалидов мужского и женского пола в общей численности опрошенных составил соответственно 53,9 и 46,1%. В выборку вошли инвалиды 1 группы – 13,1%, 2 группы – 26,2%, 3 группы – 60,7%. Рассмотрим полученные результаты.

Медицинская реабилитация людей с инвалидностью осуществляется на основании индивидуальной программы реабилитации, которая выдается медико-реабилитационной экспертной комиссией. Как показало проведенное социологическое исследование, большей части респондентов (51,9%) не была выдана индивидуальная программа реабилитации, то есть они не были осведомлены о тех мероприятиях, которые им рекомендованы. Несмотря на это молодые люди, оценивают деятельность медико-реабилитационной экспертной комиссии как: полностью удовлетворительную – 18,1%; частично удовлетворительную – 70,8%; не удовлетворительную – 11,1%.

Молодые люди с инвалидностью при получении / подтверждении группы по потере здоровья сталкиваются со следующими проблемами: требование множества справок (44,2%), необходимость приходить несколько раз (22,1%), невнимательное, грубое отношение (13,6%) и другое. При этом лица с 3 группой инвалидности сталкиваются с трудностями чаще (77,1), чем лица с инвалидностью 1 и 2 группы (22,3% и 50% соответственно).

В связи со спецификой своего физического состояния молодые люди с инвалидностью вынуждены постоянно обращаться в медицинские учреждения. Большинство респондентов (86%) при ухудшении своего самочувствия обращаются за помощью в государственные медицинские учреждения, где оценивают уровень медицинского обслуживания как удовлетворительный – 67,2%. В частных медицинских центрах уровень обслуживания так же определяют как удовлетворительный – 60% молодых людей (13% респондентов обращаются в частные медицинские центры).

Люди с инвалидностью имеют ограничения жизнедеятельности, которые определяют их потребность в специальном обустройстве жилья, технических средствах реабилитации, создании безбарьерной окружающей среды и т.д. Нуждаются в специальном обустройстве жилья 26,1% опрошенных. Из них у 23,8% респондентов – жилье обустроено полностью, у 52,4% – обустроено частично и 23,8% высказались о полной необустроенности жилья. Причины необустроенности жилья: материальные трудности (54,2%), необходимость приобретения дорогостоящего оборудования (16,7%), отсутствие лифта в доме (16,7%). С такими проблемами необустроенности жилья как отсутствие лифта в доме чаще сталкиваются инвалиды 1 группы (66,7%), инвалиды 2 группы чаще указывают на необходимость приобретения дорогостоящего оборудования (75%), а на необходимость перепланировки жилья указывает 38,4% инвалидов 3 группы.

Из всех опрошенных молодых людей 12,5% нуждаются в технических средствах реабилитации. Необходимость в технических средствах социальной реабилитации испытывают молодые люди с заболеваниями органов зрения, слуха, дыхания, заболеваниями костно-мышечной и сердечно-сосудистой системы. Обеспеченность респондентов, нуждающихся в технических средствах социальной реабилитации, составляет 35,5%. Причины, по которым люди с инвалидностью, нуждающиеся в технических средствах реабилитации их не получили – это невысокая осведомленность и не информированность о порядке, условиях предоставления этих средств, не осведомленность о том, куда обращаться за их предоставлением, высокая стоимость. Кроме того, проблемой для них является то, что технические средства социальной реабилитации, предоставляемые им бесплатно или по льготным ценам, не всегда подходят им, что влечет за собой невозможность пользоваться ими даже при наличии.

В связи тяжестью нарушения здоровья молодые люди с инвалидностью могут иметь ограничения в передвижении, посещении общественных мест. Однако помимо особенностей здоровья, отсутствия технических средств социальной реабилитации причиной ограничения передвижения являются барьеры социального пространства, которые затрудняют передвижение (перемещение) и доступ к социально значимым объектам. В большей мере ограничение в передвижении характерно респондентам с заболеваниями костно-мышечной, эндокринной, нервной системы, органов слуха, дыхания.

Около 20% опрошенных имеют проблему доступности социальных объектов, несмотря на меры предпринимаемые государством по созданию безбарьерной среды. В большей степени эти меры сосредоточены на обеспечении свободного доступа лиц с инвалидностью к организациям здравоохранения, образования, социальной защиты. Однако как показали результаты опроса, посещение даже этих организаций и учреждений сопряжено с некоторыми затруднениями: при передвижении в организациях здравоохранения с трудностями сталкиваются 41,6% молодых инвалидов, в учреждениях социального обслуживания – 28,5%, в учреждениях образования – 32,6%.

Создание безбарьерной среды предполагает не только отсутствие архитектурных барьеров, но доступность для людей с инвалидностью информации, связи, а также услуг, предоставляемых населению. Как показали результаты опроса для 97,7% молодых людей с инвалидностью информация доступна. Наиболее популярными источниками информации являются: интернет ресурсы (28,57%), специалисты системы здравоохранения (17,35%), знакомые (19,39%). Высокая информированность о правах и льготах, которые положены лицам с инвалидностью в соответствии с законодательством, выявлена у 29,1% респондентов, а о специфике своего заболевания в достаточной степени проинформировано большинство опрошенных (52%).

Молодые люди с тяжелыми формами заболевания и травмами нередко нуждаются в профессиональной не только медицинской, но и социальной помощи. Такую помощь оказывают территориальные Центры социального обслуживания населения (ТЦСОН) в ходе опроса было выяснено, что пользуются услугами ТЦСОН 22,2% респондентов, не пользуются, но хотели бы 27,8%, не нуждается в услугах ТЦСОН половина опрошенных молодых людей. Зависимости между группой инвалидности и необходимостью оказания социальных услуг не выявлено. Из числа респондентов, которые пользуются услугами ТЦСОН, 41,7% опрошенных полностью удовлетворены качеством оказания услуг, 50% – удовлетворены частично, а 8,3% не удовлетворены.

Наиболее востребованными услугами для молодых людей с инвалидностью являются: материальная помощь – 24,7%, консультирование по различным вопросам – 16,7%, трудоустройство – 15,6%, лекарственное обеспечение – 15,1%. Самыми не популярными социальными услугами являются – надомное обслуживание (1,6%), помощь в ведении домашнего хозяйства (3,2%), переоборудование жилья (3,8%) и социальное такси (3,8%).

Таким образом, можно говорить о том, что большинство респондентов удовлетворены медицинской реабилитацией: деятельностью медико-реабилитационной экспертной комиссии, государственных медицинских учреждений. Однако, существует определенная трудность в осуществлении социальной реабилитации молодых людей с инвалидностью: большинство респондентов нуждающихся технических средствах реабилитации ими не обеспечены. Следовательно, нельзя говорить о том, что медико-социальная реабилитация молодых людей с инвалидностью эффективна, а значит, существуют барьеры, препятствующие успешной самореализации молодых людей с инвалидностью.

Литература

1. О предупреждении инвалидности и реабилитации инвалидов: Закон Респ. Беларусь, 23 июля. 2008г., // Консультант Плюс: Беларусь. Технология 3000 [Электронный ресурс] / ООО «ЮрСпектр», Нац. центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Могилев, 2018.

ВЛИЯНИЕ КИНЕМАТОГРАФА НА МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОБРАЗ СТРАНЫ

А.Н. Костючков

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машиерова, a.n.kostyuchkov@gmail.com

В работе рассматривается кинематограф как инструмент политики «мягкой силы». Цель исследования – установить методы влияния кино на международный образ, показать фильмы как инструмент формирования международного имиджа.

Ключевые слова: «мягкая сила», международный образ/имидж, кино, кинематограф.

В современном мире субъекты международных отношений для достижения своих целей всё чаще применяют технологии «НЕСилового» влияния, которые американский

учёный и политик Дж. Най назвал «мягкой силой». Реализация политики «мягкой силы» в числе прочих сфер идёт и через сферу кинематографа. Кинематограф – это один из инструментов «мягкой силы», и, следовательно, инструмент формирования международного имиджа страны. Он создаёт важный канал связи между отдельными людьми, между социальными группами, между нациями. Кинематограф является на данный момент одним из популярных видов искусства, а просмотр фильмов не менее популярным способом проведения множеством людей свободного времени.

Цель данного исследования – установить методы влияния кино на международный образ страны, показать фильмы как инструмент формирования международного имиджа. Объект исследования – кинематограф как социальный феномен. Предметом исследования выступают возможности кино в сфере формирования международного имиджа, влияние кино на международный образ страны. Материалом исследования являются кинофильмы, а также события, связанные с миром кинематографа.

Под *международным имиджем* автор понимает образ социального субъекта, *целенаправленно* формируемый в сознании иностранных целевых аудиторий (ЦА), а под *международным образом* – любой образ субъекта в сознании иностранных ЦА. То есть по отношению к имиджу понятие образа выступает как более широкое. Международным образом обладают и субъекты международных отношений (государства, межгосударственные объединения, международные организации), и любые другие субъекты, имеющие коммуникации вне национальных границ – нации и этносы, политические лидеры, неправительственные организации, в том числе нелегальные (например, террористические организации), ТНК, внутригосударственные регионы.

Как инструмент формирования имиджа кинематограф относится к культурным средствам. Кино как вид искусства всегда применялся для достижения политических и иных целей в интересах субъектов, производящих фильмы либо финансирующих их производство. Это происходит с целью воздействия, как на национальные, так и на иностранные ЦА.

Влияние кинематографа на международный имидж может идти по нескольким каналам. Это кинособытия и сами фильмы.

Кинособытия включают событийный менеджмент и работу через «лидеров мнений».

Событийный менеджмент – это «организация управления событием, придание ему конкретной направленности в интересах заказчика» [1, с. 129]. В сфере кино он включает проведение кинофестивалей и участие в них, проведение Дней/Недель кино. В ходе этих мероприятий заинтересованной аудитории демонстрируются фильмы. Сам антураж кинофестивалей (красная дорожка, церемонии встречи и награждения и т.д.) оказывает влияние на аудиторию. На фестивалях, в которых участвуют представители других стран (известные люди, «лидеры мнений»), формируется общее коммуникативное поле, необходимое для международного диалога. Здесь общаются режиссёры, актёры, критики, идёт обмен мнениями по различным проблемам кино и социума. В коммуникациях участвуют, как правило, культурные элиты, которые выступают одновременно и субъектом воздействия, и объектом. Оказывают влияние эти события и на массовые аудитории.

Работа через «лидеров мнений». Образ страны, отношение к ней формируют актёры и герои, ими сыгранные. Например, Ж.-П. Бельмондо и П. Ришар однозначно ассоциируются с Францией, Х. Форд и Д. Депп – с США и т.д. Имея всемирную популярность и влияние на сознание людей, актёры могут принимать участие в политических и иных кампаниях, а значит оказывать влияние на формирование мирового общественного мнения, на формирование международного образа.

Но главным каналом воздействия на ЦА выступают сами кинопроизведения, *фильмы*. Любой фильм, как замечает Ю. Лотман во введении к своему исследованию 1973 года о семиотике кино, «это как бы письмо, послание зрителям» [2]. Он несёт в

себе сообщение, месседж. Информация, содержащаяся и определённым образом интерпретируемая, влияет на сознание зрительской аудитории в целом и на сознание каждого отдельного человека. Как пишет Ю. Лотман в пятой главе упомянутого исследования, кино оказывает «сложное воздействие – от заполнения ячеек его (зрителя – А.К.) памяти до перестройки структуры его личности» [2]. Через фильмы транслируется образ жизни, передаётся культура поведения. Зрители могут начать копировать модель поведения героев, увидев привлекательный образ и уровень жизни. В плане ценностном кино запускает процесс «кинематографической социализации» [3, с. 46], формирует «кинематографическую картину мира» [3, с. 47], а значит, формирует сознание человека и его отношение к событиям, объектам, социальным субъектам, к самому себе.

С помощью фильмов субъект представляет/презентует себя целевой аудитории, формирует её представление о себе. Тысячи голливудских фильмов сформировали устойчивый образ США, их уровня жизни и уровня развития, их военной мощи и образа жизни. Как пишет Рыбакова М.Г., на имидж США работают несколько факторов, и «особенно, возможность создавать привлекательное кино. Всё это дало возможность обрушить *поток имиджа* (выделено мною – А.К.) Америки на людей, которые никогда не слышали об американских идеалах. Это произошло во многом благодаря преобладанию американского кинематографа» [4, с. 54].

В настоящий момент Китай параллельно с усилением своей экономической и военной мощи, также пытается с помощью художественных фильмов и анимации оказывать всё большее культурное влияние на мир, в частности на США [5].

В качестве средств воздействия на иностранные ЦА могут выступать не только художественные фильмы. Это могут быть анимационные фильмы [5, с. 94], документальные драмы [6], документальные фильмы [7]. Позитивный месседж могут нести документальные фильмы даже на «лёгкие» темы. Например, французский режиссёр Л. Ньето снимал в Санкт-Петербурге фильм о загадочной душе питерских котов, который затем разместил в Интернете [8].

Как при создании, так и при демонстрации фильмов необходимо учитывать, что их сюжеты либо отдельные сцены могут трактоваться иностранными зрителями неоднозначно или вовсе негативно. Особенно это касается фильмов, в которых противопоставляются различные народы и государства. В частности, фильмы на военную и другие темы с ярким и однозначным противостоянием. Так, в конце 1930-х годов посол Японии в СССР заявлял протест по поводу художественного фильма «Волочаевские дни» (СССР, 1937), описывавшего интервенцию и пребывание японских войск во Владивостоке в 1918 году [9, с. 209]. В наше время в комедийном фильме «Интервью» (США, 2014) было показано убийство лидера Северной Кореи Ким Чен Ына, по поводу чего КНДР заявила протест, в том числе и в ООН, и даже угрожала США войной [10].

При создании фильма как инструмента формирования имиджа можно выделить несколько этапов.

Определение целей. Целями могут выступать: 1) формирование позитивного отношения к объекту размещения/показа, 2) формирование устойчивых позитивных ассоциаций с объектом, 3) реклама объектов показа.

Определение ЦА. Целевыми аудиториями могут быть: 1) массовый зритель, 2) лица, принимающие решения либо влияющие на общественное мнение.

Создание месседжа/послания. Месседж в коммуникации – это сообщение, идущее от адресанта к адресату. Адресантом выступает заказчик или/и создатель фильма, а адресат – это ЦА. Фильм должен нести в себе некое сообщение зрительской аудитории.

Формирование канала коммуникации. Каналом выступает сам фильм. В него должно быть органично включено сообщение целевой аудитории. Органичность включенности сообщения зависит от качества фильма, выбора актёров и их игры, жанр картины.

В фильмах, имеющих целью сформировать позитивное/негативное отношение к кому-либо, чему-либо, практически всегда используется технология *product placement* (PP). *Product placement* – «размещение определённой торговой марки или самого товара/услуги в художественном произведении» [11, с. 113]. Объект размещается и ненавязчиво предъявляется в произведении потребителю несколько раз. Дополняя данное определение, а также исходя из сказанного выше, автор считает, что объект может размещаться не только в художественных, но и в документальных и анимационных фильмах. И сам круг объектов размещения может быть значительно шире.

Объектом размещения могут выступать: 1) страна в целом, 2) система ценностей и образ жизни, 3) отдельные объекты. В одном фильме может быть несколько объектов размещения.

Страна в целом. Простое упоминание в фильме о стране, даже в титрах, может играть роль в формировании положительного имиджа. Фильм может ориентироваться не только на формирование позитивного, но и негативного отношения к стране.

Система ценностей и образ жизни. Фильмы помогают познакомиться с культурой страны и менталитетом народа. Современные американские фильмы демонстрируют миру образ жизни в США. Жабский М.И. так описывает этот процесс: «Постоянно погружаясь в образный мир американских и прочих фильмов, зритель, особенно юный, виртуально мигрирует в другое общество, иллюзорно живёт среди его людей, соприкасается с их стилем жизни и проблемами, усваивает иные культурные ценности» [3, с. 48-49].

Отдельные объекты. Объектом размещения могут быть: а) физические объекты, б) исторические события, в) социальные институты.

а) Довольно часто в фильмах размещаются туристические объекты. Могут размещаться символические, необычные, знаковые объекты. Кроме того, как пишет британский специалист С. Анхолт, «определённые фильмы имеют тенденцию достигать вторичного эффекта рекламированием места, где происходила съёмка» [12, с. 216].

б) В кино факты могут интерпретироваться по усмотрению создателей фильмов. Результативности этого приёма способствует то, что в современном обществе многие люди совершенно не знают истории, и фактически их сознание в этом плане представляет собою «*tabula rasa*». Для таких людей художественные фильмы даже с явно вымышленными событиями являются главным учебником истории.

в) Вооружённые силы, спецслужбы, правоохранительные органы и их представители часто в той или иной форме являются главными действующими лицами. Например, в американских фильмах армия США всегда борется «за мир во всём мире», она всегда на стороне Добра.

Таким образом, мы видим, что кинематограф активно применялся, применяется ныне и будет применяться в будущем для формирования положительного образа субъектов международных отношений. Республике Беларусь также можно выработать программу формирования своего имиджа с помощью средств кинематографии и реализовывать её на основе вышеописанных алгоритмов.

Литература

1. Близняк, Р.З. Основные понятия событийного менеджмента в системе электро-
рациональных коммуникаций / Р.З. Близняк // Теория и практика общественного развития. – 2010. – № 4. – С. 129-132.
2. Лотман, Ю. Семиотика кино и проблемы киноэстетики // Lib.ru: Библиотека
Максима Мошкова [Электронный ресурс.] – Режим доступа:
http://lib.ru/CINEMA/kinolit/LOTMAN/kinoestetika.txt_with-big-pictures.html. – Дата доступа: 08.06.2018.
3. Жабский, М.И. Глобализм и функции кино в обществе / М.И. Жабский // Вестник
Российского фонда фундаментальных исследований. – 2005. – № 4. – С. 43-50.

4. Рыбакова, М.Г. Предпосылки формирования политического имиджа страны в условиях воздействия массовой культуры (на примере США) / М.Г. Рыбакова // Научное мнение. – 2012. – № 8. – С. 51-58.
5. Тетерюк, А.С. Кинематограф как инструмент «мягкой силы». Китайский казус / А.С. Тетерюк // Геополитический журнал. – 2014. – № 5. – С. 84-95.
6. Стежко, Н. Роль телевизионной драмы как представителя СМИ в формировании позитивного имиджа Беларуси на международной арене / Н. Стежко // Международная журналистика-2018: глобальные вызовы, региональное партнерство и медиа : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 15 февр. 2018 г. / сост. Б. Л. Залесский ; под общ. ред. Т. Н. Дасаевой. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 351 с. – С. 300-303.
7. Калинина, М.П. Документальное кино как инструмент политического и коммерческого PR: украинский и зарубежный опыт / М.П. Калинина // Міжнародний науковий журнал Інтернаука. – 2015. – № 6. – С. 46-52.
8. Клименко, А. Мохнатые звёзды / А. Клименко // АиФ-Смоленск. – 2013. – № 48. – 27 ноября-3 декабря. – С. 7.
9. Бережков, В.М. Страницы дипломатической истории / В.М. Бережков. – М.: Международные отношения, 1987. – 616 с.
10. КНДР угрожает США войной из-за фильма о Ким Чен Ыне // BBC. Русская служба [Электронный ресурс] – 2014. – 26 июня. – Режим доступа: http://www.bbc.com/russian/international/2014/06/140625_nkorea_us_film_row. – Дата доступа: 04.05.2018.
11. Берда, М.А. Рекламные технологии в культуре современного общества: product placement и cross-promotion / М.А. Берда // Вестник Московского университета. Сер. 10. Журналистика. – 2006. – № 5. – С. 112-120.
12. Анхолт, С. Брендинг: дорога к мировому рынку / С. Анхолт. – М.: КУДИЦ-ОБРАЗ, 2004. – 272 с.

ДУХОВНО-ЭТИЧЕСКАЯ СИНЕРГИЧНОСТЬ СРЕДЫ БИОЭТИКИ

Лукина Л.В.

г. Витебск, ВГАВМ, lavalu29@rambler.ru

Цель статьи – рассмотреть духовно-этический модус биоэтики, исходящий из гуманистических, демократических ценностей. Многоаспектные религиозно-этические принципы, правила, наставления, детерминированные историческими особенностями, синтезированы в ценностно-нормативном контенте моделей Гиппократ, Парацельса и деонтологии, биоэтики как «мост в будущее», «уважение прав и достоинства человека».

Ключевые слова: биоэтика, духовность, религиозность, нравственность, этика.

Духовно-этические рекомендации, правила, принципы исходя из исторических особенностей, устойчивой тенденции их гуманизации и социализации, синтезированы в ценностно-нормативном содержании «уважения прав и достоинства человека» (биоэтики). Биоэтика работает в режиме сохранения здоровья человека и его жизни наряду с моделями Гиппократ, Парацельса и деонтологии. Духовно-этические регулятивы раскрывают такие категории как жизнь, смерть, здоровье, их критерии, охватывают всех живущих людей, будущие поколения, все живые организмы, природу, окружающую среду.

Так, принципы врачевания «отца медицины» Гиппократ (460-377 гг. до н.э.) изложены в его «Клятве», текстах «О законе», «О врачах» раскрывают духовность врачебной этики. «Модель Парацельса» как составляющая стратегии поведения врача, учитывает эмоционально-психические предпочтения, душевно-духовную взаимосвязь

личности и врача, их включенность в процесс лечения. В формате данной модели нравственной основой вырисовывается принцип «делай добро», благо, или «твори любовь», благодеяние, милосердие. Врачевание по существу и есть организованное осуществление добра. Добро же по сути своей имеет божественное происхождение. «Всякое даяние доброе... нисходит свыше, от Отца светов» (Иак. 1,17). У Максима Исповедника находим, что всякая добродетель «безначальна», и время не предшествует ей, поскольку добродетель имеет от вечности своим Родителем единственного Бога. В учении Парацельса акцентируется, что сила искусства врача концентрируется в его сердце и работа его руководствуется Богом, освещаясь естественным светом и опытностью, причем, важнейшей основой лекарства является любовь. Деонтологическая модель врачебной этики, связанная с религиозной культурой, представляет собой совокупность «должных» правил, соответствующих определенной, конкретной области медицинской практики. Истоки представлений о «должном» заложены в духовно-нравственном сознании, для которого характерно постоянное соизмерение, соблюдение себя с «должным» и осуществление оценки действия не только по результатам, но и по помыслам. Примером этой модели врачебной этики служит хирургическая деонтология Н.Н. Петрова, представленная в работе «Вопросы хирургической деонтологии».

Биоэтика как принцип «уважения прав и достоинства человека» включает значимую палитру этических проблем во взаимодействии врача и пациента и относится к исследованию социальных, экологических, медицинских, духовных, социально-правовых проблем, касающихся и человека и любых живых организмов, включенных в экосистемы, окружающие человека. И этико-философский формат биоэтики оценивает результаты развития инновационных биотехнологий в контексте прав человека. Биомедицинское знание и практика неразрывны с духовно-этическим знанием, созвучное с христианскими традициями. В учении старца Нектария Оптинского звучит, что если вы будете жить и учиться так, чтобы ваша научность не портила нравственности, а нравственность – научности, то получится полный успех вашей жизни. Связь научности и нравственности позволяет существовать и выживать человеческой цивилизации.

Воля Господа не в судействе по предписанным инструкциям, а в том, чтобы человек достигал совершенства «по образу Бога». Осмысливая реальность современных биомедицинских технологий, опыт нравственно-этических отношений, Православие определяет основную онтологическую ориентацию, не предлагая пунктуально регламентированного учения. Вместе с тем, Истина Православия «таинственно сочетается» с догматами. Согласно В.Н. Лосскому, догматы в богословии это не «противоречащие разумному рассуждению внешние авторитеты, по послушанию принятые и затем к нашему пониманию приспособленные», но и зачатки «нового познания» [3]. Тайна же человеческого существа заключается в том, что человек является «причастником божественного естества» (2 Пет. 1,4), реализованное в Боговоплощении, оно создает и гарантирует «тайну Личности». Сообразно синергии Господь делами своими «указует» пути и возможности духовного воздействия человека на его природу. Исцеление человека от духовных и телесных болезней, вплоть до частичной победы над смертью – все это «дела» Христовы, которые являются примером и призывом к делам человеческим. Напрашивается аналогия между некоторыми евангельскими чудесами и современными биомедицинскими технологиями, которые усматриваются в «исцелениях», «оживлениях» и высоком уровне реанимационных методик, жизнеподдерживающих систем и т.п. Онтологическая линия, опирающаяся на принцип синергии, предполагает, что в области биомедицинских исследований лечение болезней находится во власти человека, и чудесные исцеления, осуществляемые Богом и человеком, «отличаются не по цели и существу», а по «способам их достижения». Различия в способах не принижают принципа возможности исцелений, ведь мир не механизм в его законченности. Принцип

«святости жизни», помимо догмата о Боговоплощении и принципа синергии, представляется значимым для духовно-этических проблем врачевания. В Евангелии святость как свойство христианства во всех его проявлениях: «да святится имя Твое» (Мф. 6,9), «Отче Святый... освяти ил истинною Твоею» (Ин. 17,11,17) [2]. Содержание и смысл «святости жизни» обнаруживает противопоставление нравственного императива врачевания: спасение жизни и готовность «дать» человеку умереть. Проблема жизни и смерти в ряду ведущих проблем христианского сознания, решение которой определяет Воскресение Христово. Отношение врача к больному не просто научно, но и включает сострадание, уважение, готовность облегчить страдания, продлить жизнь. Отрыв этих задач от духовности, христианства способен привести к ослаблению достоинства и милосердия, которые традиционно, веками отсчитывают ритм жизни и смерти.

Формат ориентиров духовно-этической синергичности модуса биоэтики вбирает значительный спектр, включающий нравственно-этическую оценку «опасного» знания, агрессию и насилие, старение населения, детей-сирот, стигматизацию, манипуляцию с генами, биофармакологию, репродуктивную медицину, исследования стволовых клеток, эвтаназию, биоэтическую толерантность. Как свидетельства оптимизации высоких технологий в медицине, генетике и экологии человека наблюдаются изменения, происходящие в личности человека, составляющие деформации взаимоотношений между людьми, которые выводят на выраженные размышления о духовной жизни, нравственно-этическом потенциале человека.

Литература

1. Антоний Сурожский, митрополит. О медицинской этике // Независимый психиатрический журнал. 1995. – Вып. 1. – С.46-54.
2. Библия. Книги Священного Писания, Ветхого и Нового Завета, Канонические / Изд-е «Русское библейское общество», б.г. – 600 с.
3. Лосский В.Н. Бог и мировое зло. М.: Республика, 1994. - 432с.
4. Першин М. Против «цивилизованных» убийств (к принятию закона о биоэтике) // Православная беседа. 1998. – № 1. – С. 42-44.
5. Научная библиография диссертаций и авторефератов disserCat <http://www.dissercat.com/content/formirovanie-bioeticheskogo-mirovozzreniya-aspekty-metodologii#ixzz2hdKgJH7B>.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

*И.А. Мартинкевич, С.П. Кулик
г. Витебск, ВГМУ, janka.m@mail.ru*

Цель статьи – проследить влияние информационного общества на социокультурную среду вуза. Рассматриваются основные тенденции развития образования как социального института и культурной ценности в условиях трансформации современного образования.

Ключевые слова: социокультурная среда, образование, гуманитарное образование, информатизация общества.

Современные тенденции реформирования и динамично изменяющейся системы образования, переход от унифицированного к вариативному и развивающему образованию обуславливает неоднородность его социокультурного пространства. Каждое по-

коление выстраивает собственный жизненный мир или социокультурную среду, которая представляет собой свою, особенную систему ценностей, в которой происходит идентификация индивида как личности и социального субъекта [1, с. 173].

Современные исследователи под образовательной социокультурной средой понимают систему ключевых факторов, определяющих образование и развитие человека: люди, которые влияют на образовательные процессы; общественно-политический строй страны; природная и социокультурная среда (включая культуру педагогической среды); средства массовой информации; случайные события. Вводя понятие «гуманитарная образовательная среда», исследователи рассматривают её как условие, способное обеспечить формирование основ нового культурно-образовательного и социально-педагогического мышления.

Гуманитарная образовательная среда является культурно-образовательным пространством с приоритетом гуманистически-нравственных ценностей и обладает такими качественными характеристиками, как целостность, автономность и открытость. Гуманитарная образовательная среда создает условия для развития интерсубъективного процесса образования, актуальных преобразований субъективности. Таким образом, образовательная среда может быть охарактеризована как совокупность социальных, культурных, а также специально организованных в образовательном учреждении психолого-педагогических условий, в результате взаимодействия которых с индивидом происходит становление личности [2, с. 133-134].

Процесс обучения в вузе, как правило, совпадает с периодом становления ценностного сознания молодых людей, их моральных и профессиональных качеств. В этой связи вуз и его среда выступают важным условием формирования личности студента. Таким образом, социокультурную среду вуза можно определить как пространственный континуум, в котором преломляются знания и культурный опыт человека, последний осуществляется благодаря взаимодействию, общению и сотворчеству. Социокультурная среда высшего учебного заведения выступает таким конструктом, который характеризует социокультурное пространство вуза с качественной стороны и раскрывает его организацию [3]. Эта среда диалектически связана с каждым человеком; они развиваются параллельно, развивая себя, изменяя черты, формы, а иногда и свои сущностные характеристики. Индивиды оказывают влияние на среду и, наоборот, под влиянием среды меняются сами. В этой связи социокультурная среда вуза может быть представлена как такая социальная среда, которая базируется на определенном наборе норм и ценностей, которые и будут преломляться во всех ее элементах: в учебных планах, программах, учебниках, в деятельности преподавателей [4]. Социокультурная среда вуза представляет собой часть вузовской среды и направлена на удовлетворение потребностей и интересов личности в соответствии с общечеловеческими и национальными ценностями.

Современная социокультурная среда вуза как совокупность условий, в которых осуществляется жизнедеятельность субъектов образовательного пространства, должна отвечать следующим требованиям:

- 1) способствовать самореализации личности;
- 2) способствовать удовлетворению потребностей, интересов личности; способствовать адаптации к социальным изменениям;
- 3) выступать инструментом формирования ценностей и моделей поведения;
- 4) определять перспективы развития организации.

Социокультурная среда вуза способствует формированию не только позитивного восприятия атмосферы вуза, но и позитивному настрою на будущую профессиональную деятельность. Поэтому важным в развитии социокультурной среды выступает включение в функционирование данной среды всех участников образовательного процесса [4].

Стабильность культурно-образовательной среды вуза зависит от набора ценностей ее участников (преподавателей, студентов, администрации, сотрудников). Но каждому участнику также присущ свой набор нравственных норм и ценностей. И ценности вуза, и ценности индивида могут как совпадать, так и не совпадать. Для учебного заведения важным является приобщение молодых людей к той системе ценностей и норм, которая сложилась и существует в нем. И чем больше студентов и преподавателей будут поддерживать данную ценностную систему, тем более стабильной будет социокультурная среда данного учебного заведения [5, с. 123].

Вместе с тем, необходимо отметить, что современное образование развивается в русле общемировой тенденции информатизации общества. Очевидно, что эта тенденция затрагивает и содержание самой социокультурной среды в образовании. Информационное общество задает принципиально иные тенденции в развитии образования как социального института, в частности, в развитии его социокультурной среды.

Социокультурная среда формирующегося информационного общества в целом и образовательная среда, в частности, вступили в полосу глобальных трансформаций, в силу того, что история и логика развития техногенной цивилизации привели к кризису основополагающих ценностей современной культуры, что не могло не отразиться и на образовании как способе существования человека в ней [6, с. 11–17]. Мы живем в переходное время, когда одна стадия развития культуры сменяет другую, когда образование сталкивается с новыми, вне- и надписьменными, формами своего осуществления, а письменное образование перестает быть единственным способом социализации и бытия человека в культуре. Проявления глобального кризиса письменного образования находят отражение в антиномичности образов мира и человека, где эмоциональное довлеет над рациональным; ситуативное – над логическим, последовательным; наглядно-образное – над умозрительным; виртуальное – над реальным; символическое – над понятийным; невербальное – над вербальным; множественность – над единством; эклектичность – над системностью; неопределенность – над определенностью; полисемантность – над однозначностью; кажимость – над обоснованностью; явление – над сущностью; поведенческое подражание – над интеллектуально осмысленным поведением; прагматизм – над моральностью; антинаучное – над научным и т.д. и т.п. Эти и другие метаморфозы современной культуры приводят к тому, что существующая система образования начинает «пробуксовывать» в выполнении роли атрибута бытия человека в «переломное» время культуры. Молодое поколение, вкусившее через компьютерную грамотность ценности массовой культуры, все чаще проявляет потребительское отношение к процессу образования, демонстрируя при этом не столько нежелание, сколько неумение учиться в школе вербально-рациональной системы письменного образования. Уже видимые сегодня деформации образования можно интерпретировать как своего рода симптоматику того, что кончается одна всемирная эпоха в истории культуры и образования и начинается другая. В системе образования следует ждать очень серьезных, качественных изменений.

Таким образом, современные социокультурные тенденции в сфере образования отличаются противоречивостью, отражающей потребность в образовании, обеспечивающем прогрессивное развитие общества. Процесс образования выходит за границы формального института образования и охватывает другие сферы жизни индивида. Социокультурная среда вуза призвана помочь молодому человеку войти в новое общество, освоить его ценности и нормы и успешно действовать в данной среде. Формирующееся информационное общество способствует созданию новой социокультурной среды, в том числе, и новой среды учебного заведения, которая, в свою очередь, предъявляет соответствующие требования к индивиду, ставя перед ним новые задачи по формированию ценностного сознания. Новые условия существования исключают возмож-

ность использовать готовые решения, которые могут появиться только в процессе творческой деятельности, и поэтому среда вуза не может выступить транслятором ранее существующих знаний, умений и навыков. Среда вуза модернизируется, перестраивается вся ее структура, наполняются новым содержанием все ее элементы. Включение в содержание социокультурной среды вуза фактора относительности и неопределенности знаний подготавливает человека к пониманию необходимости преодоления постоянно возникающих трудностей, выбору и принятию более верных решений. Социокультурная среда учебного заведения тесно связана с теми процессами, которые происходят в обществе, поэтому в систему ценностей и норм, на которой базируется данная среда, входят ценности и нормы, сложившиеся в современном обществе, и они, следовательно, оказывают влияние на формирование студенческой молодежи, обуславливают становление её системы ценностей. Национальной системе образования важно быть готовой к тому, чтобы преодолеть возможные негативные последствия глобальных сдвигов, характеризующих современное образование в условиях движения к обществу знаний.

Литература

1. Ненахова Е.Н. Теоретико-методологические подходы к формированию социокультурного пространства образовательного учреждения // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2010. №128. – с. 173–180. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoretiko-metodologicheskie-podhody-k-formirovaniyu-sotsiokulturnogo-prostranstva-obrazovatel'nogo-uchrezhdeniya> (дата обращения: 19.11.2018).
2. Тарасов С.В. Образовательная среда: понятие, структура, типология // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина. 2011. №3. – с. 133–138 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovatel'naya-sreda-ponyatie-struktura-tipologiya> (дата обращения: 19.11.2018).
3. Мосина А.В. Характеристика социокультурной среды ВУЗа [Электронный ресурс]. – URL: http://yspu.org/trn_level_edu/6/soc_sreda/
4. Филатова М.Н. Конструирование социокультурной среды вуза в условиях компетентного подхода к образованию [Электронный ресурс]. – URL: <http://discollection.ru/>
5. Рудакова О.В. Формирование ценностно-ментальных установок российского студенчества в современных условиях // Российская наука и образование сегодня: проблемы и перспективы. – 2015. – № 2 (5). – С. 122–130.
6. Кулик, С.П. Образование и его судьбы в глобализирующемся мире / С.П. Кулик, В.С. Сайганова // Глобализация, регионализация, приграничье : [коллективная монография] / редкол. М. А. Слемнев (гл. ред.) и др. – Витебск : ВГУ, 2018. – 384 с.

МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ

Н.Е. Мусина
г. Витебск, ВГМУ, Nadya_evga@mail.ru

Цель статьи – проанализировать влияние современных тенденций на процесс социализации молодежи, ее социокультурную идентификацию.

Ключевые слова: молодежь, социализация, идентичность, поликультурная среда, глобализация.

Процесс социализации – по определению сложный, многогранный и противоречивый процесс, связанный с включением человека в общество. Для молодежи данный

процесс предполагает адаптацию, самоопределение, осознание своего места и роли в социокультурном пространстве. Для нынешних молодых поколений это происходит в условиях происходящих стремительных и неоднозначных социально-экономических, политических и культурных перемен как локального, так и глобального характера. Изменения происходят во всех сферах, в том числе в социальной организации, культуре, понимании и восприятии происходящего. Проблемы социализации молодежи – в конечном итоге – это проблемы не столько самой молодежи, сколько общества в целом, поскольку – и это очевидно для всех – молодежь является важнейшим ресурсом, потенциалом общества и государства. Более того, молодежную проблематику по значимости можно поставить в ряд мировых глобальных проблем, по крайней мере, так считает известный российский исследователь И.М. Ильинский [1].

Сложившиеся ранее в рамках социологии и психологии научные концепции, теории (З. Фрейд, Э. Фромм, Э. Эриксон, А. Маслоу, Ж. Пиаже и др.) акцентировали внимание на различных аспектах социализации личности, во многом объясняли механизмы самого этого процесса, но не исчерпывали знаний о нем. Проявившиеся в обществе в последние десятилетия тенденции потребовали новых исследований, подходов в осмыслении происходящего, его влияния на социализацию молодежи (В. Ядов, В. Чупров, В. Луков и др.). Их общая направленность – в многофакторности при объяснении механизмов социализации и изучение более широкого круга взаимодействий личности в поликультурной среде.

Одной из возрастных задач молодежи является выбор, самоопределение нравственное, духовное, профессиональное. В решении этих «традиционных» задач юное поколение (как впрочем и старшее, и общество в целом) сталкивается со столь стремительными изменениями, что они не успевают быть в должной мере и своевременно осмысленными. Современный мир, по мнению Гидденса, вышел из под контроля, «ускользает из рук». Привычные механизмы идентификации, традиционные институты социализации видоизменяются, прежние культурные ценности, идеологические положения утрачивают свою актуальность и привлекательность. На смену прежним устойчивым идентификациям (с религией, полом, сословием, родом, этносом и пр.) приходят новые, менее устойчивые, часто противоречивые, размытые, дающие простор для экспериментирования (гражданско-политические, геополитические, цивилизационные, субкультурные, сетевые и пр.). Тем самым состояние социальной неопределенности усиливается. Нынешний спектр, набор идентичностей не исключает их конфликтности как на внутриличностном (смена социокультурной среды мигрантами, например), так и на межгрупповом, межличностном уровнях (этнонационализм, по религии, полу и пр.). Культивируемые демократические ценности, толерантность не устраняют существования негативных стереотипов в массовом сознании, деления на «своих» и «чужих» по различным признакам. Низкий уровень национально-государственной идентичности может компенсироваться этнической, региональной и другими формами локальной самоидентификации, проявляющимися, например, в сепаратизме, этнонационализме. Кризис идентичности, современные противоречия в процессе ее формирования актуализируют религиозный фактор, но часто в деформированных формах (религиозный фундаментализм, экстремизм).

Нынешнее поколение молодежи – как прямое порождение изменяющихся социальных норм, в совокупности образующих явление постмодерна, – американский исследователь М. Тейлор назвал «поколением Next» [2]. Оно характеризуется следующими чертами: потребительским отношением к жизни, ориентацией на развлечения, стремление к удовлетворению личных потребностей, приспособляемостью и прагматизмом, высокой самооценкой и уверенностью в собственной уникальности, цинизмом,

скептицизмом, недоверием к авторитетам, недостатком воспитанности, равнодушным отношением к учебе, инфантилизмом, отказом от собственной активности, принятием этнокультурного разнообразия, искусственностью в технике и т.д. Само понятие «поколениеNext» М. Тейлор использовал при анализе поколения молодых студентов XXI века. Оно является довольно обобщенным, на что он сам обращает внимание. Приводимые характеристики отражают проявление некоторых *типичных* личностных и социальных особенностей, выступают как *тенденция*, причем, выходящая за пределы конкретного общества (американского, европейского, например, и т.п.). Заметно их проявление у молодежи и в нашем обществе. Как видно, приведенный набор черт, типичных для представителей нынешнего молодого поколения, является далеко неоднозначным. Многие качества – продукт негативных последствий глобализации.

Глобализация как одна из тенденций, происходящих в современном мире имеет как положительные, так и отрицательные проявления и последствия. Бесспорно, однако то, что на фоне некоторой унификации и стандартизации отдельных сфер общественной жизни, культурных образцов, потребительских предпочтений в целом происходит усложнение социальных процессов, а положение личности в обществе становится еще более неопределенным. Все это накладывает отпечаток на процесс социализации молодежи, поскольку состояние общей неопределенности и противоречивости существующих социальных норм сопровождается ростом воздействия стихийных факторов на формирование ценностных ориентаций, мировоззренческих установок, поведенческих моделей молодого человека [3, с. 48].

Для молодежи современного белорусского общества процесс социокультурного самоопределения осложняется рядом факторов, обусловленных исторически и геополитически. В их числе – пограничье, влияние различных культур, прерывистость исторического пути развития, культурных традиций, вхождение белорусских земель в различные государственные образования, территориальные переделы и т.д. Это все то, что неоднозначно влияло на формирование национально-культурной идентификации белорусского народа в прошлом, объясняет трудности и поиск собственной идентичности белорусского народа в качестве нации-го-сударства в настоящем. В то же время все это не ограничивает *выбор* идентичности в многообразном культурном пространстве индивидуальном уровне.

Итак, современный мир динамичен, изменчив, мультикультурен.. Происходит как взаимопроникновение ценностей и норм, так и повсеместное ослабление моральных норм, общепризнанных ценностей. То, что создает устойчивость и определенность в процессе социокультурной идентификации молодого человека, разрушается, приобретает характер неопределенности, создает кризис идентичности (-ей). Под влиянием глобализации изменяется современный мир, это затрагивает социокультурные процессы всех обществ. Глобализация – и благо, и вызов для современного общества. В связи с этим, проблемы социализации подрастающих поколений выходят на уровень универсальных проблем, не ограниченных рамками отдельных национальных государств (обществ). Одна из ключевых проблем в этом ряду – проблема социокультурного характера, связанная с определением системы ценностей, норм и эффективным функционированием основных социализирующих институтов. Речь идет о механизмах направленной социализации, не исключающей выбор как таковой.

В условиях стремительно меняющегося мира эффективно задействованные механизмы социализации должны обеспечить молодому поколению готовность и умение жить в новых условиях. А дальнейший прогресс самого общества во многом зависит от идентичности(-стей) и осознания молодыми людьми своих интересов в контексте соци-

альных процессов и развития общества в целом, оттого, какие нравственные качества, знания, идеалы и ценности воспримет молодое поколение.

Литература

1. Ильинский, И.М. Молодежь в контексте глобальных процессов развития мирового сообщества [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ilinskiy.ru/publications/stat/mol-glob.php>. Дата доступа: 9.10.2018.
2. Тейлор, М. Поколение Next: студент эпохи постмодерна // Отечественные записки. – 2006. – № 3. – С. 212-229 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://freeref.ru/wievjob.php?id=597609>. – Дата доступа: 3.01. 2016.
3. Мусина, Н.Е. Поколение НЭП и поколение NEXТ: условия и механизмы социализации / Н.Е. Мусина // Современная молодежь и общество. Сб-к науч. статей. Выпуск 4. Молодежь в мире глобализации и межкультурной коммуникации. – 2016. С.

СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ОРГАНИЗАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ

К.П. Нейман

г. Могилёв, МГУ имени А.А.Кулешова, neiman_kristina@mail.ru

Цель статьи – проанализировать содержание термина «социальная норма» и зарубежные, российские классификации социальных норм в организации.

Ключевые слова: норма, правило, ожидания, стандарты, организация.

Основным элементом механизма социального контроля в организации, определяющим стандарты поведения и ожидания его участников, рычагом управления является «социальная норма». Данное определение имеет много дефиниций, выделим наиболее часто употребляемые. Классик мировой социологической мысли Т. Парсонс утверждает, что норма – это интегрирующий элемент социальной организации, исполняющий регулирование социальных отношений и процессов, не выходящих за область ведения организации и берущий начало в правовой системе, т.е. обладающий юридической обоснованностью [6, с. 512]. Доктор философских наук Курбатов В.И, отмечает, что норма – это выдвинутые обществом правила поведения, по которым судят о стандартных, признаваемых социальных связях и отношениях, преобладающих среди членов той или иной социальной группы и нарушение которых влечёт применение санкций [8, с.90]. Профессор Кравченко А.И. указывает на то, что под названным термином следует понимать типовые общепринятые требования, стандарты, ожидания и пожелания определённого вида поведения, которые максимально приближены к идеальным конструктам, устанавливающим меру дозволенности для членов общества [4, с.279]. Кандидат социологических наук Козырев Г.И. под социальной нормой подразумевает одобряемые социумом и имеющие легальное закрепление правила, стандарты, образцы, регламентирующие поведения людей [3, с.10].

По мнению Кравченко А.И., социальная норма предполагает определенные обязанности одних по отношению к другим, например, в организации – это необходимость подчинённого отчитываться о проделанной работе; а также ожидание какого-то типа поведения, например, от начальника предприятия, ждут распоряжений, координации работы подчинённых. Социальная норма также может выступать в роли охранника ценностей, тем самым гармонизируя развитие организации [4, с. 281-282]. Поскольку нормы тесно переплетаются с правилами поведения, то необходимо остановиться на том, что такое правило. Правило – это конгломерат нормативных состояний, заданных системами

порядка, занимающих более высшую позицию, нежели объект [9, с. 120]. Правило поведения, по мнению американского социолога И.Гофмана, – это справедливое и пригодное для каких-либо условий руководство к действию, сковывающие персону двумя оковами в виде желательных или избегаемых обязанностей, устанавливающих ограничение на те или иные способы действия и ожиданий, вкрапленных в моральные запреты других [2, с. 144-145]. Правила видоизменяют действие или бездействие членов социальной системы в послание и если происходит их нарушение, то ответственность, может быть возложена или на того, кто наделён обязанностью и должен бы соблюдать правила или на того, кто ожидал, что к нему будут относиться другим образом [2, с. 146].

Между тем они и киты, на которых стоит порядок жизнедеятельности системы, организации, так как они располагают 4 значимыми чертами: 1. долговечностью (временным измерением существования правил), 2.распространённостью (областью проникновения правил и контроля в подсистемы общества, в структуры организации, характеризующейся прямой связью с объёмом власти у направляющих внутренних органов системы), 3. сбалансированной жёсткостью контроля, без чего может быть перевес в одну из крайностей: или к отрицанию, обходу правил, или к образованию правил, замораживающих действие контроля (мягкий контроль), 4. взаимосвязанностью купы правил [9, с. 121-121].

Правила бывают как симметричные, т.е. предполагающие, что схожие обязательства одного приводят к появлению схожего ожидания по отношению к другому, и асимметричными [2, с. 147]. Правила бывают содержательными, т.е. руководящими поведением в определенных сегментах взаимодействия, имеющих значимость по факту своего существования; церемониальными, управляющими поведением в сферах мало-значимых или не значимых вообще, благодаря им личность демонстрирует свой характер и собственное отношение к другим (например, оно проявляется, когда личность уступает кому-то место в автобусе) [2, с. 148]. Вариация норм многообразна, можно указать на некоторые их классификации. Английский социолог Э. Гидденс выделяет два типа норм: нормы, усвоенных в процессе социализации и мало осознаваемые в применении их в повседневной жизни; нормы, следование которым осмысливается и считается естественным и правильным [1, с. 93]. Доктор социологических наук Фролов С.С. выводит нормы из комбинации правил. Надинституциональные нормы – непредсказуемые внешние правила, не принимаемые руководством организации, нацеленным на избавление от них, в связи с тем, что они влекут угрозу для внутреннего порядка. Межинституциональные – правила, учитывающие неопределённость воздействия разно векторных социальных систем на организацию.

Институциональные нормы – правила, укрепляемые наличием иерархии статусов и ролей, выработанные в границах одного института, в процессе действия социальных практик и под влиянием успешного опыта членов группы в ходе следования им. Нормой они становятся из-за рациональности и своего предназначения (возникновения социального порядка), также в результате единовременного слияния одновременности и односторонности действий частей социального института, ориентированных на достижения цели. Внеинституциональные нормы – неформальные правила, появляющиеся стихийно в ходе межличностной коммуникации между персонами, не склонными к соблюдению официальных правил [9, с.123-127].

Российские ученые Мальцев Г.В и Козырев Г.И. в качестве доминантных выделяют общеобязательные для юридических и физических лиц правовые нормы, правила поведения и предписания, прописанные в законодательных актах, исполнение которых контролируется государством и сочетается с возможностью применения легализованного насилия, за несоблюдение которых налагается прописанный для конкретных ситуаций вид наказания. Моральные нормы – это неформальные правила поведения, обра-

зованные из представлений о добродетели и пороке в определенном типе социуме, вредном и полезном, нормальном и девиантном и др., но не обладающие юридической силой [5, с. 140; 8, с. 10]. Исследователи Осипова М. А., Чупрова В.И. используют понятия «формальные» и «неформальные» нормы, имея ввиду административные и моральные нормы [7, с. 96].

Мальцев Г.И. указал и другие виды норм: религиозные, находящие отражение в религиозных текстах и закреплённые за каждым видом вероисповедания, более характерны для неформальных организаций; обычай – осознанное, необходимое правило поведения, устоявшееся в социальной системе в следствие исторической трансляции или неоднократного применения для оценки действий, социальных отношений. Обычай нераздельно идёт с традицией – формой поведения, признаваемой из-за силы влияния того или иного примера [5, с. 139-140].

Нормы политики, в сферу деятельности которых попадают отношения по поводу получения, узурпации и применения политической власти, диктующие условия допуска народа к контролю над государственной властью, поддерживающие «механизм сдержек и противовесов», устанавливающие избирательный ценз и др., с правовой точки зрения они могут быть выражены в таких письменных формах как декларация, политическое соглашение, договоренность между представителями разных стран и т.п. [5, с. 141]. Корпоративные нормы – нормы, воздвигаемые основателями в организациях и иных элементах общества, для отражения их своеобразия, описывающие порядок создания или ликвидации организации, объединений или предприятий, дарующие права, обязанности, ответственность и регулирующие систему взаимоотношений между членами. Их материальной формой являются инструкции, указы, распоряжения и др., прописывающие карательные меры за их отступление; нормы этикета [5, с. 142].

Кравченко А.И. дробит нормы на два блока: в 1-ый блок относит нормы малых групп, во 2-ой – нормы больших социальных групп, общества (законы, нравы, традиции). Ранжирование норм, по А.И.Кравченко, происходит в порядке возрастания строгости за соблюдение их выполнения. Минимальными точками отсчёта являются обычай, манеры, контроль соблюдения которых меньше, чем для других и за них не предполагается существенного наказания, точки максимального полюса – юридические законы, табу, нарушение которых сопряжено с самыми жесткими методами наказания, между двумя полюсами находятся этикет, традиции, групповые привычки, нравы [4, с. 279 – 280].

Американский социолог Смелзер Н. ввел несколько характеристик для деления социальных норм: 1. в зависимости от того, кто контролирует соблюдение – государственные и групповые; 2. степени определённости – определённые, т.е. устанавливающие однозначное поведение, неопределённые нормы, т.е. позволяющие выбирать (например, сотрудник праздничного агентства может прийти на рабочее место, как в джинсах, так и в брюках) [7, с. 269]; 3. степени важности и значимости – самые значимые нормы-правила, т.е. главные механизмы, регулирующие жизнь общества, запрещающие перечень конкретных видов поведения и фиксирующие чёткое суровое наказание за их совершение (например, за «чёрную бухгалтерию» предприятия наказывается штрафом), менее значимые – нормы-ожидания, т.е. те, которые не вызывают порой никакой реакции за пренебрежение ими или же принимают облик осуждения [7, с. 270].

В конце можно отметить, что в социальной системе существует большое количество норм, что вызвано дифференциацией сфер, которые нормы регулируют.

Литература

1. Гидденс, Э. Конформность и девиантное поведение / Социология // Э. Гидденс; при участии К. Бердсолл. – 2-е изд. полн. перераб. и доп. – М.: Едиториал УРСС, 2005. – Гл. 5. – С. 92 – 118

2. Гофман, И. Природа почтительности и пристойного поведения/ Общая социология. Хрестоматия //И.Гофман /Сост. А. Г. Здравомыслов, Н. И. Лапин; Пер. В.Г. Кузьминов ; Под общ.ред.Н. И. Лапина – М.: Высшая школа, 2006. – С. 141-163.
3. Козырев, Г.И. Социальное действие, взаимодействие, поведение и социальный контроль / Г.И. Козырев // СоцИс. – 2005. –№ 8. – С. 3-17.
4. Кравченко А.И., Тюрина И.О. Социальный контроль / Социология управления: фундаментальный курс: учеб.пособие //А.И. Кравченко, И.О. Тюрина. – Москва: Академический Проект, 2008. – Гл.9. – С.279-290.
5. Мальцев, Г.В. Право и государство / Правоведение: учебник // Г.В. Мальцев. – 3-е изд. полн. перераб. и доп. – М.: РАГС, 2003. – Гл. 6. – С. 137-151.
6. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения / Американская социологическая мысль: тексты / Перевод с английского: Н. Л. Полякова. – М. Изд-во МУБиУ, 1996. – С. 494-513.
7. Смелзер, Н. Девиация и социальный контроль / Социология: пер. с англ. Ядов В.А // Н.Смелзер. – М.: Феникс, 1994. – Гл. 7. – С.237-296.
8. Терещенко, Ю.А. Специфика функционирования нормативно-санкционного механизма социального контроля /Ю.А.Терещенко // Вестник Томского государственного университета. – 2012. – № 6(121). – С. 90-94.
9. Фролов, С.С Возникновение и развитие правил в практике управления социальными системами / С.С. Фролов // СоцИс. – 2015. –№3. – С.120-127.
10. Чупров В.И., Осипова М.А. Социальные институты в механизме управления / Социология управления. Теоретические основы: учебник // В.И. Чупров, М.А. Осипова. – М: РУДН, 2011. – С. 89-102.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ ЕКАТЕРИНЫ II (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII ВЕКА)

Н.В. Никитина

г. Смоленск, Смоленский государственный университет, N-030168@yandex.ru

Статья посвящена исследованию малоизученного периода в истории городов российско-белорусского приграничья – последней трети XVIII века. Автор анализирует социокультурную ситуацию в них в связи с реформами Екатерины II.

Ключевые слова: города российско-белорусского приграничья, Екатерина II, социокультурная среда

Социокультурная среда провинциального города российско-белорусского приграничья последней трети XVIII века является малоизученной проблемой как в российском масштабе, так и на региональном уровне. Традиционно в исследовательское поле социокультурной истории включаются вопросы, не связанные с производственной деятельностью человека. К социокультурной среде провинциального города исследователи относят городское благоустройство, деятельность учреждений сферы образования, культуры (библиотеки, театры, выставки, музеи и др.), здравоохранения и социального призрения. В небольшом исследовании мы не сможем всесторонне осветить все стороны социокультурного пространства Смоленска заявленного периода, поэтому остановимся на архитектурной городской среде, сфере образования и медицины.

Источники нашего исследования весьма немногочисленны.. Основной их массив составляет сосредоточенная в Государственном архиве Смоленской области (ГАСО) делопроизводственная документация, отложенная в фондах Смоленского приказа об-

шественного призрения (ф. 54), канцелярии Духовщинского предводителя дворянства (ф. 502), Дирекции народных училищ Смоленской губернии (ф. 45), Рославльского городского магистрата (ф. 28) а также Смоленской духовной консистории (ф. 48). Автор изучил неопубликованные документы, отложившиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) в фондах 1287 и 1293.

Смоленск в последней трети XVIII века – губернский центр, а с декабря 1775 года – центр наместничества. В 1777 году в городе числилось 2310 купцов и мещан (в Вязьме, например, 3531 купец и мещанин), но население города было значительно больше за счет крестьян и солдат, расквартированных в городе полков, а также представителей привилегированных сословий – дворянства и духовенства [1, л. 12.]. Известно, что в 1776 году в городе проживало немногим более 11, 5 тысяч человек, а на рубеже XVIII – XIX вв. – 88 купеческих семей и 2145 мещан. В конце XVIII века промышленность губернского центра была представлена 27 кожевенными, 4 солодовенными, 4 свечными и 3 кирпичными заводами [2, с. 27]. Другие города российско-белорусского приграничья (Рославль, Красный, Поречье) были значительно меньше губернского центра по количеству населения (от 1 до 3, 5 тысяч человек) и по числу купечества и мещанства, проживавшего в них. Например, в Красном числилось всего 3 купца, принадлежащих к III гильдии.

В последней трети XVIII в. центральная власть стала проявлять заботу о внешнем облике провинциальных городов. Своих профессиональных кадров архитекторов в провинции не было, что и заставляло власти отправлять для строительно-архитектурных работ в губернские города столичных архитекторов. Первым профессионалом, приехавшим в Смоленск, был архитектор Фельтон, который разработал проект путевого дворца для Смоленска в 1764 г. Активную роль в создание городской среды Смоленска сыграл губернатор В.В.Фермор, который одновременно до 1768 года руководил и застройкой Твери. Вероятно, по его инициативе из Твери в Смоленск были откомандированы в 1766 г. архитекторы Н.Мещерский, Е.Иванов, П.И.Обухов.

Первым губернским архитектором в Смоленском наместничестве был Федор Федорович Бауэр, который занимал эту должность в 1783 – 1794 гг. Известно, что с 1 ноября 1784 г. до весны 1787 г. он проживал в центре Смоленска и владел «устроенным казенным коштом... каменным домом» [3, л. 93]. В мае 1787 г. «оной дом со сделанными им деревянными пристройками продал он Бауэр ...госпоже надворной советнице Волженской» (Л.Д. Волженский – председатель смоленского губернского магистрата и верхнего земского суда) [3, л. 207.].

Именно Ф. Бауэр построил в Смоленске 17 двухэтажных казенных каменных зданий вокруг центральной площади Блонье, а также выполнял частные заказы смоленских обывателей и возвел на центральных улицах города (Молоховской, Вознесенской и др.) несколько десятков каменных домов. Большинство из построенных в 1780-1790-е гг. им казенные здания на Блонье были сожжены и разграблены во время военных действий в 1812 г.

В феврале 1787 г. по приказу генерал-губернатора Н.В.Репнина при участии губернского предводителя дворянства Храповицкого смоленскому шляхетству было предложено прислать родовые гербы, т.к. было решено «в зале дворянского собрания в назначенных местах поставить гербы..., которые губернский архитектор господин Бауэр взялся нарисовать на подготовленных им нарочно для того дощечках и нанял от себя живописцев для расписывания приличными красками, которые уже теперь почти всем все изготовлены и стоит ему каждый герб пять рублей» [5, л. 57.]. Таким образом, установлено, что Дом дворянского собрания был построен к февралю 1787 г. и располагался в центре Смоленске около Блонье.

Судьба Ф.Ф. Бауэра после 1794 г. пока остается неизвестной. Вероятно, новым губернским архитектором был назначен Михайла Никифорович Слепнев. Выходец из ме-

шан, он родился в Твери в 1761 г., до 1788 г. оставался в родном городе, изучал архитектурное дело в мастерской губернского архитектора Ф. Шпенгеля. Первые известные сведения о нем, как об архитекторе в Смоленске относятся к 1797 г. [4, л. 367 об.]. Более 20 лет Слепнев возглавлял архитектурный штат в Смоленске (до 2 сентября 1821 года).

Оба архитектора много сделали для переустройства архитектурного облика Смоленска и малых городов российско-белорусского приграничья, построив каменные казенные здания и обывательские дома.

Начальный период складывания системы учреждений здравоохранения в городах российско-белорусского приграничья связан с деятельностью губернатора Т.П.Текутьева в 1760-е годы. По его инициативе учреждены должности лекарей в Смоленском и Дорогобужском уездах, открыта аптека в Вязьме. Однако целостная системы учреждений общественного призрения, в т. ч. и здравоохранения стала создаваться в результате реализации губернской реформы Екатерины II.

В 1775 году был создан Смоленский приказ общественного призрения, на который возлагались заботы не только о школах, тюрьмах, но и об учреждениях медицинского профиля. Предполагалось так же создать, в основном на общественные пожертвования, больницы для городского населения. По «Генеральному именному списку Смоленского наместничества высшим и нижним чинам, находящимся в разных присутственных местах» (1776 г.), в городах в штате должностных лиц значился доктор, лекарь, подлекари и лекарские ученики. Компетенции медиков были достаточно обширны. Они должны были заниматься оспопрививанием младенцев, составлять медикотопографические ведомости, выдавать свидетельства о смерти, освидетельствование рекрутов о годности к службе и потерпевших в земском суде. Основной их обязанностью было лечения больных крестьян и горожан, а также нижних воинских чинов расквартированных в городах армейских полков.

Сведения о становлении учреждений здравоохранения в данный период весьма фрагментарны. Вероятно, одним из первых городских врачей в Смоленске в 1779 – 1792 гг. был штаб-лекарь Ф. И. Крейцер [4, л. 237.], который ранее практиковал в Рославле [6, л. 12 об.]. В 1788 году в городе практиковал лекарь Грунт, а в 1790-е гг. штаб-лекарь Василия Ивановича Лекс [4, л. 308 об.], который умер в 1802 г. в смоленском «гошпитале» в период эпидемии [12, л. 81 об.]. В 1803 году должность врача в Смоленске занимал штаб-лекарь И.К. Франк [4, л. 380]. В этот же период в городе действовала казенная аптека во главе с аптекарем М.М. Хиге [4, л. 372 об.].

Можно предположить, что городские больницы в городах российско-белорусского приграничья, финансируемые из средства приказа общественного призрения, возникает на рубеже 1770-1780-х гг. По санитарным соображениям здания больниц строили обычно на окраине города. Не стал исключением и губернский центр. Больница на 24 койки в Смоленске находилась на южной окраине города, за Молоховскими воротами, вдоль Рославльского большака. Здание больницы было деревянным на каменном фундаменте, было сожжено в период Отечественной войны 1812 года. В остальных городах больницы были рассчитаны на 10-12 коек, они строились в конце XVIII века.

Проблемы, стоявшие перед врачами в этот период, совершенно созвучны с современными трудностями в данной сфере: отсутствие финансирования, недостаток хорошо оборудованных помещений, медикаментов, инструментов и медицинского инвентаря. Врачи боролись с суевериями, неквалифицированным лечением, знахарством. Помещения больниц были рассчитаны на небольшое число больных, обычно были переполнены. Смертность населения, особенно, в периоды эпидемий была высокой (до 10-15%).

До конца XVIII в. в российских провинциальных городах не было профессиональных акушеров и гинекологов. Роды проходили при участии традиционных повитух, и только с конца XVIII века – профессиональных акушеров и врачей-акушеров, ко-

торые работали с учетом зарубежной практики. После 1797 г. в составе членов Смоленской врачебной управы появилась должность акушера, которую занял профессиональный врач Метике, а повивальная бабка в Смоленске (А. Ф. Филиппова) начала работу в городе только в первые годы XIX века [4, л. 402]. В других городах российско-белорусского приграничья профессиональная акушерская помощь появилась только после Отечественной войны 1812 года.

На Приказы общественного призрения было возложена задача создания сети бессловных учебных заведения – народных училищ. Реализовывать эти положения в провинции стали не ранее 1778 – 1779 гг. Такая задержка связана, главным образом с отсутствием четко продуманных источников финансирования и точных инструкций об открытии «народных» школ. В целом, первый этап школьной реформы не был удачным. Число «народных школ», возникших в 1778 – 1782 гг. было незначительным. В советской исторической литературе упоминалось, что их было создано 8 во всех губерниях Российской империи [7, с. 453]. Однако только в Смоленской губернии таких школ было 5.

По сообщению историка Иоасафа Шупинского народные (градские) школы были созданы в Смоленске (в Заднепровской части) и четырех уездных городах – Вязьме, Рославле, Белом, Дорогобуже в 1779 г. [8, с. 19]. Однако документы Смоленского приказа общественного призрения позволяют воссоздать несколько иную картину. Согласно им народные градские школы были открыты только 1 мая 1785 г. в Смоленске, Белом, Духовщине, Вязьме, а в Поречье – 3 марта 1786 г. В них преподавали приходские священники [9].

Второй этап реформы просвещения был связан с созданием сети народных училищ во всех городах России. Открытие Главного народного училища в Смоленске произошло 22 сентября 1786 г., церемония открытия была необычайно торжественной. На ней присутствовали генерал-губернатор Н.В.Репнин, епископ Смоленский и Дорогобужский Парфений, правитель Смоленского наместничества П.Ю.Храповицкий, члены Приказа общественного призрения и видные представители дворянства и купечества. Ученики для смоленского народного училища «силой власти», т.е. по приказу Н.В.Репнина, были переведены из упраздненного Заднепровского городского училища. Оно разместилось «в прежнем наместнического правления доме, который по силе Всемилостивейшего пожалован от Ея Императорского Величества сему приказу» [9], в одном из лучших каменных зданий города, на углу Вознесенской и Молоховской улиц, построенном в XVII в. Во время вхождения Смоленска в состав Речи Посполитой в здании находилась городская ратуша, позже – приказная изба, при Петре I – провинциальная воеводская канцелярия, затем Наместническое правление и Казенная палата, в больших подвалах размещались в разное время помещения для пыток, содержания арестованных, хранилась денежная казна. Первоначально здание было одноэтажным. Однако в 1795 г. по инициативе Директора народных училищ Смоленской губернии П.А.Пенского в связи с расширением количества учеников к зданию был «...надстроен второй этаж, без всякой перемены расположения в первом» [10, л. 16].

После торжественного открытия состоялась добровольная подписка сбора средств на улучшение содержания училища. Всего было собрано 7941 рубль, из них 1000 рублей выделил поручик С.М. Нахимов [11, с. 52 – 53]. В марте 1787 г. артиллерии майор И.И. Барышников внес на содержание Главного народного училища в Смоленске 3000 рублей, такую же сумму он предоставил на содержание училища 25 октября 1787 г. [9].

Первым Директором народных училищ Смоленской губернии и одновременно Главного народного училища был назначен секунд-майор П. Мицкой (1786 – 1788), а учителями в нем стали выпускники Санкт-Петербургской учительской семинарии – Н. Ефремов, И. Смирягин, С. Попов и Ф. Нечаев. На момент образования в главном училище было 48 учеников, но уже к концу 1786 г. – 180, в том числе и девочки, в 1787 г. – 315 человек. В конце XVIII в. в Смоленской губернии должность Директора народных

училищ занимали секунд-майор Дементий Алексеевцев (1788 – 1791, поручик Демьян Станиславский (1791 – 1792), секунд-майор Тимофей Повало-Швейковский (1792), надворный советник Пенский (1792 – 1798) [13].

Еще одним начинанием в социокультурной сфере этого периода, связанные с реформами Екатерины II необходимо считать развитие книгопечатания в городах российско-белорусского приграничья. Конечно, первая типография могла появиться только в губернском центре, до 1850-х гг. она была единственной в Смоленской губернии. Известно, что еще в 1779-1785 гг. Иван Ярославцев, связанный с просветителем Н.И.Новиковым, держал в Смоленке здесь книжную лавку. Несомненно, особенностью социокультурной ситуации в Смоленске в конце XVIII века стало создание одной из первых в российско-белорусском приграничье типографии, основанной книгоиздателем Иваном Яковлевичем Сытиным (1765 – 1835). Имя этого деятеля культуры известно сегодня достаточно узкому кругу специалистов и любителей истории. Иван Яковлевич Сытин – карачевский купец – был владельцем типографий в Санкт-Петербурге, Смоленске и Орле в конце XVIII – первой трети XIX вв. Благодаря стараниям и таланту этого человека Смоленск в этот период занял ведущее место в российской провинции по уровню книжного дела и числу изданных книг. В 1795 г., под давлением цензурного гнета, карачевский купец после закрытия собственной петербургской типографии, переезжает в Смоленск. Поскольку иметь частную типографию уже было невозможно, Сытин становится содержанием типографии казенного учреждения – приказа общественного призрения, существовавшей к этому времени в Смоленске. В 1795 г. в этой типографии выходит первая книга, которая была помечена словами «Изданием Сытина», а позднее на них стоят пометы «Типография общественного призрения» и «Типография губернского правления». Контроль за деятельностью типографии осуществлял приказ общественного призрения, т.к. в 1796 г., за несколько месяцев до своей смерти, Екатерина II, напуганная Великой французской революцией, издала указ о закрытии вольных типографий и введении столичной цензуры.

В история развития светского публичного театра в городах российско-белорусского приграничья в последней трети XVIII века представлены два из четырех типы театров, существовавших в это время в русской провинции как за счет частной, так и государственной инициативы. Во-первых, это т.н. «наместнические» театры, возникшие в конце правления Екатерины II по инициативе генерал-губернаторов некоторых регионов России. Во-вторых, любительские труппы в учебных заведениях, воинских частях, государственных учреждениях, собиравшиеся по собственной инициативе. К сожалению, архивные документы не содержат никаких сведений о гастролирующих в Смоленске профессиональных трупп вольнонаемных актеров. Первый тип театров – «наместнические» – возник в связи со стремлением Екатерины II укрепить свое влияние в среде провинциального дворянства. По своему характеру это были первые провинциальные светские публичные театры.

Создание общедоступного театра в Смоленске произошло раньше, чем в других российских губерниях, в том числе и городах российско-белорусского приграничья в 1780 г. по инициативе генерал-губернатора Н.В. Репнина. После гибели смоленского губернского архива во время пожара 1812 г., лаконичные упоминания об этом знаменательном для всей России событии мы находим в «Истории города Смоленска» и «Дневнике» первого смоленского историка Н.А. Мурзакевича, а также так называемых «Дневных записках» путешествия Екатерины II в 1780 г. в Могилев.

Нам неизвестны ни репертуар театра, ни состав его труппы, неясна его дальнейшая судьба. Однако можно сделать предположение, что первые губернские театры были любительскими или полупрофессиональными, в качестве актеров использовались энтузиасты из числа местного дворянства и чиновников – «благородными обоего пола

артистами». Зрителями в театре, вероятно, были представители привилегированных сословий (дворянство, чиновники, богатые горожане).

Ко второму типу театров можно отнести один из первых театров, существовавших в Смоленской губернии, организованный преподавателем пиитики Смоленской духовной семинарии Мануилом Базилевичем в 1750-е гг. и гарнизонный театр Смоленского полка князя Долгорукова (1780-е гг.).

В фондах РГИА нами найдены интересные документы, которые позволяют предположить, что театральные представления в Смоленске были постоянными, возможно, спектакли представляли гастролирующие постоянные труппы и любительские театральные коллективы. Несомненно одно: театральное помещение с оборудованной сценой и зрительскими местами в городе было создано в конце XVIII века. Театр располагался на 2 этаже каменного дома, принадлежащего Смоленскому приказу общественного призрения, которое стояло в центре города и одном из корпусов, построенных Ф.Ф. Бауэром около Блонье: «Каменный дом, всемилостивейше пожалованный, состоящий в линию с губернскими присутственными местами, отдаваемый под театр, без особой от приказа платы, где также помещаются присутственные места приказа» [12, л. 86]. Сохранился и план этого дома, составленный губернским архитектором М.Н. Слепневым, вероятно, в начале XIX века с подписью «Театр для зрителя и театральные принадлежности» [14, л. 4]. В 1811 г. возникла идея продать это здание, для того, чтобы на вырученные средства построить отдельное здание для богадельни (они находились при 12 церквях г. Смоленска), но Отечественная война 1812 года не позволила его реализовать, а в период военных действий здание сгорело и, первый постоянный театр Смоленска был утрачен.

Таким образом, в последней трети XVIII века по уровню развития культуры города российско-белорусского приграничья занимали одно из ведущих мест среди центров Российской империи. Свидетельством этого стали появившиеся здесь впервые в региональной истории некоторые виды культурно-просветительских учреждений: публичный общедоступный театр «наместнического» типа (1780), типография и книжная лавка при ней (1795). Однако в целом социокультурная ситуация в городах российско-белорусского приграничья в последней трети XVIII века представляется весьма типичной для провинциальных городов империи. Одна из главных тенденций этого периода в правительственной политике – унификация управления с полной определенностью проявилась и в социокультурной жизни горожан.

Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 18 – 49 – 670005

Литература

1. ГАСО. Ф. 502. Оп. 1 (1777). Д. 1.
2. Новейшее землеописание Российской империи, сочиненное Зябловским, Санкт-петербургского педагогического института экстраординарным профессором. Часть вторая. Санкт-Петербург: Типография И.Глазунова, 1807.
3. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1787). Д. 453.
4. ГАСО. Ф. 48. Оп. 5 (1816). Д. 352.
5. ГАСО. Ф. 502. Оп. 1 (1779). Д. 2.
6. ГАСО. Ф. 28. Оп. 1 (1779). Д. 745.
7. Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй половине XVIII века. М., 1956.
8. Шупинский И. Историческое и географическое описание города Смоленска // Край Смоленский. 1991. № 7 – 8.
9. ГАСО. Ф. 54. Оп. 1 (1787). Д. 453.

10. ГАСО. Ф. 45. Оп. 1 (1835). Д. 146.
11. Шперк Ф.Ф. Краткий исторический очерк народного образования в Смоленской губернии // Памятная книжка Смоленской губернии на 1900 год. Смоленск, 1899.
12. РГИА. Ф. 1287. Оп. 11 (1809). Д. 571.
13. ГАСО.Ф. 54. Оп. 1 (1791). Д. 462.
14. РГИА. Ф. 1293. Оп. 165. Д. 36. Л. 4.

АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА» И ЕЁ СИСТЕМНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ

А.Н. Никонов

г. Витебск, ВГМУ, nikonov-vitebsk@mail.ru

Цель статьи – изучить сущность понятия социокультурная среда и её системные элементы. В статье рассмотрена сущность понятия «социокультурная среда», а также проанализированы её структурные элементы. Изучены основные компоненты процесса социализации личности и показана их взаимосвязь. Сделан вывод о взаимонаправленном воздействии социокультурной среды и личности.

Ключевые слова: социокультурная среда, личность, социализация, уровень социокультурной среды.

Перед современными социальными науками стоит важная задача – изучить процесс становления и развития личности в условиях глобализирующегося мира. Текущая эпоха обострила проблему сохранения идентичности человека, его культуры и духовности в результате воздействия новых культурологических, социальных и технологических факторов, которые сопровождают процесс глобализации. Важную роль в процессе формирования личности человека выполняет социокультурная среда. Именно она формирует совокупность представлений человека об окружающем мире и своём месте в нём, влияет на морально-нравственные ориентиры и вырабатывает специфические модели поведения. Поэтому необходимо всесторонне изучить это понятие, его системные элементы и их взаимосвязь.

Понятие «социокультурная среда» в последние годы довольно часто используется учеными различных направлений науки и обнаруживает множество определений данного термина. Это связано с тем, что данное явление представлено в социально-гуманитарном знании в аспекте разных интерпретаций: философских, социологических, социально-психологических и др.

С одной стороны, социокультурная среда трактуется как совокупность культурных ценностей, норм и правил поведения, которые обеспечивают человеку нормальное взаимодействие с окружающим миром. С другой стороны, под социокультурной средой понимают конкретное социальное пространство индивида, через которое он осуществляет связь с окружающей действительностью. Иногда данное понятие сводят до информационно-коммуникативного компонента, который включает в себя художественные произведения и продукцию масс-медиа [1].

Наиболее распространенное на сегодняшний день толкование понятия «социокультурная среда» – это представление её в виде определённой системы «среда-личность», которая обусловлена внутренними связями и взаимопроникновением компонентов. Данный подход предполагает, что эта система является соединением двух основных элементов: социальной среды и культурной среды, которые формируют своеобразную «сверхсистему».

С точки зрения современной социологии социальная среда – это внешние условия в особой системе связей между людьми, которые определяют специфические общест-

венные отношения. Данные взаимодействия приводят к изменению и трансформации окружающей реальности. В структуре социальной среды выделяют два основных уровня. К макроуровню социальной среды относят совокупность многих факторов, в частности, экономические, правовые, идеологические, культурные, политически и др. Они влияют на человека непосредственно (через законы, социальную политику, ценности, нормы, средства массовой информации) и опосредовано (через малые группы, в состав которых включен индивид). Микроуровень социальной среды – это конкретные условия жизни личности (семья, соседи, друзья) и условия среды ближайшего окружения (улица, тип поселения, учебные или трудовой коллективы, общественные организации, формальные и неформальные объединения) [2].

Культурологический термин «среда» представляет собой комплекс культурных предпочтений населения, сосредоточенных в границах определенного физического пространства. Это устойчивая совокупность предметно-вещественных и личностных элементов, с которыми взаимодействует человек, и которые оказывают влияние на его деятельность по созданию и освоению духовных ценностей и благ [3].

Структурно культурная среда состоит из четырёх составляющих:

- 1) символической деятельности, основное предназначение которой – обучение людей нормам предпочитаемого общественного поведения;
- 2) нормативного социального поведения;
- 3) языка, с помощью которого осуществляется информационное обеспечение социальных взаимодействий;
- 4) нравов, с помощью которых осуществляется регуляция общественных взаимодействий [4].

В целом культурная среда представляет собой особое пространство социального поведения, которое формируется и функционирует в ходе обучения, практического применения различных ритуалов, информационного обеспечения и культурного регулирования поведения людей. Всё это облегчает межличностное взаимодействие в обществе, упрощает процесс межличностных взаимоотношений, поддерживает устоявшуюся иерархию ценностей и др. Культурная среда – это не статическое, а динамичное пространство, которое меняется одновременно с социальным сознанием общества.

Таким образом, социокультурная среда предстает в виде двух параллельных процессов: социализации и культурализации. Большую роль при этом играет личностный аспект этих процессов, который в себя включает три основных уровня:

- 1) мегасреда – современный социальный мир, определяющий духовную и социально-психологическую атмосферу эпохи;
- 2) макросреда – общество и страна, к которой принадлежит человек;
- 3) микросреда – это основные социальные группы, в которые включен индивид (семья, друзья, трудовой коллектив) [1].

Именно, специфичность различных уровней социокультурной среды во многом определяют формирование типовых и индивидуальных признаков личности человека.

В пределах социокультурной среды индивид взаимодействует с разного рода социокультурным материалом, который способствует развитию его личности. Это:

- 1) культурно-историческое наследие (или историческая среда обитания человека);

- 2) художественная среда обитания человека, обеспечивающая соответствующие формы его активности по освоению и развитию предметов и ценностей художественной культуры;

- 3) социально-психологическая среда обитания, которая включает в себя межличностные отношения, различные формы и способы совместной жизнедеятельности;

- 4) духовно-нравственная среда обитания, представленная в форме морали, ценностных ориентиров, норм, идеалов и смыслов;

5) политическая среда обитания, которая включает в себя характер и содержание политической жизни;

6) экологическая среда обитания, которая включает в себя как состояние природного окружения, так и ценностное самоопределение человека в природном мире [5].

Такое взаимодействие является двухсторонним. Не только социокультурная среда может влиять на индивида, но и сама она подвержена преобразованию. Оказывая решающее воздействие на развитие и формирование личности, среда в то же время изменяется, преобразуется под влиянием творческой активности человека.

Таким образом, социокультурная среда – это сложное и многомерное явление, которое необходимо рассматривать и изучать с разных сторон. Она является главным звеном в процессе становления и формирования личности. Однако социокультурная среда выступает не только в качестве внешнего фактора влияния на личность, но и сама подвергается влиянию и может быть спроектированной с определёнными целями.

Литература

1. Бальжинимаева Е. Социокультурная среда как фактор стабильности российского общества / Е. Бальжинимаева // Cyberleninka [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/v/sotsiokulturnaya-sreda-kak-faktor-stabilnosti-rossiyskogo-obschestva>. – Дата доступа: 11.11.2018.

2. Социальная среда // Национальная социологическая энциклопедия [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://voluntary.ru/termin/sreda-socialnaja.html>. – Дата доступа: 09.11.2018.

3. Социально-культурная среда, её сущность и содержание // Tvorchlitsey [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://tvorchlitsey.ru/nmd/seminary-etc/924-2014-02-18>. – Дата доступа: 10.11.2018.

4. Флиер А. Культурная среда и ее социальные черты / А. Флиер // Zpu-journal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zpu-journal.ru/e-zpu/2013/2/Flier_Cultural-Milieu. – Дата доступа: 11.11.2018.

5. Лавринова Н. Аналитика социокультурной ситуации (структура и проблемы проектирования) / Н. Лавринова // Аналитика культурологии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://analiculturolog.ru/journal/archive/item/230-article_42.html. – Дата доступа: 09.11.2018.

КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ

В.А. Одиноченко

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины, adzin28@gmail.com

Целью статьи является анализ процессов формирования культурного пространства современной Беларуси. Оно рассматривается как результат целенаправленной деятельности государства. При анализе культурного пространства используется концепция локальных цивилизаций.

Ключевые слова: культурное пространство, трансформация, деятельность, социальная реальность, современность, концепция локальных цивилизаций.

Актуальность проблемы формирования культурного пространства современной Беларуси обусловлена теми трансформационными процессами, которые происходят в стране. Схематично их можно обозначить как переход от БССР, находившейся в составе Советского Союза и являвшейся частью его политического, экономического, соци-

ального и культурного пространства, к независимому белорусскому государству. Формируется новая общественная и культурная реальность со своими временными и пространственными параметрами.

Можно выделить три основных аспекта обсуждаемой проблемы. Во-первых, должна быть осмыслена уместность и исследовательская значимость употребления понятия «культурное пространство». Во-вторых, сама постановка проблемы его формирования указывает на то, что культурное пространство является результатом человеческой деятельности. Такая трактовка также должна быть концептуализирована и показана ее практическая значимость. В-третьих, разрабатываемые в социально-гуманитарных исследованиях теоретические положения, раскрывающие характер культурного пространства, должны быть применены к объяснению ситуации в современной Беларуси.

Актуальность использования понятия «культурное пространство» обусловлено процессами возрастания интереса к национальным культурам в условиях развертывания процесса глобализации. В случае современной Беларуси это дополняется необходимостью формирования своего собственного пространства в его различных измерениях.

Исторический опыт XX века свидетельствует, что культурное пространство не является однородным, и этим обусловлено в частности то, что элементы одной культуры не могут быть бесп проблемно перенесены в другую культуру.

Поэтому как средство для описания современной культуры все чаще используется концепция локальных цивилизаций. Согласно ей, не существует единого культурного пространства, в границах которого развиваются все народы. Каждая национальная культура обладает своим пространством, которое и образует ту среду, в которой может нормально развиваться тот или иной народ. Концепция локальных цивилизаций разрабатывалась такими известными мыслителями как Н. Данилевский, О Шпенглер, А. Тойнби, Ф. Бродель, И. Валлерстайн, С. Хантингтон.

Белорусским исследователем В.Л. Абушенко было выделено несколько основных подходов к исследованию культуры в современном социально-гуманитарном знании: предметный, деятельностный, ценностный (аксиологический), технологический, символический, игровой, текстовой, коммуникативный, субъектный, организационно-диалоговый [1, с. 134-139]. Могут быть и иные типологии. Их разнообразие определяется сложностью и многомерностью самой культуры. Применение различных подходов позволяет выявить одно из ее измерений.

В настоящее время существует порядка пятисот определений культуры. В рамках нашего анализа мы будем рассматривать культуру как «совокупность материальных и духовных ценностей (обычаев, верований, традиций, идей, символов, произведений искусства, строений, машин и т.д.), создаваемых людьми в процессе физического и умственного труда для удовлетворения их разнообразных потребностей и передающихся из поколения в поколение» [2, с. 181].

Наиболее распространенными являются две трактовки пространства: субстанциональная и реляционная. В первой из них пространство рассматривается независимо от находящихся в нем объектов, согласно второй, оно ими формируется.

Использование реляционной трактовки пространства позволяет выявить его разнообразные виды. В настоящее время в качестве очевидной рассматривается трактовка пространства, выработанная в рамках классической физики. Однако помимо физического пространства выделяется также биологическое, социальное и культурное.

Деятельностная трактовка культуры позволяет объяснить процесс формирования культурного пространства. Схематично это объяснение может быть представлено следующим образом: человек по своей сути не является биологическим существом и не может непосредственно жить в природе, поэтому оно создает свою жизненную среду, в качестве которой может рассматриваться материальная культура. Таким образом, куль-

турное пространство является результатом человеческой деятельности по преобразованию своего природного окружения.

Приведенная схема рассматривает в качестве субъекта культурной деятельности отдельного человека. Несомненно, данная трактовка является абстракцией. Культура является системным образованием, не сводимым к совокупности своих элементов. Поэтому распад Советского Союза и образование на его месте пятнадцати независимых государств привел к переструктурированию культурного пространства. Культура БССР являлась частью системы советской культуры. В условиях независимой Беларуси формируется свое культурное пространство, обладающее системными свойствами.

С точки зрения структуры можно выделить горизонтальное и вертикальное измерение культурного пространства. Первое определяется совокупностью материальных объектов культуры, находящихся на определенной территории. А поскольку таких объектов с течением времени создается все больше, можно говорить о расширении культурного пространства. Вертикальное измерение культуры задается системой ценностей. При этом следует учитывать, во-первых, что при наличии ценностей, имеющих общечеловеческий характер, каждый народ обладает в аксиологическом плане своей спецификой. Поэтому в вертикальном измерении культурного пространства в наибольшей степени проявляется его неоднородность. Во-вторых, ценностная иерархия имеет исторический характер и с течением времени меняется. Это является основным фактором трансформации культурного пространства.

Следует четко различать модели культурного пространства. В рамках классической модели оно является трехмерным по аналогии с пространством классической физики. Национальное культурное пространство обладает определенными границами, отделяющими его от культурных пространств соседних народов. Тогда «национальное культурное пространство может измеряться историческими параметрами формирования и этапов развития нации как государственно-гражданского образования. Следовательно, относительно различимыми становятся и его границы, то есть точки соприкосновений, взаимодействий с культурным пространством других наций, равно как и пространственно-исторические перспективы таких взаимодействий» [3, с. 67].

Более продуктивным мы считаем многомерную модель культурного пространства, когда можно выявить множество направлений его формирования. Относительно Беларуси следует учитывать, что в своем историческом развитии она прошла через несколько исторических этапов: Полоцкого и Туровского княжеств, Великого княжества Литовского, Речи Посполитой, Российской империи, БССР, независимого государства. Соответственно трансформировалось и ее культурное пространство. Мы можем рассматривать его различные исторические «слои». При этом на одних этапах истории у нас было общее культурное пространство с Польшей, на других – с Россией.

В настоящее время актуальным является вопрос о том, частью какого культурного пространства является Беларусь. Выделяются три основных ответа на него: белорусская культура является частью восточнославянской, она входит в пространство европейской культуры, она занимает промежуточное положение между европейской и русской. Эти трактовки предполагают различные пути развития нашей культуры.

Формирование пространства современной белорусской культуры определяется развитием Беларуси как независимого государства. Следует подчеркнуть, что оно имеет целенаправленный характер и является частью государственной политики в области культуры. В государственной программе «Культура Беларуси на 2016-2020 годы» названы следующие ее цели: «сохранение исторической памяти белорусского народа, его национально-культурной самобытности и традиций; активное вовлечение граждан Беларуси в культурную жизнь страны; реализация творческого потенциала нации; обеспечение качественного формирования, сохранности и использования документов На-

ционального архивного фонда Республики Беларусь как части информационного ресурса страны; содействие сохранению национально-культурной идентичности белорусской диаспоры» [4].

Литература

1. Абушенко, В. Л. Типологический подход к исследованию культуры в культур-социологии / В. Л. Абушенко // Социологический альманах. – 2012. – Вып. 3. – С. 124-140.
2. Дубянецкі, Э. С. http://elib.barsu.by/CGI/irbis64r_01/cgiirbis_64.exe?Z21ID=&I21DBN=EC&P21DBN=EC&S21STN=1&S21REF=5&S21FMT=fullwebr&C21COM=S&S21CNR=10&S21P01=0&S21P02=0&S21P03=M=&S21STR= Культуралогія: энцыклапедычны даведнік / Э. С. Дубянецкі. – Мінск : Беларуская Энцыклапедыя, 2003. – 384 с.
3. Сараф, М. Я. Измерение культурного пространства / М. Я. Сараф // Пространство и время. – 2013. – № 1. – С. 58-68.
4. Государственная программа «Культура Беларуси» на 2016–2020 годы / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.by/main.aspx?guid=12551&p0=C21600180&p1=1&p5=0>. – Дата доступа: 20.10.2018.

ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

*А.Б. Погребняк; О.В. Возжгурова
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Цель статьи – рассмотреть проблемы адаптации иностранных студентов в социокультурную среду Республики Беларусь и их влияние на процесс обучения.

Ключевые слова – иностранные студенты, адаптация, социокультурная среда, совместное проживание и раздельное обучение.

Привлечение иностранных студентов для обучения в вузах Республики Беларусь является одним из основных направлений интернационализации современного высшего образования в стране. Эта деятельность также способствует повышению имиджа высшей школы Республики Беларусь и является существенным источником финансирования экономики страны. Как отмечает ряд исследователей, «интернационализация сегодня – это существенный ресурс повышения конкурентноспособности и авторитета вуза как на национальном, так и на международном уровне» [1, с.7].

Расширение контингента иностранных студентов напрямую связано с необходимостью решения проблем адаптации иностранных студентов к новой социальной, учебной и культурной среде. Нельзя не учитывать, что каждый иностранный студент, прибывающий на учебу в вузы Республики Беларусь, является представителем определенного сообщества со своей историей, религией, ментальностью. Попадая в новую социокультурную среду, иностранный студент испытывает определенные трудности и стрессы и задача принимающего учебного заведения – минимизировать последствия процесса адаптации к новым социокультурным реалиям.

Круг высших учебных заведений, которые включаются в этот процесс, постоянно расширяется. На сегодняшний день в Республике Беларусь более 40 вузов осуществляют деятельность в этом направлении. Однако не у всех вузов есть достаточный опыт осуществления данного вида деятельности. Мониторинг этих процессов и обобщение опыта поможет избежать многих ошибок и совершенствовать работу по организации учебной и воспитательной составляющих обучения иностранных студентов.

Начиная с 2000 года Витебский государственный университет имени П.М. Машерова начал принимать на обучение иностранных студентов. Вначале это были отдельные студенты. В последние годы этот процесс стал принимать массовый характер. Если в 2013-2014 учебном году в университете на всех формах обучения занималось 654 иностранных граждан, то в 2015-2016 учебном году уже 715. На 1 ноября 2017 года в ВГУ имени П.М. Машерова обучалось 904 студента из 18 стран мира. Это студенты из Туркменистана, Китайской Народной Республики, Азербайджана, Литвы, Латвии, Эстонии, России, Украины, Ганы, Нигерии, Шри-Ланка и др. Основной контингент – это студенты из Туркменистана и Китая. Наибольшее число студентов-иностранцев обучалось на филологическом (401 человек) и на юридическом (161 человек) факультетах. С этого учебного года большая группа студентов – более 110 человек – начала обучение на биологическом факультете. С началом нового 2018-2019 учебного года изучение биологических дисциплин продолжает привлекать иностранных студентов. В результате в этом году биологический факультет занимает 2 место по числу иностранных студентов, оттеснив юридический факультет на 3 позицию. В целом на 15 ноября 2018 года в ВГУ имени П.М. Машерова обучается более 1000 иностранных студентов из 22 стран мира, что подтверждает тенденцию на расширение международного сотрудничества в этой сфере.

Накопленный опыт работы позволяет выделить наиболее важные и ответственные направления деятельности. В 2016 году исследователем Д.А. Канашевич-Адыгезаловой были проведены социологические исследования среди иностранных студентов Могилевского государственного учреждения высшего профессионального образования «Белорусско-Российский университет». Методом анкетного опроса были опрошены 108 иностранных студентов, преимущественно граждане Туркменистана, а также ряда стран Азии и Африки, обучающихся на дневном отделении. Большинство опрошенных иностранных студентов – юноши (80%), девушки составляют около 20%. Такое соотношение в общем соответствует статистике и в других вузах Республики Беларусь, где обучаются иностранные граждане. Это объясняется тем, что основной контингент иностранных студентов представлен гражданами Туркменистана, где традиционно женщины отстают от мужчин по уровню социальной активности.

Данные исследования показали, с какими трудностями и проблемами сталкиваются иностранные студенты в процессе адаптации в социокультурную среду страны обучения и проживания. Самым сложным по прибытию в страну обучения для почти половины респондентов оказалось отсутствие родных и близких (46%). Вторым негативным фактором является необходимость жить в студенческом общежитии (32%), далее по убывающей – обязанность говорить на русском языке (29%), другой климат (27%), привыкание к чужой социальной и культурной среде (23%). Анализ полученных данных подтверждает, что иностранные студенты, оказавшись в совершенно другой природно-климатической и социокультурной среде испытывают состояние, которое принято называть «культурным шоком», для которого характерно ощущение полной беспомощности, непонимание окружающих и неудачи [2].

Одной из основных проблем, с которой сталкивается каждый преподаватель, работающий с иностранными студентами – это недостаточное, а порой и очень слабое знание русского языка. Обучение иностранных студентов русскому языку предусматривает достижение такого уровня владения, который бы позволял усваивать изучаемый материал по профильным предметам. Прибывая на обучение в белорусский вуз, иностранный студент проходит тестирование по русскому языку, в процессе которого определяется его уровень владения им. Недостаточное знание русского языка влечет обязанность обучения на подготовительном отделении, где осуществляется не только языковая подготовка, но и изучение профильных предметов в рамках школьной программы. Кроме этого, согласно рекомендациям Министерства образования Республики Бе-

ларусь, вуз вправе вносить изменения в учебные планы обучения иностранных студентов с целью выделения дополнительных 780 часов в год для совершенствования языковой подготовки.

Дальнейшее совершенствование работы в этом направлении может быть связано как с разработкой новых методик преподавания русского языка, так и поиск дополнительных стимулов и усиление заинтересованности самих иностранных студентов в получении языковых практик. Несомненно, положительным фактором в процессе более глубокого изучения русского языка иностранными студентами является решение проблемы совместного проживания с русскоговорящими студентами. Постоянное нахождение студентов-иностранцев в своей культурно-языковой среде значительно снижает эффективность обучения русскому языку. Только постоянное общение на бытовом уровне может дать положительный эффект. А это достигается в результате совместного проживания в общежитии в одной комнате со студентами, говорящими на русском языке.

Второй проблемой, влияющей на качество обучения иностранных студентов, является организация их раздельного обучения. Уровень общей подготовки, языковой барьер требует особых, специфических методик изложения материала, постоянного контроля его усвоения. Поэтому решение о выделении иностранных студентов в отдельные учебные группы является обоснованным как с точки зрения методологии, так и методики обучения. Такое выделение позволяет более рационально и эффективно использовать учебное время, учитывая особенности подготовки иностранных студентов. В Витебском государственном университете имени П.М. Машерова такая практика осуществляется на всех факультетах, где количество студентов позволяет сформировать отдельные учебные группы. Следующим шагом по совершенствованию процесса обучения иностранных студентов и повышения качества подготовки должно стать формирование малых учебных групп. Практика формирования учебных групп в количестве 30 – 35 человек сводит на нет все усилия преподавателя по повышению качества обучения.

В этой связи вполне обоснованным является выделение иностранных студентов и в отдельные лекционные потоки. Увеличение учебной нагрузки при этом не столь значительно, учитывая сокращение в целом лекционных курсов, а учет особенностей усвоения лекционного материала иностранными студентами и применение особых методик даёт значительный эффект.

Выделение иностранных студентов в отдельные учебные группы и лекционные потоки будет стимулировать разработку методического обеспечения и совершенствование обучения этой категории студентов. В Витебском университете за последние годы издано 7 методических пособий для студентов-иностранцев, некоторые из них прошли повторное переиздание. Интернационализация учебных планов и программ для иностранных студентов, разработка и внедрение особых методик обучения будет способствовать формированию соответствующих компетенций.

Повышение качества обучения иностранных студентов, их профессиональных компетенций несет не только академическую значимость. Во все времена считалось, что международное образование является действенным инструментом осуществления внешней политики государства и установления сотрудничества и взаимопонимания с другими народами. Высшее образование считается своего рода дипломатической инвестицией во внешнеполитические и внешнеэкономические отношения [3, с.27]. Но это относится только к понятию качественного образования. Любые недочеты и недоработки в этой сфере могут привести к противоположному результату, что еще раз подчеркивает особую значимость этого направления работы.

Литература:

1. Рытов А.В. Интернационализация высшего образования Республики Беларусь: проблемы и перспективы // Высшая школа. – 2017. – №2.
2. Канашевич-Адыгезалова Д.А. Из опыта регионального учреждения высшего профессионального образования Беларуси по социальной адаптации иностранных студентов. [Электронный ресурс]. – Режим доступа : [www. fikio. Ru =?p =2280](http://www.fikio.Ru/?p=2280). – Дата доступа : 18.11.2018.
3. Сильванович В.И. Интернационализация систем профессионального образования как приоритет развития высшей школы: теория и методология // Высшая школа. – 2012. - № 1.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И РАЦИОНАЛИСТИЧЕСКИЙ ИСТОРИЗМ П. БУРДЬЕ

В.С. Сайганова

г. Минск, БГУ, veros23@yandex.ru

В статье рассматриваются основные идеи П. Бурдьё о рационалистическом историзме, как стратегии социального познания. Анализируется возможность применения критериев научности в социально-гуманитарном познании социокультурной среды. Показана значимость концептов «историзация» и «объективация» в преодолении исторического релятивизма социальных наук.

Ключевые слова: социокультурная среда, поле науки, социальные науки, историзм, объективация, релятивизм.

В последнее время в научной литературе значительно вырос интерес к категориям «социальная среда», «гуманитарная среда», «культурная среда», «социокультурная среда». Вводя эти понятия, ученые расходятся в их содержательном толковании и предлагают разные методологические подходы.

Многие современные исследователи, выявляя сущностные характеристики социокультурной среды, обращаются к методологическим основаниям своеобразной социальной теории П. Бурдьё. Согласно его теории, общество состоит из определенных «практик» как способов действий индивидов и коллективов. П. Бурдьё рассматривает практики как что-то среднее между простой реализацией культурных правил и результатом индивидуальных импровизаций. Такая практика является «стратегическим действием», благодаря которому в границах культурных убеждений, знаний и присущих человеку способов их реализации решаются жизненные проблемы, но при этом нарушаются правила. Люди действуют всегда в условиях неравновесия, а примеры поведения, которые им предлагаются, не всегда являются удачными и зачастую они полны противоречий. В практиках находит отражение присущий той или иной социальной группе «габитус» (*habitus*) – полуавтоматический, не до конца осознанный стиль поведения, который сформировался в результате прошлого жизненного опыта. Он закодирован в мышлении, а также в движениях тела, физических возможностях и привычках людей. Изменения в обществе не могут не коснуться и этого «габитуса», который особенно отличается сильной инерцией.

Люди действуют в границах разных институциональных полей (например, в сфере образования, науки, бизнеса и др.), которые различаются определенными культурными правилами, и поэтому существуют различные «габитусы». В каждом из этих полей люди стремятся достичь поставленной цели, при этом они используют свои капиталы: экономический, социальный, культурный. Своими действиями люди передают эти капиталы

от поколения к поколению, обеспечивают воссоздание неравенства, неравное распределение данных капиталов. Кроме этого эти капиталы «навязывают человеку» своеобразные ограничения, деформирующие параметры и способы познания им мира, что ведет к формированию соответствующих взглядов и убеждений, а это сдерживает, по мнению П. Бурдьё, развитие человека.

В то же время исследователь считает, что «габитус» не только детерминирует поведение личности и ограничивает действия, но и предоставляет определенную автономию. Ученый, таким образом, подчеркивал двойственный характер социокультурной детерминации относительно поведения индивида, благодаря чему он находится не только в состоянии подчиненного относительно условий социокультурной среды, но и активного субъекта, который способен изменять эти условия, проявляя самостоятельность и реализуя свой личностный потенциал. Независимо от этого «габитус» выступает важным фактором становления человека, его социального взаимодействия (развития социальных сетей).

Применительно к полю науки эти рассуждения П. Бурдьё нашли отражение в его идее о совмещении историзма и рационализма в попытке избежать сомнений в научности социальных наук и обвинений их в историческом релятивизме.

П. Бурдьё предлагает принцип радикального историзма, с помощью которого мыслится возможным эксплицировать методологические основания социальных наук, как наиболее подверженных опасностям релятивизма и абсолютизма, при этом, не разрушая их научной целостности. Радикальный пересмотр оснований рационального мышления, который может совершить историзм, выступает у П. Бурдьё не как угроза для социальных наук, а как универсальная возможность: «...социальные науки могут попробовать избежать исторического релятивизма, связанного с тем, что они суть продукт исторических существ, но при условии, что смогут подвергнуть историзации самих себя» [2, с.23]. То есть риск саморелятивизации социальных наук рассматривается как некая привилегия использовать собственные рациональные инструменты для защиты от собственных причин и следствий.

Впоследствии принцип радикального историзма П. Бурдьё именует «двойной историзацией», так как потребность интерпретировать одновременно исторически и в отрыве от истории в свою очередь диктует необходимость одновременной историзации и познающего субъекта и познаваемого объекта. Такое понимание историзма отсылает нас к теории полей П. Бурдьё. Если понимать поле как установленную, учрежденную автономную точку зрения, как порядок, несводимый к принципам и порядку другого поля [3], то поле социальных наук, где, по сути, совпадают субъект и объект исследования, должно сделать предметом исследования само себя. Осуществив, таким образом, объективацию субъекта объективации, то есть двойную объективацию. Например, постигая социальный феномен, необходимо объективировать позицию познающего субъекта и по-новому расположить познаваемый объект в том поле, в котором этот субъект произвел свой продукт.

Объективация субъекта объективации возможна, по мнению П. Бурдьё, как рефлексивность, которая понимается не просто как обращение познающего субъекта к самому себе, а как некий ретроспективный анализ исследовательского опыта. Рефлексивность реализуется как «процесс объективации субъекта объективации, применяющий инструменты познания, предлагаемые дисциплиной, чтобы лучше познать того, кто ее практикует, и улучшить его способность действовать в этой дисциплине» [1, с.9]. Таким образом, социальные науки, овладев рефлексивным подходом, при котором одновременно можно быть и субъектом и объектом объективации, связав, тем самым, само исследование со случайностями конкретной истории, могут претендовать на постепенное высвобождение от навязанных им социальных и исторических ограничений.

Очевидно, что двойная объективация сложно реализуема на практике, ибо исследователю необходимо анализировать не только предпосылки, интересы, схемы мышле-

ния и т.д., которые сформировались исторически и благодаря принадлежности к определенному полю, но и специфичность своей позиции в этом поле, то есть находиться в состоянии постоянной «эпистемологической бдительности».

В целом, рационалистический историзм П. Бурдьё предстает как попытка преодоления релятивизма не только социальных наук, но и релятивизма в более широком контексте, с которым столкнулись современные трактовки научной рациональности и рациональности вообще.

Таким образом, особенностью современного этапа развития социально-гуманитарного знания является тенденция к осуществлению его теоретико-методологического синтеза, а также интеграция различных дисциплин в изучении социальных и культурных феноменов. Во втором десятилетии XXI века обсуждение статуса социальных наук продолжает находиться в фокусе научного интереса и общественных дискуссий, постепенно перемещаясь из области специализированного знания, через философию науки и социальную эпистемологию в политику, образование, искусство и другие сферы социальной реальности. В то же время вопрос о критериях научности общественнознания, который так широко обсуждался в конце XX столетия, сделав социальные науки предметом методологического сомнения, продолжает оставаться актуальным. Идея П. Бурдьё о совмещении историзма и рационализма в попытке избежать сомнений в научности социальных наук и обвинений их в историческом релятивизме является одним из вариантов проблематизации и решения данного вопроса.

Литература

1. Бурдьё П. Введение в социологию социальных наук / П. Бурдьё // Журнал социологии и социальной антропологии. – 2004. – №5. С. 8-11.
2. Бурдьё П. За рационалистический историзм / П. Бурдьё // Альманах российско-французского центра социологических исследований Института социологии РАН. – М.: Институт экспериментальной социологии, 1996. – С. 9-29.
3. Бурдьё П. Поле науки / П. Бурдьё [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://bourdieu.name/content/burde-pole-nauki#_ftn1 – Дата доступа: 17.08.2018.

ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ

С.Г. Смоляк

г. Витебск, ВГАВМ, SSmoljak@tut.by

Целью исследования является раскрытие сущности социокультурной среды как *результата и условия жизнедеятельности личности. Цель конкретизируется в задаче – выявлении механизма взаимодействия личности и социокультурной среды.*

Ключевые слова: социальное; общество; социокультурная среда; ценность, процессуальность.

Исследование темы, вынесенной в название статьи, мы начнем с аксиомы: человек является биосоциальным существом и потому в процессе своей жизнедеятельности он взаимодействует одновременно и с природной средой, обычно фиксируемой понятием «географическая среда», и социокультурной средой, под которой понимается совокупность условий жизнедеятельности индивида, порожденных самим человеком в результате его производственной деятельности. При этом следует иметь в виду и тот факт, что природа входит элементом в социальную среду, однако в преобразованном человеческой деятельностью виде – средствах производства, предметах быта.

Социокультурная среда представляет собою сложную систему, основополагающими элементами которой выступают собственно социальная среда и среда культуры. Именно эти два элемента жизненного пространства человека определяют его сущность и существование как вида *Homo sapiens*, являются тем жизнеутверждающим пространством, в котором он формируется как личность. В содержательном аспекте каждая из составляющих синтеза несет в себе специфические структуры воздействия на человека. В частности, социальная среда в широком смысле представляет собою абстракцию, данную нам для обозначения объективной и субъективной реальности со специфическим конкретно-историческим наполнением. Во-первых, она представляет собою совокупность форм коммуникации субъектов. Во-вторых, её содержание составляют и те связи и отношения, которые личность образует в процессе своей экономической, политической и иной деятельности. В-третьих, в содержание социальной среды входят легитимация власти в единстве с оправданием самих социальных институтов легитимации и производных их деятельности. В-четвертых, компонентом социальной среды является и образ жизни субъектов деятельности. Вся эта социальная реальность существует, но носит характер и статус надприродной реальности (и которую в последующем, для более адекватного ее понимания в тематическом аспекте статьи, мы будем употреблять в значении содержания категории «общество»). Ибо само «социальное» есть не что иное как объективно существующее, но лишенное предметности как данности в наших ощущениях. Как писал по этому поводу классик социологии Э. Дюркгейм, социальное есть «система знаков, которыми... — пользуются для выражения своих... мыслей... — Например, —... денежная система, употребляемая ... для уплаты долгов, орудия кредита... и т.д. — все это функционирует независимо от того употребления, которое я из них делаю. ... — Следовательно, — эти способы мышления, деятельности и чувствования обладают тем примечательным свойством, что существуют вне индивидуальных сознаний» [1, с. 30]. Таким образом, социальное как объективное, появляется в результате совместной деятельности людей, направленной на позитивные её результаты во имя субъектов деятельности [2, с. 12]. Понятие же «культурная среда» обозначает артефакты результатов материальной и духовной деятельности личности в единстве с самой этой деятельностью (культура производства, культура труда), осуществляемой в контексте общепринятых в данной социальной системе правил и принципов. Учитывая, что человек производит только то, что ему необходимо и ценно, то культурную среду можно определить как совокупность материальных и духовных ценностей, произведенных человеком в процессе своей жизнедеятельности. В пространство культурной среды следует отнести и язык как средство коммуникации между субъектами, которые входят в отношения в процессе деятельности по производству материальных и духовных символических форм, их презентации, сохранения историко-культурных памятников, трансляции духовных ценностей, удовлетворяющих потребности субъектов.

В контексте определения сущности и фундаментальных черт структуры социокультурной среды её можно рассматривать смысложизненным пространством человека [3, с.10], а самого человека в совокупности его атрибутивных свойств, имманентно присутствующих в смысловом содержании понятий «человек» и «личность», как существа социокультурного. В частности, в контексте биологической составляющей структуры человек, как «тело природы», вступает во взаимодействие с жизненным пространством с целью удовлетворения своих витальных потребностей. Но процесс их удовлетворения носит социальный характер. Ибо его жизненное пространство в первую очередь предполагает общество, так как человек изначально включен в общество как систему людей. То есть, он включен в социальное как совокупность надприродного, частью которого являются нормы и правила удовлетворения личностью своих биологических потребностей.

Как целостное социальное, характеризующееся креативностью и целеполагающей деятельностью, волей, человек символизируется в категории «личность». Данная категория, во-первых, раскрывает механизм становления человека разумного в процесс его социализации, одновременно подчеркивая тот факт, что личностью не рождаются, а становятся. Во-вторых, сущностное содержание понятия «личность» указывает нам на то, что процесс социализации задается самим социальным. Ведь человек, рождаясь, попадает в определенную социальную и культурную среду, заполненную повседневной реальностью и повседневным взаимодействием. Это его мир в целостности и систематизированности, определенности и заданности теми составляющими социального и культурного пространства, которые он получает в дар от предшествующих эпох, поколений. Это своеобразный архетип, с помощью которого человеческое в человеке начинает материализовываться и воплощаться в формирующейся личности.

Но что является источником воплощения человека в вид *Homo sapiens*, в личность? Представляется, этот процесс неразрывно связан с удовлетворением постоянно растущих и сущностно изменяющихся, расширяющихся в объеме потребностей человека и его стремлением к обладанию ценностями. Понятие «ценность» обозначает свойство объекта, которое принимает форму значимости, полезности для человека. Однако это свойство не порождено самим объектом, а является результатом его создания человеком. Это своеобразный технoproект, в котором свойство данного объекта проецируется для использования в другой системе координат. Но в этом аспекте ценность, в ее категориально-сущностной ипостаси, является источником смыслов. Отраженная в сознании и переживаниях человека как предельно значимая для него, она превращается в главный регулятор поведения, становится смыслом его жизни. В свою очередь по содержательным характеристикам смыслы жизни людей разные. У одних они обусловлены общечеловеческими ценностями, у других локализуются ценностными ориентирами определенной социальной группы или личностными интересами, потребностями, представлениями о цели жизни. В этом аспекте для части людей смыслом жизни может стать служение Отечеству во имя его процветания и процветания личности, а для других – «безудержное накопление капитала, делание карьеры любой ценой...» – и в этой связи пренебрежительное отношение к окружающим в единстве с – ...завоеванием(ем) дешевой популярности» или, как крайний случай, уход в направлении асоциальной или антисоциальной деятельности [4, с. 57].

Устремленная на достижение поставленных целей, мотивированных ценностными ориентирами, личность преобразует окружающую социально-культурную среду, изменяя тем самым и себя как объекта этой среды, и субъекта как носителя познавательно-преобразовательной деятельности. При этом личность не только достигает поставленной цели, но удовлетворяет и конкретную потребность. А вместе с её удовлетворением, она приводит в неравновесное состояние себя как подсистему социокультурной среды. Следовательно, характеризующаяся креативностью и постоянным стремлением к снятию бинарности «равновесность – неравновесность» системы, личность постоянно воспроизводит эту бинарность. Парадокс в том, что в соответствии с законом возрастания потребностей, этот процесс удовлетворения и формирования новых потребностей представляет не что иное как бесконечность. А значит удовлетворение любой потребности человека автоматически приводит как к снятию неравновесности, так и порождению нового неравновесного состояния системы. При этом в данном процессе единым и целым, но вечно изменяющимся, остается бинарность личности с ее постоянно растущими потребностями, и социокультурной среды. Именно в синтезе целостности и постоянной изменчивости проявляется процессуальность. Именно в данном контексте следует рассматривать и источник абсолютной активности человека, а социокультурную среду рассматривать условием и результатом жизнедеятельности человека.

Социокультурная среда имеет многоуровневую, иерархично выстроенную систему. Поэтому на каждом из уровней взаимодействие личности и социокультурной среды носит особенный характер. В этой связи, с целью выяснения вышеочерченной специфики взаимодействия, целесообразно классифицировать уровни социокультурной среды: – по степени воздействия на личность, по характеру взаимодействия личности и социокультурной среды (непосредственное – опосредованное), по степени устойчивости социокультурной среды и др. Однако на всех этих уровнях будет тождественной направленность на ценностные ориентиры человеческой деятельности. Тождественной постольку, поскольку разработкой этих ориентиров занимаются социальные институты государства (социальные институты образования, семьи, здравоохранения, др.) как устойчивые формы организации совместной деятельности людей, направленной именно на удовлетворение социально-культурных потребностей человека. Исходя из вышеизложенной трактовки классификации социокультурной среды, можно выделить следующие её уровни: микро– мезо– макро– пограничная– региональная– мега– и социокультурная среда Эйкумены. Непосредственной социокультурной средой человека, с которой начинается процесс его социализации, является микро-социокультурная среда. По мере усложнения процесса социализации, расширения пространства взаимодействия личности и социокультурной среды, изменяется характер сохранения социокультурной средой статуса одновременного условия и результата жизнедеятельности личности. При этом, вместе с углубляющейся опосредованностью взаимодействия личности с социокультурной средой особую роль приобретает язык не только как элемент культуры, но и как артефакт, выступающий «домом» бытия человека [5, с. 192], домом, в котором может быть постигнута истина социокультурной среды как условия и результата жизнедеятельности человека.

Литература

1. Дюркгейм, Э. Социология. Ее предмет, метод, предназначение : пер. с фр. / Э. Дюркгейм ; сост., послесл. и примеч. А. Б. Гофман. – М.: Канон, 1995. – 352 с.
2. Шавель, С. А. Социальное как понятие теоретической социологии / С. А. Шавель // Социология. – 2015. – № 4. – С. 3–13.
3. Белохвостова, С. В. Ценностно-смысловая регуляция духовно-нравственного саморазвития субъекта образования / С. В. Белохвостова // Психологія. – 2005. – № 4. – С. 6–13.
4. Бодалев, А. А. О смысле жизни человека, его акме и взаимосвязи между ними / А. А. Бодалев // Мир психологии. – 2002. – № 2. – С. 54–58.
5. Хайдеггер, М. Письмо о гуманизме / М. Хайдеггер // Время и бытие : ст. и выступления : пер. с нем. – М.: Республика, 1993. – С. 192–221.

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕЦЕНТРИСТСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

Н.У. Тиханович, С.П. Кулик
г. Витебск, ВГМУ, spkulik2013@yandex.ru

Цель работы – анализ состояния современной культуры, изменения подходов к человеку и его здоровью в медицине и тенденций трансформации ценностного ядра социокультурной среды личности.

Ключевые слова: культура, ценности, антропологический кризис, здоровье, социокультурная среда.

Тенденции развития современной цивилизации вырисовывают опасные перспективы для человечества и дают не мало оснований для их пессимистической оценки.

Еще в середине XX века немецкий мыслитель К. Ясперс отмечал: «Уже Гегель видел закат европейского мира... Своей кульминации сознание кризиса достигло у Кьеркегора и Ницше. ...После первой мировой войны речь шла уже не только о закате Европы, но и о закате всех культур» [1, с.241]. Сегодня человечество пришло к более-менее ясному осознанию кризиса экономического, экологического, нравственного, антропологического. Современное человечество, овладев естественными законами бытия, получив возможность в гигантских масштабах использовать ресурсы природы, настолько отстало в морально-нравственном отношении, что стало просто неадекватно этим приобретенным возможностям. Ортега-и-Гассет писал, что крах терпит сам человек, уже неспособный поспевать за своей цивилизацией.

Культура как система включает в себя идейно-смысловое ядро, обеспечивающее ее целостность, которое представляет собой систему коллективно разделяемых смыслов, ценностей, традиций, норм и образцов поведения, выполняющих функцию социальной ориентации в конкретном обществе. Человек не может нормально существовать, если культура не дает ему путеводной нити широкого мировоззренческого характера. Все великие культуры мира несли в себе момент защиты, гармонизации отношений человека с миром и с самим собой. Они формировали множественную систему связей человека и мира, охватывающую его со всех сторон, создающую у него ощущение тотальной защищенности и такой же тотальной вписанности, включенности в мир. Это помогало ему преодолеть чувство тревожности, чувство страха и одиночества. Современная культура во многом утратила эту свою составляющую.

Характеризуя антропологический кризис, следует отметить, что его проявление и углубление связано с целым рядом социокультурных факторов и превалирующих ориентаций современного общества. Он имеет множество проявлений и тенденций. Прежде всего, это опасность изменения генофонда человечества вследствие воздействия мутагенных факторов (загрязнение окружающей среды, радиация), появление все новых видов болезнетворных микробов и вирусов. Во-вторых, это все возрастающее давление на человека стрессовых нагрузок, которые ведут к росту не только сердечно-сосудистых, онкологических, но и психических заболеваний. Например, депрессия выходит на одно из первых мест среди наиболее распространенных болезней к концу XX – нач. XXI веков. В-третьих, это стремление к переконструированию биологической природы человека, которое обозначилось в русле достижений генетики и разработки новых биотехнологий [2, с. 352-353].

Все это имеет далеко идущие последствия и вынуждает человека расширить границы понимания многих сторон своего существования.

И не потому, что ранее они не замечались, не проявляли себя. До поры до времени человек исходил из их естественности и не видел особой необходимости в специальном к ним внимании, до тех пор, пока они не стали неотъемлемой частью социокультурной среды личности.

Одной из таких фундаментальных характеристик человека, которая на протяжении многих веков воспринималась как должная, является здоровье. Сегодня здоровье человека как научная и практическая, социальная и личностная проблема входит в число тех вопросов, которые принято называть глобальными.

Здоровье – это неотъемлемая компонента в целостном представлении о человеке, без которой понимание и объяснение человека были бы неполными. Речь идет именно о здоровье, а не о болезненных состояниях и патологиях, которые, конечно, невозможно оставить в стороне, когда речь заходит о здоровье. А именно так мыслилось понятие «здоровье» всю предшествующую историю и являлось предметом традиционной медицины. И только несколько десятилетий назад здоровье само по себе становится объектом познания.

В понимании природы болезни, механизмов заболевания, в уточнении понятий нормы и патологии достигнуто немало как в общетеоретическом плане, так и в частных случаях. В тоже время назрела необходимость переосмысления прежних подходов и понима-

ния феномена здоровья. Это предполагает не только методологический анализ в сфере различных наук, занимающихся здоровьем человека, но и социокультурный – суть которого в отношении людей к собственному здоровью, в государственной политике, связанной с укреплением и охраной здоровья, в многогранной работе, направленной на формирование здорового образа жизни, «моды на здоровье» и т.п., которые в своей совокупности формируют соответствующую «здоровьесцентристскую» социокультурную среду.

Сложность проблемы состоит в том, что возникает необходимость обращения как к естественнонаучным принципам, так и к социальным сторонам и условиям развития человеческой жизни, а это придает ей ярко выраженную философскую окраску, выявляет ее мировоззренческую значимость, невозможность обойтись без опыта накопленного социально-гуманитарным знанием.

Проблема человека и его здоровья всегда была и остается актуальной в философии, поскольку выражает острый интерес людей к осознанию жизненных условий и факторов, необходимых для полноценной жизни, для создания нормального физического и духовного самочувствия.

Философия никогда не пренебрегала осмыслением единства тела и души, материальной сферы и духовной атмосферы в обществе. Современная философия опирается на триадичную модель человека: человек – это продукт природы (космоса), общества (культуры) и самого себя как личности. Исходя из этого, источником и гарантом здоровья человека являются природа, общество и сам человек.

Философский подход к человеку, у которого наряду с природными данными присутствуют и субъективно-творческие потенции, позволяет лучше понять и оценить именно человеческий феномен здоровья. Для понимания и оценки здоровья человека недостаточно естественнонаучных знаний. Необходимы социально-гуманитарные знания, которые не только дополняют естественнонаучное видение здоровья человека, но еще и нацеливают на социальный и экзистенциальный поиск путей самосовершенствования личности и способов формирования соответствующей социокультурной среды.

Литература

1. Ясперс, Карл. Смысл и назначение истории / Карл Ясперс. – М., 1991.
2. Степин, В.С. Кризис современной цивилизации и проблема объединяющих ценностей / Национальная философия в глобальном мире: тезисы Первого белорусского философского конгресса / Национальная академия наук Беларуси, Институт философии; редкол.: В. Г. Гусаков (пред.) [и др.]. – Минск : Белорусская наука, 2017.

ИМИДЖ КАК КОММУНИКАТИВНО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

М. А. Чикиндин
г. Витебск, ВГАВМ, filos_vsavm@mail.ru

Цель исследования анализ процесса формирования политического имиджа, выявление его структуры, основных приемов имиджмейкинга.

Ключевые слова: имидж, моделирование, электорат, каналы воздействия.

В свое время О. Уайльд утверждал: «Личности, а не принципы двигают время». Однако наше время пошло еще дальше: время «двигают» даже не личности, а их имиджи, существующие в массовом сознании. Мы голосуем не за конкретных людей, а за имиджи, созданные в нашем сознании.

Изучая общественное мнение, можно сделать вывод, что избиратели в процессе принятия решений относительно электоральных предпочтений отдают предпочтение таким факторам как оценка личности кандидата, его способность выполнять возложенные на себя задачи, основываясь опять же на его личностных характеристиках и опыте прошлого. Политическая программа и партийная принадлежность играют не столь ощутимую роль. Специалист в области политической рекламы Дж. Нейполитен уверял: «Политические позиции кандидата не столь важны, как то впечатление, которое он производит». Основным понятием в процессе проведения предвыборной кампании является имидж. «Имидж – воображаемый образ человека, группы, организации, события, процесса или явления, создаваемый профессиональными имиджмейкерами в сознании аудитории» [1, с. 160]. Термин «имидж» впервые употребил политолог Г. Уоллес в работе «Человеческая природа в политике».

Имидж выступает как своеобразное «зазеркалье»: он является отражением образа, созданного профессиональными имиджмейкерами. Политический имидж – это не образ, а скорее исторический статус политика, который возвышает его над исторической ситуацией и выводит в разряд фигур исторического масштаба. В данном контексте понятие имидж во многом пересекается с понятием харизмы. Существует много разновидностей политического имиджа: «индивидуальный, групповой; позитивный, негативный; ложный, реальный; объективный, субъективный, идеальный, моделируемый» [2, с. 169]. Для нашего исследования наиболее актуальным представляется моделируемый имидж, так как он специально создается кандидатом и его командой и воздействует на электоральное поведение граждан.

«Политический имидж имеет следующие составляющие: целесообразность (в имидже не должно быть ничего лишнего), отражение потребностей общества в имидже, доверие к имиджу» [3, с. 111]. Политический имидж представляет собой специально формируемый образ в глазах различных социальных групп, который оказывает влияние на исторический статус политика и на поведение электората. На формирование имиджа политика основное влияние оказывают: культурная специфика, уровень образованности населения, политическая культура, экономическая ситуация. Стоит отметить, что в формировании политического имиджа не существует готового рецепта успеха: Любая, даже самая успешная предвыборная кампания, проведенная в чуть изменившихся условиях, может привести к фиаско. Это дает нам основание предположить, что при формировании политического имиджа большое значение имеет ситуативный фактор, который характеризуется тем, что политик должен постоянно совершенствоваться и знать основные потребности населения в каждый период времени, чтобы нужным образом на них среагировать и, если необходимо подкорректировать свою предвыборную программу. Тем не менее, для победы на выборах недостаточно создать свой привлекательный имидж. Учитывая элемент соперничества между конкурентами, очень важным становится создание негативного образа своего конкурента. Во время проведения предвыборной кампании необходимо выявить негативные стороны в образе своего конкурента и вовремя ими воспользоваться. Показать себя в лучшем свете и подчеркнуть недостатки остальных – это удачный психологический ход, могущий сыграть решающее значение. Но стоит отметить, что данный прием следует использовать очень осторожно, так как излишняя критика и агрессия может привести и к обратному результату, и кандидат не только может не получить голоса, которые он рассчитывал приобрести, проводя данную акцию, но и от него может отвернуться часть его сторонников. Необходимо постоянно придерживаться определенных рамок, которые помогут, как создать удачный положительный образ своего кандидата, так и выгодно, а главное достойно выделиться на фоне других. Очень важно произвести первоначальное положительное впечатление, которое во многом оказывает основное подсознательное влияние на избирателя. Если его первоначальное впечатле-

ние будет негативным, то он в следующий раз может просто не слушать выступление данного кандидата, а заняться более важными и интересными, с его точки зрения, делами. Избиратель должен связывать свои надежды именно с позитивным первоначальным образом, который в будущем будет подкрепляться. Существует множество тактических и стратегических методов формирования политического имиджа. Среди них стоит выделить: «вертикальный бумеранг», немедленный результат; виртуальный конкурент; псевдовыбор; поглощение близнецов; идеальный ультиматум; прохождение в паре; ложное упущение; поддержка слабого лидера у сильного конкурента; медвежья услуга; относительный проигрыш; зависимый лидер; раскрытие карт оппонента; оглашение стереотипа; столкновение интересов; плюс в минусе и другие.

В формировании политического имиджа участвуют следующие составляющие: биография, внешние данные, манера поведения и общения, моральные и деловые качества, политическая принадлежность. Биография, как правило, подается стандартно и мало чем отличается одна от другой, но иногда в ней можно акцентировать внимание избирателя на определенных фактах, которые сохраняются в подсознании избирателя и повлияют на его решение. Политическая принадлежность тоже отходит на второй план. Сейчас многие партии отстаивают схожие взгляды, и большинство избирателей даже не знают программы политических партий. Избиратель оценивает, прежде всего, личность политика, а не его партийную принадлежность. Исключением, подтверждающее правило, является, на мой взгляд, Англия. В этой стране большую роль играет политическая принадлежность, так как британскому обществу свойственен традиционализм, и многие голосуют за представителя определенной партии по традиции, а не из-за того, что им интересен данный политик. Внешние данные оказывают серьезное влияние на популяризацию кандидата. Внешний вид кандидата оказывает влияние и на выбор каналов информации: если внешний вид кандидата не располагает к симпатии, то лучше предпочесть радио или прессу. Моральные и деловые качества кандидата также имеют большое значение. Электорат скорее проголосует за человека, имеющего опыт руководства, нежели чем за простого рабочего или вовсе безработного, которые не смогли (как считается) устроить собственную жизнь и решить свои проблемы, соответственно, не смогут решить и проблемы других. Важно донести необходимую информацию о кандидате для электората. Эта информация должна показать, что кандидат – умный, добропорядочный, честный человек. Он должен быть представлен как компетентный специалист, обладающий необходимым опытом для управления. Все это побуждает избирателя отдать голос именно за этого кандидата, а не за его оппонента.

Политическую рекламу необходимо делать, исходя из желаний и надежд электората, а также оценивая уровень политической культуры. Политическая культура – это исторически сложившаяся в конкретном обществе совокупность позиций, ценностей, образцов поведения, затрагивающие отношения граждан и власти. Например, для Беларуси характерны: конформизм, неприятие насилия, терпение, толерантность. Большое значение также имеет возрастной состав электората: для молодежи характерен радикализм и стремление немедленно все изменить, старшее поколение тяготеет к традиционализму, консерватизму, стабильности. Опора на электорат определенного возраста оказывает влияние и на выбор каналов распространения информации. Для того, чтобы избирательная кампания была успешной, необходимо уделить внимание «отстраиванию» кандидата от конкурентов, акцентированию внимания на тех личностных характеристиках, которые выгодно отличают его от конкурентов. Любой претендент на политический пост должен опираться на определенные слои населения. Электорат, как правило, определяет из какой среды вышел кандидат, чем он живет, чьи интересы он будет отстаивать, исходя из его биографии, выступлений, политической программы. Опираясь на одни слои населения, кандидат не должен забывать и о других. Поэтому нельзя выдвигать узкоспециализированные лозунги,

выгодные лишь определенной прослойке общества. Формирование политической рекламы позволяет перетянуть на свою сторону «колеблющихся» избирателей, которые еще не определились со своими политическими предпочтениями. «Сочувствующие» избиратели только укрепляются в своем выборе благодаря проведению политической рекламы. Рекламная идея должна подкрепляться политическим слоганом и символикой. Они дают возможность дифференцировать кандидата и стоящие за ним силы. Можно использовать и идею контраста между кандидатом и его оппонентами. Например, «Пока другие говорят, мы уже делаем», «Я отличаюсь от других кандидатов тем, что я свои обещания выполняю». Хорошо, если в слоган органично вольется фамилия кандидата, что будет способствовать его популяризации. Можно сокращать слоганы и до аббревиатур, что способствует их лучшему запоминанию.

Большое значение имеет выбор канала воздействия на избирателей. Например, радио позволяет донести политическую программу кандидата, телевидение направлено, прежде всего, на визуальное восприятие. Телевидение является важнейшим средством манипуляции массовым сознанием. Телевидение, в отличие от других СМИ, создает «эффект присутствия». Но стоит отметить, что одно и то же событие может быть показано по-разному. Телекамера выхватывает не реальность, а только срез реальности. Рамкурс, который выхватывает камера, напрямую влияет на то, как информация воспринимается избирателем. Телевидение может среднюю личность поднять на пьедестал, а привлекательность неординарной личности резко понизить. Смена канала восприятия (при желании охвата максимального количества аудитории кандидату необходимо использовать как можно больше каналов информации, меняя их и периодически меняя время выступления). Очень важно подобрать информационный повод, для того чтобы кандидат как можно чаще мелькал перед избирателями. Информационным поводом может служить: предвыборное выступление, встреча с избирателями, участие в дебатах, презентация программы, присутствие на важных общественных мероприятиях. Участие в этих мероприятиях поднимает рейтинг кандидата. Большое значение имеет форма и способ организации встречи кандидата с избирателями. Здесь необходимо предусмотреть каждую мелочь: от общего построения текста выступления кандидата и отдельных предложений до выбора помещения и особенностей речи. Очень важно создать во время выступления чувство единения кандидата и аудитории. Аудитория должна почувствовать, что у нее общие цели и интересы с кандидатом, общие проблемы, решить которые они могут только вместе. Во время общения с аудиторией кандидату желательно занимать позицию не «критика» или «учителя», а «одного из аудитории», компетентного в своей области, видящего проблему и имеющего варианты решения основных общественных проблем.

Таким образом, основная цель политика получение власти. Повсеместно формируются и развиваются демократические институты, в том числе и институт всеобщих выборов. В результате деятельность политика определяется тем, как он воспринимается своим электоратом. Поэтому разработка политического имиджа и внедрение его в массовое сознание приобретает большое значение, так как именно имидж политика во многом определяет успехи и неудачи его политической карьеры. Имиджмейкеры говорят, что они не могут гарантировать победы кандидату, но без их помощи он, несомненно, проиграет.

Литература

1. Браун, Л. Имидж – путь к успеху / Л. Браун: СПб.: Питер, 2001. – 192 с.
2. Перельгина, Е. Б. Психология имиджа / Е. Б. Перельгина: М.: Аспект-Пресс, 2002. – 223 с.
3. Политическая имиджология (коллективная монография) // Под общ. научн. ред. Л. Г. Лаптева, Е. А. Петровой. – М.: РИЦ АИМ, 2006. – 276 с.

ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

В.В. Янч

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, yanchvv@gmail.com

Цель статьи – выявление проблем адаптации иностранных граждан к образовательной деятельности и поиск способов их решения.

Ключевые слова: глобализация, образование, поликультурное образование, адаптация, интеграция, образовательная услуга.

Сегодня мы наблюдаем, как процессы глобализации затрагивают все более широкие сферы социальных отношений. Если изначально глобализация заявила о себе в международных экономических отношениях, то сейчас она оказывает существенное воздействие на развитие права, науки, культуры, образования и других сфер. В «Социологической энциклопедии» глобализация понимается как «спонтанный, отчасти управляемый процесс все возрастающего действия различных факторов международного значения (экономические, политические связи, культурный и информационный обмен, международные организации, транснациональные корпорации) на социальную действительность в отдельных странах...» [1, с.65].

В современных условиях успешное развитие национальных государств и их союзов возможно лишь на основе последних достижений науки и техники, в силу чего знания становятся важнейшим инструментом достижения значимых экономических и социально-политических целей. Ввиду разного уровня социально-экономического развития национальных государств, многие из них неспособны самостоятельно, на основе собственных ресурсов, преодолеть технологическое отставание от более развитых государств с эффективной системой образования и подготовки научных кадров. Выходом из данной ситуации является направление граждан на обучение за рубеж на основе межгосударственных соглашений. Помимо этого, значительное количество молодых людей сегодня ищет возможность получить образование за рубежом для того, чтобы быть более успешным на рынке труда. Помимо этого, обучение за границей дает возможность получить новый социальный опыт, узнать новую культуру, завести знакомства, которые могут быть полезны в будущей профессиональной деятельности.

Республика Беларусь является привлекательной страной в сфере образования для иностранных граждан. Прежде всего, высокую репутацию на международном рынке образовательных услуг имеют высшие учебные заведения, осуществляющие подготовку медицинских кадров. Ведь еще во времена Советского Союза в них обучалось значительное количество иностранных граждан, у которых сложилось высокое мнение о национальной образовательной системе и о стране в целом. Сегодня Республика Беларусь широко известна за рубежом как страна, где осуществляется качественная подготовка специалистов в сфере информационных технологий. Интерес у иностранных граждан вызывает также возможность получить образование в сфере биохимии, энергетики, юриспруденции, ветеринарии, лингвистики и других отраслях знаний.

Следует отметить, что образовательные услуги, предлагаемые Витебским государственным университетом имени П.М. Машерова, востребованы у иностранных граждан. В университете их обучается более тысячи. Это представители 22 стран, большинство из которых являются гражданами Туркменистана и Китайской Народной Республики. Говоря об обучении иностранных граждан, прежде всего, следует обратить внимание на проблемы их адаптации к новым условиям жизнедеятельности. На наш взгляд, адаптация иностранных обучающихся представляет собой сложный, противо-

речивый процесс вхождения в ценностно-смысловое пространство иной социальной и образовательной среды. В научной литературе выделяют шесть основных этапов межкультурной адаптации: «1) отрицание; 2) защита; 3) преуменьшение; 4) принятие; 5) адаптация; 6) интеграция. Так, на первом этапе адаптации происходит отторжение чужой культуры страны, в образовательное пространство которой попадает студент. Далее включаются механизмы внутренней защиты своих национальных культурных ценностей. Последнее заставляет иностранцев преуменьшать достоинства чужой для них культуры. Однако со временем человек забывает об этом и начинает перестраиваться, пытаясь найти позитивные стороны в окружающей его культуре. На пятом этапе происходит собственно адаптация, когда иностранец может подражать представителям другой культуры. Вопрос об интеграции в современной науке признан учёными неразрешимым... Огромное количество разнообразных факторов не пускает человека в другую культуру. Так, мы наблюдаем поликультурное многообразие»[2, с.270].

К сожалению, не всем иностранным обучающимся удается адаптироваться к новой социокультурной и образовательной среде. Препятствием к интеграции может быть не только непонимание иностранцами особенностей белорусской национальной культуры, но и неприятие культурных различий между самими иностранными гражданами. Это приводит порой к нарушениям учебной дисциплины, административного, гражданского, уголовного и миграционного законодательства. В результате к таким студентам применяются такие меры как отчисление, высылка, депортация. Это свидетельствует о том, что в университетах необходимо существенное внимание уделять поликультурному образованию, формируя у иностранных обучающихся уважительное отношение к представителям иных социокультурных систем.

Обучение иностранных граждан может быть реализовано через три модели адаптации:

- «растворение» иностранных граждан среди всего контингента обучающихся, когда они учатся и проживают в общежитии (в комнатах) совместно представителями иных национальных культур;
- создание своеобразных «резерваций», когда учебные группы формируются по национальному признаку (то же касается и проживания в общежитиях);
- комбинированная модель, когда используются оба названных выше типа адаптации с учетом того, насколько представители той или иной национальности готовы преодолеть социокультурные барьеры.

Принимая иностранных граждан на обучение, учебные заведения должны определить для себя, какой модели адаптации они будут следовать. Автору наиболее привлекательной видится первая модель. Однако, нельзя чрезмерно стимулировать процессы интеграции. Ведь национальными, религиозными факторами нельзя ни в коем случае пренебрегать.

Следует сказать, что обучение иностранных граждан сопряжено с необходимостью решения ряда проблем. Это зачастую невысокий уровень владения русским языком, трудности адаптации к особенностям организации учебного процесса и новой социальной среде.

Решение языковой проблемы решается следующим образом. По итогам собеседования абитуриенты с недостаточным уровнем владения русским языком направляются на подготовительное отделение, где изучают язык в объёме 840 часов. Для студентов, зачисленных на первую ступень высшего образования, в учебных планах предусмотрено изучение русского языка как иностранного в объёме около 550 часов за все годы обучения. Однако, следует отметить, что решение проблемы недостаточного уровня знания русского языка осуществляется за счет часов, отведенных в типовых планах на

освоение ряда дисциплин, в том числе и иностранного языка. Сегодня представляется невозможным эффективно осуществлять учебную и трудовую деятельность без знания иностранных языков. Во время учёбы студенты имеют возможность принимать участие в международных научных конференциях. Ежегодно, например, для студентов-юристов проводится конкурс по международному публичному праву имени Ф. Джессопа. Однако туркменские граждане имеют после окончания средней школы невысокий уровень владения иностранными языками. Проблему можно решить через введение иностранного языка в учебные планы в качестве факультативной дисциплины, либо инициировать изменения в учебных планах на уровне Министерства образования.

Особую помощь в адаптации иностранных студентов оказывают кураторы учебных групп, а также центр развития личности и практической психологи, созданный в университете. Студенты вовлекаются не только в учебную деятельность, но и участвуют в творческих конкурсах, занимаются волонтерской работой. Это позволяет им быстрее интегрироваться в жизнь университета, углубить знание языка, способствует их личностному развитию. В содержательном аспекте большое подспорье в изучении учебных дисциплин оказывает виртуальная образовательная среда MOODLE. В ней преподаватели размещают как традиционные, так и интерактивные курсы лекций, материалы для проведения семинарских, лабораторных занятий, глоссарии, диагностирующие тесты и иные учебно-методические материалы. Например, за юридическим факультетом закреплена 91 дисциплина, электронными учебно-методическими комплексами (ЭУМК) обеспечены 77 дисциплин, государственную регистрацию имеют 60 ЭУМК. Процент обеспеченности ЭУМК – 84,6%.

Учебные курсы в виртуальной образовательной среде представлены в соответствии с требованиями модульно-рейтинговой системы обучения. То есть, освоение дисциплины осуществляется по блокам (модулям). Изучение модуля завершается формой промежуточного контроля, предлагаемой преподавателем (тестирование, коллоквиум, контрольная работа и др.). Итоговая оценка по дисциплине формируется с учётом того, как студент работал на семинарских (лабораторных) занятиях, как прошёл формы промежуточного контроля. Благодаря MOODLE, иностранный студент может самостоятельно получить доступ к необходимой информации, через тестирование проверить уровень освоения материала.

Положительно зарекомендовало себя использование на семинарских занятиях и при организации самостоятельной работы рабочих тетрадей. На кафедре истории и теории права, например, изданы рабочие тетради по общей теории права, римскому частному праву, правовой информатике и ряду других дисциплин. Студентам предлагается написать определения правовых понятий, решить задачи, составить кроссворды, решить тесты и др. Наличие рабочей тетради помогает преодолеть недостатки виртуальных технологий. Студент, например, должен самостоятельно, своей рукой записать определения. Это способствует и формированию навыков поиска информации, и повышению уровня владения русским языком, и закреплению полученных знаний.

Более успешной адаптации иностранных студентов способствует также возможность прохождения практик на родине. Ей активно пользуются студенты биологического и юридического факультетов. Например, юридическим факультетом заключены договоры на прохождение производственных преддипломных практик: в коллегии адвокатов г. Ашхабада, коллегии адвокатов Марыйского ваята, коллегии адвокатов Ахалского ваята, Серхетабатском районном суде Марыйского ваята, Койтендагском районном суде Лебапского ваята, Сердарабатском районном суде Лебапского ваята Туркменистана. Это позволяет иностранным студентам при написании дипломной ра-

боты собирать и использовать материалы национальной правоприменительной практики, осуществлять сравнительный анализ правовых систем.

Литература

1. Социологическая энциклопедия / под. общ. ред. А.Н. Данилова. – Мн.:БелЭн, 2003. – 453с.
2. Шишкина, И.В. Пути и возможности преодоления проблем адаптации иностранных студентов в процессе поликультурного обучения на подготовительном факультете / И. В. Шишкина, О.А. Ежовкина // Международное образование и сотрудничество: сборник мат-лов. – Т.3. – 2015. – С.269–271.

ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА СЛОНИМА В 1939 ГОДУ

О.Г. Яценко

г. Гомель, ГГУ имени Ф. Скорины, oksanayaschenko@yandex.ru

Цель исследования – охарактеризовать изменения в облике социокультурной среды Слонима в связи с вхождением в состав БССР в 1939 году (на материалах жизни детей).

Ключевые слова: культура, социокультурная среда, Слоним, детство, 1939 год.

В момент вхождения в состав БССР в 1939 г. Слоним представлял собой небольшое городское поселение, его население составляло 26,7 тысяч жителей [1, с. 336]. Новые реалии государственного развития, а также совершенно иные, нежели ранее, политические акценты в совокупности с переориентацией экономического развития неизбежным последствием имели принципиальные изменения в общественных и культурных традициях. Основные направления этих вех истории ранее уже были раскрыты в трудах отечественных ученых, однако актуальной задачей остается конкретизация произошедших событий и показа зарождения новых явлений на примере отдельных городов, а также социопрофессиональных и половозрастных групп населения.

Значительное внимание новым тенденциям в жизни горожан было уделено газетами, издававшимися в период после вхождения западных областей в состав БССР в 1939 г. Эти свидетельства периодической печати позволяют рельефно обозначить новации и деформации, возникшие в социокультурном развитии с осени 1939 г. до начала Великой Отечественной войны. Так, анализ ряда материалов из газеты «Вольная праца» – органа временного управления Слонимского уезда за период сентябрь – декабрь 1939 г. – дает основание для характеристики трансформации культурных процессов в повседневной жизни и праздничной культуре, в том числе детей и подростков города Слонима.

В заметке «Завоз тавараў у Заходніяобласці БССР»[здесь и далее сохранено правописание названия публикации оригинала – авт.] сообщалось о выделении значительного числа разных товаров для продажи населению Западных областей БССР. В их числе было галантерейных товаров на 500 тысяч рублей, культтоваров на 500 тысяч рублей, а также отдельные продукты, являвшиеся дефицитными, – кофе, какао на 350 тысяч рублей, сюда же включались 300 тонн кондитерских изделий и 100 кг натурального чая. Среди культтоваров, кроме предметов, имевших идеологическое значение – комплектов пластинок с речами И.В. Сталина и В.М. Молотова, были патефонные пластинки, музыкальные инструменты, пионерские барабаны, галстуки, значки, ученические портфели, альбомы для рисования и пр. [2, с. 4]. Новацией в общественно-культурном

развитии города стали пропагандистские материалы, обильно поставляемые и навязываемые для воздействия на менталитет граждан, которые должны были перестроить свой образ жизни в соответствии с новой для них идеологической концепцией социалистического государства. Повсеместно развешивались агитационные плакаты, осуществлялось музыкальное мажорное сопровождение повседневной жизни по радио, насаждалось коллективное чтение новых по содержанию литературных произведений. Особенно приветствовались публикации в средствах массовой информации и публичная декламация стихов с восхвалением перспектив светлого будущего для человека труда в рамках нового для местных жителей общественного уклада, стихотворных произведений об освобождении «от панского гнета» жителей Западной Беларуси (стихи П. Панченко, П. Бровкии др.). Такие подходы были уже успешно апробированы ранее в восточных регионах БССР, с осени 1939 г. широко использовались в Западной Беларуси, в том числе в Слониме. В этом отношении младшие возрастные группы были приоритетными для проведения идеологической обработки, именно на них оказывалось заметное давление с целью привлечения в последующие десятилетия к активному строительству новых общественных отношений.

На страницах довоенной прессы сообщалось о подарках самым маленьким жителям города, которые собирали в восточных областях БССР. Детям, которые посещали в городе Слониме детские сады, передавались подарки от имени детей Витебской области. Привозились игрушки, плитки шоколада. В детские сады приоритетно поставляли молоко, масло, сахар, мясо [3, с. 4]. Эти жесты должны были подчеркнуть заботу новой власти о социально менее защищенных группах населения и вызвать симпатии к советской власти у взрослых горожан.

Любопытны свидетельства о подготовке к празднованию детьми Нового года. Для веселых проводов старого 1939 г. и встречи нового 1940 года детские сады и другие учреждения Слонима закупали ёлочные украшения и игрушки, конфеты, яблоки, конфетти. Многие игрушки были доставлены из Минска и других городов БССР. Среди форм празднования для детей младшего возраста перечислялись декламирование стихов, исполнение песен, организация различных игр и вождение хороводов [4, с. 4]. Эти виды праздничного досуга в большинстве были унаследованы от прежних традиций, но их активно дополняли советскими символами и наполняли новыми смысловыми элементами.

Новогодние подарки для школьников, привезенные зимой 1939 г. в Слоним, составляли около 360 кг веса и включали барабаны, глобусы, коньки, семь шелковых флагов с золотыми вышитыми надписями «Смена смене идет», учебники, издания художественного содержания, а также и для политической агитации. Некоторые книги были подписаны в духе патриотической пропаганды с обязательными идеологическими штампами своего времени о И.В. Сталине, коммунистической партии и советской власти [5, с. 4].

Советские педагоги выдвигали на первый план коллективные формы общения детей и подростков. Для развлечения школьников во время зимних каникул оборудовались специальные комнаты отдыха, где предполагались игры, чтение газет и журналов, прослушивание радиопередач и патефонов. В течение нескольких дней были запланированы шахматно-шашечные турниры. Досуг детей был связан и с экскурсиями за город, походами на лыжах и катанием на коньках и санках. Ёлки устанавливались во всех школах и в Народном Доме города Слонима. Там же взрослым была предоставлена возможность для визита на бал-маскарад с интересными костюмами и масками, в помещениях создавалась яркая иллюминация. С середины декабря до середины января организовывались дневные сеансы для детей с целью показа советских фильмов [6, с. 4]. Новые киноленты образно и позитивно представляли реалии жизни в советском государстве, при этом подавляющее большинство видов досуга было заимствовано в культуре детства прошлых поколений. В числе первых советских фильмов, демонстриро-

вавшихся в Слониме, была кинолента «Щорс» [7, с. 3]. В городе за два часа до начала первого киносеанса были развешены рукописные афиши, за час на улице перед кинотеатром собрались толпы горожан, желавших посмотреть фильм, однако зрительный зал мог вместить только часть желающих.

Ряд новшеств в культуре детей и взрослых горожан был связан не только с обустройством жизни на новый социалистический лад, но с внедрением научных открытий и технических новаций. На страницах газеты можно обнаружить статью, например, о функционировании планетария в Москве [8, с. 4]. Ее авторы повествовали о первом в Советском Союзе, как его тогда называли, астрономо-антирелигиозном театре-лектории, работавшем в столице и ориентированном на ознакомление зрителей с видами звездного неба, расширение их кругозора и пропаганду научных знаний по астрономии. Важным новым подходом в воспитании детского сообщества горожан явилось их вовлечение в антирелигиозную кампанию, организованную в БССР. Информация о деятельности планетария была призвана доказать природную обусловленность тех явлений, которую церковь приписывала Богу. Публикация таких материалов также имела целью показать отсутствие божественного начала и четкую научную предопределенность в космических явлениях, что было особенно актуально для идеологов, работавших в регионах Западной Беларуси с достаточно высокими показателями религиозности местного населения.

Таким образом, рассмотрение изменений в социокультурном развитии детской группы горожан Слонима в 1939 г., подтверждает выводы о глобальной трансформации образа жизни на основе вхождения в новую общественную формацию с сохранением ряда устойчивых явлений культурной сферы первых десятилетий XX века.

Литература

1. Батвіннік М. Слонім // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі. У 6 т. Т. 6. Кн. 1: Пузыны – Усяя / Беларус. Энцыкл.; рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) [і інш.]. – Мінск: БелЭн., 2001. – С. 336-337.
2. Завоз тавараў у Заходнія обласці БССР // Вольная праца. 1939. 15 снежн.
3. Падарункі дзецям // Вольная праца. 1939. 21 снежн.
4. Дзецірыхтуюцца да свята // Вольная праца. 1939. 28 снежн.
5. Навагоднія падарункі для дзяцей // Вольная праца. 1939. 28 снежн.
6. Для школьнікаў на час канікул // Вольная праца. 1939. 28 снежн.
7. Совецкі кінофільм у Слоніме // Вольная праца. 1939. 1 кастр.
8. Банкоў П. Электрычнае неба (Да 10-годдзя савецкага Планетарыя) // Вольная праца. 1939. 25 ліст.

III. ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА

СРЕДА И ГРАНИЦЫ: ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ

В.М. Бородич
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Целью исследования является выяснение особенностей феномена отношений Беларуси и России сквозь призму переосмысления ряда философских и социокультурных категорий.

Ключевые слова: культура, личность, граница, цивилизация, государство.

Начнём разговор с обращения к личности М.М.Бахтина, а именно к таким концептам его творчества, как хронотоп и диалог. При некотором переосмыслении можно заметить, что онтологические характеристики здесь пересекаются с феноменологическими, делают их более выпуклыми и зримыми. Временные и пространственные границы воспринимаются как место встречи многих сознаний, их действительного общения и взаимооплодотворения, а диалог отдельных личностей прорастает диалогом различных культур.

«Не должно, однако, представлять себе область культуры, как некое пространственное целое, имеющее границы, но имеющее и внутреннюю территорию. **Внутренней территории у культурной области нет: она вся расположена на границах, границы проходят повсюду, через каждый момент её, систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле её.** Каждый культурный акт существенно живёт на границах: в этом его серьёзность и значительность; отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает» [1, с. 44].

На первый взгляд, может показаться, что подобная трактовка отвечает установкам прежде всего диалогической концепции культуры, которую по-своему развивали М.М.Бахтин и В.С.Библер (условно различим их как «Диалог как способ бытия культуры и личности» и «Диалог культур как способ бытия цивилизации»). Тогда особое внимание к границе представляется самоочевидным. Граница – место встречи одного и другого. Она не только разделяет, но и соединяет. У А.Ф.Лосева (а его часто воспринимают как оппонента «диалогизму») категория границы и вовсе является наиважнейшей из онтологических. И выражает она единство бытия и небытия (одного и иного) в их *обстоянии*. В отличие от становления, где это единство представлено в их неразличённости. В чём заключается это лосевское «обстояние»: в простой ли различённости, или же одновременно в некоторой интенции к «ставшему», а именно к единству уже становления и границы («остановка становления») – пока опустим.

Правда у Лосева [2] место (арена) встречи трактуется и как Имя. Оклик – отклик (М.Хайдеггер). «Адресность личностного сознания» (М.К.Петров). Впрочем, это не отменяет ключевую роль границы. Для нас же здесь важна встреча (солидарность) двух столь разноплановых мыслителей (Бахтин – Лосев). Раз уж мы вспомнили о Лосеве, то оговоримся о его «апофатическом энергетизме» (диалектике сущности и энергии), в рамках которого «примиряются» монизм и дуализм. А такое «примирение» как раз и представляет собой максимальное сближение диалектики как с мифологией (переход от абсолютной диалектики к абсолютной мифологии) [3], так и с диалогом.

«Границы проходят повсюду...». Такое бахтинское определение недвусмысленно намекает на почти совпадение границы уже с энергией (действием, выражением). Но здесь скрывается и предупреждение: есть граница и граница. И не всегда внешняя (фиксированная) граница является границей истовой, а именно культуuroобразующей и удерживающей. Если принять во внимание шпенглеровское различие культуры и «цивилизации» (как обморока-пресечения культуры), то подобные бодрствования и «обморочность» можно приписать и собственно «границам». Не факт, что всякая так называемая граница продуктивна в плане житнетворчества. Граница как единство бытия и небытия может предстать и как небытие, т.е. как отрицание. И даже – разрушение и подавление. Стоит ли такую вообще называть границей – иной вопрос.

Встреча и столкновение. Общение и взаимопожирание (аннигиляция). Союз и Воля к Власти, как себялюбское осквернение «стремления к иному» (просто – Воли)... Мало ли что происходит на границе.

Граница – не просто черта. Не каменная, до неба, стена. Не бездна. Она – незримый нерв-провод, в котором происходит взаимообмен энергиями (умными, психическими и физическими) не просто одного и иного (двух сущностей более или менее близкой природы: тех же – культур, политических систем, миров-цивилизаций), но и их сообщение с собственной вертикалью (метапсихическое и метафизическое). В рамках последнего пересекаются архетипы, идеи, символы, мифы...

«...систематическое единство культуры уходит в атомы культурной жизни, как солнце отражается в каждой капле её». В каждой капле...Организм. Единство целого и части. Их тождество. В каплях-капиллярах – весь океан, вся ойкумена...

Сам феномен культуры.

Организм? Личность? Очевидно – не механизм. Хотя механическое в Культуре, конечно, присутствует. Уже в силу того, что она как-то есть «техне». А «техне» чревато «техническим». О собственно технике сказано, по крайней мере, с прошлого века достаточно много. В том числе: предупреждающе-«нелицеприятно» (от Бердяева – до Хайдеггера). Искусство сочетается с искусностью и искусственностью. Искусственное – неестественное, ненастоящее, не-истовое. И если продолжить: выморочное, вычурное. Искусное (собственно – мастерское) переключается с искусом (соблазном, ложью). Настоящее Искусство не сводится ни к первому, ни ко второму (в его негативности). Но возможно и вырождение.

Среда... Среда – как бы, область. Пространство. То, что посредине. Между краями-гранями.

«Чудище обло, озорно, огромно, стозевно и лаяй» – эпитафия к книге Александра Радищева «Путешествие из Петербурга в Москву».

У В.Тредиаковского (первоисточник для Радищева) речь идёт о Цербере, и фраза выглядит так: «Чудище обло, озорно, огромно с тризвонной и лаей», то есть пастью (гласная («и») здесь, скорее, для благозвучия, чтобы возместить недостающий для метра слог).

Обло – Тучное. Потому облако – туча. А область – тучность, массивность.

Стозевна лая (пасть). Вездесуща. Многолика. Хотя «тризвонна», пожалуй, символичнее будет. Не токмо Кербер-Цербер, но и наш Змей Горыныч. Даже Вайнеры в «Эре милосердия» обыграли (о трёх головах дьявол).

Государственные границы. Границы цивилизационные.

Границы-капилляры.

Самое понятие цивилизации в каком-то смысле тождественно границе. Между Социумом и Природой. Между «окультуренной» Цивилизацией и не вполне – Варварством.

Цивилизация (от лат. *civilis* – гражданский, государственный). Имеется ряд значений (опустим).

Вспомним лишь, что сам термин «цивилизация» введен в научный оборот Адамом Фергюсоном, для выделения стадии в развитии человеческого общества, характеризую-

шейся существованием общественных страт, *городов, письменности* и т.п. Такая периодизация мировой истории (дикость – варварство – цивилизация) пользовалась поддержкой в научных кругах в конце XVIII – начале XIX века. С конца XIX века под общим понятием «цивилизации» всё больше стали подразумеваться «локальные цивилизации».

Гражданство – Ограждённость, защищённость. Оградой-крепостью (от врага). Оградой-законом (от сограждан и власти). Ограда – Граница.

Между Обществом и Природой. Культурой и Дикостью. Разными культурами.

Опять-таки, граница разделяет и соединяет. Место контакта.

Культура рождается на границах. В границах пребывает. Границами держится (поддерживается) и живёт.

Цивилизация Культуру защищает, но она же её и подавляет. Способна подавить.

В каком смысле «гранично» наше Приграничье? В каком смысле «пригранична» вся Беларусь?

Приграничье «пригранично» границе Беларуси и России как политических субъектов. Государств.

Приграничье – не Пограничье. Одно дело быть ПРИ границе, и иное – ПО. Казалось бы, ПО (то есть – «НА») – куда ближе к поднятой Бахтиным теме «граничности Культуры». Но в случае с «погранцами», мы имеем ЗАСТАВУ, Ограду, забор, крепость. За границей – вероятно, Враг!

Кстати, застава как-то перекликается с «заставлять», принуждать. С Властью!

Принадлежим ли мы (Беларусь и Россия) одной локальной Цивилизации? Россия вообще может рассматриваться как самобытная Цивилизация, а не только государство. «Мир-Империя» (И.Валлерстайн). При всех возможных оговорках.

Русский Мир. Хотя именно к русским Россия беспощадна. Парадокс?! Увы!

Беларусь не является ни частью этой Империи, как образования политического – хотя в своей истории она дважды оказывалась в её лоне (в Российской Империи и в СССР), – ни принадлежит она, скорее всего, и Русскому Миру, как Цивилизации. Если всё-таки различать в самой России эти *две ипостаси*: политическую и цивилизационную.

В плане политическом мы являемся в настоящий момент государством-спутником (сателлитом) по отношению к России. Ни в каком Союзе или в Союзном государстве с Россией мы быть не можем. Если Союз предполагает существенное равноправие субъектов. Такое равноправие в данном случае невозможно физически в силу, во-первых, существенного различия в мощности соотносящихся субстанций (множеств). Во-вторых, в силу имперской природы России. Её державности, где Власть превалирует над Правом, захват над соглашением (союзом). Мы можем быть либо частью Империи, либо её сателлитом.

В принципе Беларусь могла бы пребывать в Европейском Союзе. А там имеет место именно Союз. Союз, скреплённый «писанным законом» – собственно, долгом – настоящим (худобедно) на «нравственном законе». Более того, на повестке стоит вопрос о трансформации его в Союзное государство.

Дело не в том, что хорошо, а что плохо (хотя можно обсуждать и этот вопрос), а в том, что есть в действительности, а так же в возможности того или иного образования (сочетания).

Почему мы (Беларусь) не принадлежим ни Русскому Миру (теперь о цивилизационной принадлежности), ни Западной Цивилизации (в лице её европейской составляющей)? Не потому ли, что стали заложниками своего политического статуса, выполняя функцию своеобразного бампера-предохранителя.

Природа – Общество. Природа – (Культура – Общество). Культура – Цивилизация
Циркуляция энергий. Горизонталь – Вертикаль. Круг – Крест. Пространство –
Время. Сущее – Бытие.

Рождение. Эволюция. Эманация. Творение. Творчество.

Тварное – Нетварное – Творящее (Эриугена. 4 природы. Тварное-творящее: Ангелы-Идеи. А – Человек?!).

Происхождение. Произведение (акт воли). Преобразование.

Взаимодействие. Связь. Общение (коммуникация).

Слово. Речь. Язык.

Законы (тоже – границы!). Неписанные и Писанные.

Естественный. Неписанный. Писанный.

Границы. **Неустановленные**. Установленные.

НУГ: в самой Природе; между Природой и Обществом (Цивилизацией); между Ц и Варварством – Дикостью; между Природой и Культурой; между локальными цивилизациями; между культурами (одной Ц и разных); между языками: грамматика и «филология» («филологические» границы – «неписанные», органические); между общественными институтами; между лицами; между личностями.

Крайности: Размытые границы. Жёсткие границы (Предписанные, механические).

В понятии граница выражена **проблема перехода**. Позитивного (превращения, преобразования, общения...). Негативного (извращения, разрушения, нарушения...). Дозволение (более того: поощрение, мотивация) – Запрет. Долженствование (?)... Как в правовой норме.

Творчество – всегда переход. Обновление. Но обновление вовсе не обязательно есть полное отрицание старого (бывшего, сущего). Собственно, оно никогда не есть такое отрицание.

Творчество (человеческое) – *не творение из ничего* (актом чистой воли).

Материал (или Вещь) + Инструмент.

Граница. Старого и Нового. Превращение. Модернизация.

Общение. Самообразование (саморазвитие).

Опять – Обстояние... Одного и иного. Тогда граница – «нейтральная полоса». **Не принадлежит** ни тому, ни другому. «Место» перехода.

Есть ли граница нечто пространственное? Вещное. Или не обязательно?

Так, при переходе от одного качества к другому речь идёт о «внутреннем» изменении, а не о перемещении в пространстве (из одной области в другую), на иную территорию («владение» иной вещи), в самую иную вещь.

Принадлежность... Право собственности. Владение. Пользование.

Особый статус таких сущностей, как культура и цивилизация («и» – в случае их различия).

Произведения искусства могут быть предметом чьей-то собственности. Но само искусство таковым быть не может. В принципе, это касается культуры вообще.

Выражение «искусство принадлежит народу» – обыкновенно не более чем идеологический фетиш. Даже то или иное произведение искусства (живописи гл. образом) может принадлежать (?) тому или иному физическому или юридическому лицу, а не «народу». Ибо сам народ (а что есть народ?!) не есть субстанция, юридически вменяемая. В отличие от лица, нации, государства. Народ, коль такая категория имеет право на существование, соотносим именно с культурой (цивилизацией?!), с историей, а не с какой-то вещью. В народе, как и культуре, есть нечто метафизическое, не исчисляемое. Правда, и «принадлежать» (в случае с искусством) можно пытаться квалифицировать как раз не в правовом аспекте. Однако, в любом случае искусство (как и культура) если и принадлежат, то всему человечеству и, как-то, непосредственным творцам.

Принадлежать... При-надлежать. Надлежащее. На-длежащее (должное). Надлежащее (пребывающее над чем-то). Пребывать во власти (владении)? Опять какая-то юрисдикция. Пусть якобы «моральная». Наличие органической связи? С этим, пожалуй, можно согласиться.

То же – в плане упомянутой «принадлежности» – (нечто похожее) касается и личности. Если не путать личность и лицо! Здесь имеет место Свобода. И отнюдь не в правовом её измерении! Свобода и есть та «граница», о которой говорит Бахтин в отношении культуры. Вернее, эта граница есть как-то Свобода (своебытие). Самоопределение.

Или: свобода творчества осуществляется как нераздельность-неслиянность. Чего? Социума (Человека) и Природы. Творца (автора), Материала и Произведения. Творчество и Общение. Два способа (взаимопроникающих) бытия личности (не лица!). С Мышлением возникают некоторые вопросы.

«Свобода не знает границ» – опять, скорее всего, штамп, где требуется отличить зёрна от плевел. Впрочем, мы уже оговаривались о Свободе, как Самопределении (самообразовании) в нераздельно-неслиянном отношении с другим (т.е. в общении).

Итак, к «политическим границам» (как и к правовым) границы, в коих (коими) прорастают культура и личность, прямого отношения не имеют. Вместе с тем, эти субстанции пересекаются и влияют друг на друга.

Специфика политических и экономических отношений между Беларусью и Россией (и не только в некоем пограничьи-приграничьи в узком, сугубо территориальном, смысле слова) сказывается и на культурных процессах. И сказывается чаще, скорее, негативно, чем позитивно.

Не просто обстоит дело и с вовлечением в предмет осмысления понятия «цивилизация». Цивилизация – Организм (а по Шпенглеру, ещё и неизбежно вырождающийся). Культура – куда ближе к Личности. Стремление к Власти – такой же удел Цивилизации, как и Государства (главного политического института). В отличие от государств, цивилизации не склонны к дипломатии и правовому регулированию споров. Хищное начало (борьба за существование) присуще им не в меньшей степени. Свободе и Любви здесь особого места не остаётся.

«Россия» (Великая Россия, Русский Мир, Империя) есть не только государство, но и цивилизация. Беларусь сама по себе не просто не есть цивилизация, но крайне трудно определить цивилизационную «метку» для её культуры. Выбор такой метки очевиден: между РМ и Европой (исходной матрицей Западной Цивилизации). Кстати, русская культура также (не меньше иных, «приграничных») страдает от собственной Цивилизации и собственного Государства. **Империя и есть некое сращивание Ц и Г. Их различённое тождество, своеобразный «топос».**

В Государстве – особенно в State (как институте, т.е. *установлении, учреждении*) довлеет элемент договора, соглашения, права. В Державе договорной момент более или менее приглушается. Здесь на первый план выходит захват. Тотальность Власти. Цивилизация куда как более спонтанна, иррациональна. Даже «номократическая». Она не устанавливается, согласно «предписанию», а *образуется*. А потому не станем переоценивать «civilis», чтобы не вводить себя в заблуждение. Вместе с тем это «civilis» допускает сращивание Ц и Г. Государство, сращиваемое с Цивилизацией в Империю, есть Держава. В отличие от State.

Образующие начала («власти») Цивилизации могут быть различными. Западная Цивилизация номократична. Русская – идеократична. Власть «писаного закона» – Власть «неписаного закона» (однако не в форме предания-традиции), указа. Идеократия основана *не на предании и не на материальных интересах*, а на сознательных идеях. Заметьте, не столько осознанных, сколько «сознательных». Можно вспомнить и известное: «Идея становится материальной силой, когда она овладевает массами». Идеология нацелена на всеобъемлемость своего влияния, на тотальную всеохватность умов. На державность – подчеркнули бы мы (имея в виду охват-захват-одержимость)

Номократия – «законовластие», «всевластие закона». Теоретическая концепция, обосновывающая необходимость перехода от демократии (допустим, полисной) к более совершенной форме государственного правления – власти *интеллектуальной элиты с рациональным мышлением*. Номократия каким-то образом, проскакивая через ноократию, переходит (вырождается?) в технократию.

Возможность Власти Права (в принципе) в отличие от Права Власти (освящённого «идеями»). Это – уже в аспекте политическом, государственном.

И Империя уж точно никому не принадлежит. В том числе – «народу». Всё (в ней) принадлежит самой Империи. Здесь нет граждан, но только *подданные*. Тяжко в ней оставаться личностью. Тяжко и культуре. Ибо и личность, и культура не могут принадлежать ни государству, ни империи, ни – даже как-то – цивилизации.

С другой стороны, номократия, переходящая в технократию, может и вовсе оказаться несовместимой с личностью и культурой.

Для различения этих цивилизаций (миров) можно использовать и такие термины, как «экономическое» и «политическое». А вместо термина цивилизация – термин «формация». Почти по Карлу Марксу. И.Валлерстайн [4] предпочитал сочетать Маркса с Ф.Броделем, у которого и взял термин «мир-система» (собственно – цивилизация). Бродель же, подобно Монтескье, сочетал «экономическое» и «географическое» (природное) начало. Впрочем, не выпячивая последнее. Потому и «мир-система», а не просто «мир» и не просто «система» (формация).

Европа – Цивилизация. Европа – Союз государств. Европа – ряд государств, не входящих в Союз, но «меченых» данной цивилизацией. В Евросоюз в принципе могут принять и субъекта иной цивилизации (Турцию).

Чувствуете разницу?! Европа – не Империя! Государственное и цивилизационное здесь не сращено. Европа куда более *вменяема*, чем Россия.

Если даже предположить, что Беларусь принадлежит Русскому Миру (как Цивилизации), то придётся признать отсутствие сращенности с этой цивилизационностью её политической ипостаси. Хотя: с кем поведёшься... Влияние на Беларусь этого Синкретического Чуда («Монстра-Левиафана») – России – отрицать никто не собирается. Но Беларусь – в любом случае, не Россия. И мы говорим здесь вовсе не о политическом феномене.

В Империи, как сращенности Государства и Цивилизации, есть особая сила. Но назвать её доброй, язык не поворачивается...

Цербер Радищева... «Стозевность» – излишня. А вот классическая «тризевность» – очень может быть. Даже в пресловутом уваровском: Самодержавие – Православие – Народность. Первое – зев Государства. Третье – Цивилизации. А второе... А второе их как-то сращивает. Хотя у Сергея Семёновича порядок был иной: «Православие, самодержавие, народность». Православие – освящение двуединства Г и Ц (Власти и Народа). К нему (П) имеет отношение и «архетип» Святой Руси. Меняем Православие на Коммунизм – получаем «Красную Империю» А.Проханова.

Идеал же Святой Руси (Свободы и Любви) настолько возвышен, что становится орудием манипуляции со стороны Власти, сосредоточенной в Великой России.

*«Единство, – возвестил оракул наших дней, –
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, –
А там увидим, что прочней... (Ф.Тютчев)*

Как бы не так... Мы сейчас – не о том, плохо или хорошо быть Империй (Империей – в нашем понимании). Мы о том, как быть Беларуси (и её гражданам), как феномену политическому, в отношениях с Россией. А от этих отношений нам (нравится это или не нравится) никуда не деться. И о том, как быть уже белорусской культуре и тем, кто болеет за её выживание и возможное продолжение-развитие.

Граница, в пределе, не принадлежит тому (тем), чему она граница. Личность и Культура также существенно *не принадлежат*, не являются принадлежностью. Потому они так близки той особой границе, которая есть Граница-Свобода.

Литература

1. Бахтин, М.М. Литературно-критические статьи. – М.: Худож. лит., 1986. – 538 с.
2. Лосев, А.Ф. Бытие – Имя – Космос. М, 1993. – 958 с.
3. Лосев, А.Ф. Диалектика мифа. – М.: «Мысль», 2001 – 558 с.
4. Валлерстайн, И. После либерализма. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 256 с.

РАЗЛИЧИЕ И БЕЗРАЗЛИЧИЕ: ЗАМЕТКИ К АНТРОПОЛОГИИ ГРАНИЦЫ

А.В. Верле

г. Псков, ПсковГУ, artemverle@gmail.com

Цель статьи – предложить общее философско-антропологическое обоснование онтологического различия и конкретизировать диалектический смысл понятия границы

Ключевые слова: различие, граница, конституирование, семиозис, философская антропология.

В философии элеатов впервые зазвучала тема различия бытия и становления. Истинное единое и неизменное бытие противопоставляется у Парменида видимости, «кажимости», а, следовательно, и ложности становления. Онтологическое единство мира дифференцируется в многообразие порядков вещей посредством обособляющего именованья как действия восприятия и понимания. «Смертные приняли решение именовать две формы (μορφαί), / Одну из которых [именовать] не следует – в этом их ошибка. / Они различили [их как] противоположности по внешнему облику и установили [отличительные] признаки / Порознь друг от друга: с одной стороны – пламени огонь небесный [эфирный], / Мягкий, очень разряжённый {лёгкий}, повсюду тождественный самому себе, – / Как противоположность [огню] – невежественную (?) ночь, плотное и тяжеловесное обличье» (ф. 8, 53-59) [1, с. 291]. В истории философии эта мысль Парменида проходит лейтмотивом, варьируясь у Платона, Плотина, в христианской философии, в философии новоевропейской, и переосмысливается в грандиозном сюжете развёртывания Абсолютной Идеи в философской системе Гегеля, включающей становление и конкретное бытие в диалектику Единого как моменты его самораскрытия и самопознания. Разграничение как действие различающего становления, тематизированное в гносеологической, а в конечном счёте и в антропологической перспективе – это тот аспект этой масштабной идеи, на который и хотелось обратить особое внимание. Определение границы как ментального конструкта в этой связи может быть увязано с дифференцирующей функцией постулирующего феноменальный мир сознания.

Прежде всего, стоит конкретизировать и обозначить параллелизм в отношении двух важных аспектов философской тематизации понятий пространство/время и познание. Во-первых, разделение (разграничение, различие) – это базовая характеристика так называемого объективного мира в плане его пространственно-временной определённости. То есть мир представляется совокупностью (системой) многообразных вещей и событий, определённости которых фиксирована их положениями и движениями во времени и пространстве. Во-вторых, разделение (разграничение, различие) – это базовая установка конституирующего Я в плане присущих ему принципов и схем восприятия, понимания и воображения мира. То есть Я представляется совокупностью (системой) многообразных феноменов, определённости которых фиксирована в том, что Кант называет трансцендентальным единством апперцепции – темпорально окрашенным самосознанием конкретных состояний субъекта [2, с. 350]. Обозначенные аспекты в их единстве осмыслились в философии, по меньшей мере, двояко. С одной стороны, можно говорить о первичности объективной дифференциации и вторичности субъективной, а с другой стороны, наоборот, о первичности субъективной и неопределённости объективной дифференциации. То есть человек фиксирует наличествующую в мире разграниченность сущего или человек привносит в мир и устанавливает в нём границы. Если в этом контексте сразу совершить скачок в социокультурную проблематику, то вроде бы очевидной окажется ментальная (социокультурная) определённости границ, но если

остаться в круге гносеологической проблематики, то объективистская определённости границ окажется просто необходимой из соображений базовой возможности истинного познания. Возможно, мы здесь сталкиваемся не с сущностным противоречием, а просто с формальной терминологической неопределённостью понятия «граница», и неправомерно смешивать такие понятия как «границы вещи» и «территориальные границы». Здесь, представляется, имеет место ситуация, сходная с ситуацией вокруг понятия «закон», функционирующим на сопоставимых уровнях. Нам представляется, что социокультурное и историческое понимание этих терминов является не фокусом многозначности слов, а экстраполяцией базового антропо-гносеологического смысла, о котором говорил ещё Парменид. Попытаемся предложить этому тезису общее обоснование.

Во-первых, если мы обратимся к фундаментальной интуиции основоположений познания, то вслед за Декартом обнаружим ту очевидность, что философ фиксирует в понятии *cogito* – Я мыслю. Всё, что происходит со мной есть то, что происходит с моим Я и в моём Я. Само Я происходит в самом себе, но это «происшествие» представляется ему как со-бытие с неким внешним миром. Я, как обитатель своего внутреннего мира, наполненного, например, воспоминаниями, знаниями и текущими состояниями, которые роднят его с другими Я, обитающими в этой или смежных областях, изначально определён как пребывающий внутри внешнего мира. Таким образом, фундаментальным конституирующим принципом позиции Я является разграничение внутреннего и внешнего, своего и иного, Я и не-Я, здесь-бытия и ино-бытия. Важно, что эта фундаментальная граница между внутренним и внешним является *конституирующей структурой внутреннего мира*. Любое разграничение в силу неумолимости своей явленности именно в Я и для Я есть тактика восприятия и сознания этого Я. Принимая кантовское положение о конституирующей работе чувственного созерцания и рассудка, необходимо признать фактичность любых различий в картине мира как результирующую продуктивной деятельности воображения. Конституирующая работа сознания в социокультурном смысле предстаёт как продуцирование социального порядка [3, с. 88-89], который в той же мере эмпирически определён в своих последствиях, как и природная реальность. Что касается того, что есть природная реальность сама-в-себе, в какой мере, почему и как имеет или не имеет место в ней объективное различие и разграничение, то этот вопрос следует оставить метафизике, как и предлагал Кант, но следует по-прежнему иметь в виду, что конструирование таковой метафизики возможно только как событие внутреннего мира.

Во-вторых, как показал ещё Парменид, действие разграничения (даже если мы рассматриваем его онтологически) есть действие семиотическое, то есть связано со смысло-позиционированием, смысло-разграничением. Любое представление и поведение, то есть, иными словами, любое различие является знаковым, подлежит интерпретации и её так или иначе предполагает. Важно, что семиозис в современной культурной антропологии рассматривается гораздо шире, чем исключительно человеческая символическая способность. Американский антрополог Эдуардо Кон в этой связи отмечает, что утвердившиеся в социальных науках, лингвистике, антропологии реляционные принципы, базирующиеся на иллюзии человеческой исключительности, не позволяют увидеть и понять широкую ассоциативную логику «живых мыслей», образующих систему мира нечеловеческих живых самостей. «Эти нечеловеческие самости, – пишет Кон, – мыслят, и их мышление – форма ассоциации, которая также создает отношения между самостями. Рассмотрение иной формы мысли как особого вида отношения, ощущение того, что порой она возникает как собственный концептуальный объект, а также открытость ее непривычным свойствам (таким, например, как присутствующая замешательству или неразличению генеративная способность) – всё это побуждает нас вообразить антропологию, которая сможет преодолеть различия, составляющие её

элементарное реляционное ядро» [4, с. 319-320]. Различение и разграничение, а также и не-различение/не-разграничение есть свойство семиозиса, присущего разнообразию живых самостей, то есть должно быть определено и во внечеловеческом и внекультурном контексте, метафорически описываемом Эдуардо Коном как «мышление леса». Хотелось бы отметить, что семиотизация, обладая потенциальной вариативностью, разворачивается, между тем, в определённых границах в силу неких базовых интенций, связанных, видимо, с основополагающими свойствами мировой целостности. То есть единство мира, явленное и бытийно представленное в единстве Я и являющееся, по сути, этим единством, но не в смысле солипсизма, а в смысле внутренней определённости Мира, раскрывается в многообразии живого семиозиса. Антропология границы в этой перспективе предстают как онтология мировой социальности, то есть мира как сообщества. Таким образом, необходимо говорить не о первичности или вторичности внутреннего и внешнего, но об их однородности.

В-третьих, хотелось бы указать на ещё одно важное обстоятельство, понятийное определение которого представляет большую проблему, так как касается оно скорее уникального, чем типичного, а исключительность не подлежит отличному от закономерности научному пониманию. Например, мистический опыт никак не поддаётся научной тематизации в силу обозначенных причин. Имея в виду эту перспективу, я, между тем, хотел бы указать на более общепонятные вещи. Заметим, что русское слово «безразличие» синонимично слову «равнодушие». Неразличать что-то означает игнорировать это нечто как существующее, а различать означает уже уважать, хоть в некоторой степени, то есть признавать это нечто. Проведение границы есть акт признания самостоятельного и обособленного существования, а в стирании границы видится акт экспансии, когда внешнее объявляется внутренним. С другой же стороны, в стирании границ видится действие единения, объединения. Лейтмотивом во многих практиках осознания, в частности мистических, проходит идея о единении с миром, то есть проницаемость или стирание границ внутреннего и внешнего, достижение недвойственности, неразличения, «безразличия». Такого рода опыт направлен на единство бытия, на очищение от иллюзорной от-граниченности и раз-граниченности и осознание тождественности с миром как целым. При этом различение ассоциируется со страданием, несчастным сознанием [5, с. 162]. В этом усилии, безусловно, есть безразличие – это безразличие стоика, христианского монаха, суфия, даоса, но смыслом его является максимальная полнота бытия – не индивидуального обособленного «внутреннего», а всеобщего мирового внутреннего. Поскольку, как уже было сказано, этот опыт не описать феноменологически в силу его исключительности, на уровне типизации хотелось бы здесь указать на амбивалентность границы, задающей антропологическую ситуацию уважения-экспансии-единства-безразличия, которая в зависимости от перспективной позиции и интенции Я в феноменологической, социальной, культурной плоскости внутреннего мира определяет стратегии и тактики текущих ситуаций и обстоятельств. Ключевым принципом антропологии границы оказывается диалектика определённости и неопределённости, остановки и пересечения. Социокультурные аспекты границы, пограничности, трансграничности отсылаются к антропологии, а, в конечном счёте, к онтологии единого и многого, как была обозначена эта проблема ещё у Парменида.

Литература

1. Фрагменты ранних греческих философов. Часть I. От эпических космогоний до возникновения атомистики / Изд. подготовил А.В. Лебедев. М., 1989. 576 с. (Памятники философской мысли).
2. Кант И. Критика чистого разума / Пер. Н.О. Лосского. М., 1999. 653 с. (Памятники философской мысли).

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания / Пер. с англ. Е. Руткевича. М., 1992. 325 с.

4. Кон Э. Как мыслят леса: к антропологии по ту сторону человека / Пер. с англ. А. Боровиковой. М., 2018. 344 с.

5. Валь Ж. Несчастное сознание в философии Гегеля / Пер. с фр. В.Ю. Быстрова. СПб., 2006. 334 с.

К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР НА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.

А.Ф. Гавриленков

г. Смоленск, СмолГУ, aleksej.gavrilenkov@mail.ru

Цель статьи состоит в том, чтобы показать, что на рубеже XIX–XX вв. сформировалась особая этническая группа, являвшаяся носителем как белорусской, так и русской культуры. Это стало результатом тесного взаимодействия белорусского и русского этносов на приграничье. На территории Смоленской губернии проживало значительное количество носителей белорусской культуры. Большую часть населения Смоленской губернии составляли белорусы, которые проживали в западных уездах губернии.

Ключевые слова: белорусско-российское приграничье, Смоленская губерния, Витебская губерния, Могилевская губерния, взаимодействие культур, белорусский этнос, русский этнос.

Уникальность Смоленщины определяется тем, что она оказалась на пересечении интересов Московского и литовского, а затем польско-литовского государств. Смоленщина, находившаяся на стыке российской и западной культур, представляла собой уникальную территорию, на которой пересекались различные культуры [3; с.10]. Смоленская земля представляла собой уникальную территорию, на которой соприкасались различные культуры, и прежде всего, русская и белорусская.

Проблема взаимодействия русской и белорусской культур на территории российско-белорусского приграничья получила отражение в творчестве исследователей XIX–XX вв. В трудах Н. Анимелле, В.Б. Антоновича, М.В. Довнар-Запольского, С.В. Максимова, П.В. Шейна и др. рассматривались исторические, лингвистические, этнографические, географические, религиозные и т.д. аспекты взаимодействия русской и белорусской культур приграничья [1;2;4;5;7;8;9].

В исследованиях второй половины-конца XIX века подчеркивалась тесная связь Смоленщины и восточных белорусских губерний. При этом, рассматривая верования и обряды жителей Смоленской губернии, исследователи относили их к числу белорусских [5;7;8;9].

Одной из причин интереса исследователей к изучению культуры, быта населения приграничья было плотное расселение белорусского и великорусского населения на российско-белорусском приграничье. Данные по численности белорусского и великорусского населения в Смоленской губернии во второй половине XIX – начале XX в. противоречивы и представлены в табл. 1 [6,с.127; 10,с.48; 13,с.84; 14, с.98-100].

Данные Всеобщей переписи населения 1897 года явно выбивались из общего контекста данных за предшествующие и последующие годы и показали, что в пограничных уездах и волостях Смоленской губернии (за исключением Краснинского уезда) численность великорусского населения велика, а белорусского населения – мала [13, с.84] (табл. 2).

Таблица 1

**Численность населения Смоленской губернии
во второй половине XIX – начале XX вв.**

Уезды	Численность населения							
	По данным Я.А. Соловьева		По данным М. Цебрикова		По данным Всеобщей переписи (1897 г.)		По данным И.И. Орловского	
белорусские	575610	51%	602500	54%	100575	6,59%	1200000	66,7%
великорусские	507639	49%	519300	46%	1397875	91,65%	600000	33,3%

Таблица 2

**Распределение белорусского и великорусского населения в приграничных уездах
Смоленской губернии с уездами Витебской и Могилевской губерний (1897 г.)**

уезды	Население	
	белорусское	великорусское
Краснинский	92006	8871
Поречский	1415	128035
Рославльский	129	184185
Смоленский	1696	132267

Аналогичная картина наблюдалась в приграничных уездах Витебской и Могилевской губерниях: численность белорусского населения была достаточно велика, а численность великорусского населения мала [11,с.116-143; 12,с.133-155] (Таблицы 3 и 4).

Таблица 3

**Распределение белорусского и великорусского населения в приграничных
со Смоленской губернией уездах Витебской губернии (1897 г.)**

уезды	Население	
	белорусское	великорусское
Велижский	85796	1305
Витебский	90708	35707

Таблица 4

**Распределение белорусского и великорусского населения в приграничных
со Смоленской губернией уездах Могилевской губернии (1897 г.)**

уезды	Население	
	белорусское	великорусское
Горецкий	104619	1039
Климовичский	118347	7667
Мстиславский	84155	1461
Оршанский	149532	4911
Сенненский	138358	5501
Чаусский	79461	626

Данные переписи населения по трем губерниям показывают, что на приграничье складывалась особая группа, которая формировалась в процессе взаимодействия элементов культуры белорусов и русских. Подтвердим сказанное примерами из исследований П.В. Шейна.

В конце XIX-начале XX вв. этнограф П.В. Шейн проводил исследование быта и языка русского народа в Северо-Западном крае (1887,1893,1902). При этом речь шла о культуре, семейных отношениях белорусов, живших как на территории белорусских губерний, так и в ряде уездов Смоленской губернии. П.В. Шейн в первом томе приводит перечень местностей из которых были доставлены материалы по изучению бытовой и семейной жизни белорусов – Бельский, Духовщинский, Поречский, Рославльский и Смоленский уезды [7,с.ХХІІІ].

Во втором томе П.В. Шейн приводит перечень местностей, из которых были доставлены материалы по изучению сказок, анекдотов, легенд, предания, пословицы, проклятия, заговоры и т.д. В этом списке указаны семь деревень Бельского, одна деревня Поречского уезда и одно село Смоленского уезда. Этнографом приводились примеры загадок, записанных на территории белорусских губерний и Смоленской губернии на русском языке: «Загадки. 73. «Лавка в хате. Головы вместе, а ноги розны» (Могилевская губерния, Сенненский уезд). 74. «Лапти и обору. Два коня, а четыре хвоста» (г. Смоленск)» [8,с.493].

В тоже время записывались загадки на белорусском языке:

«123. Солнце.

На поли поляси,

Сидить птица вятница,

Яё нихто ни сымает:

Ни цары, ни царица,

Ни красна девица (Могилевская губерния, Мстиславский уезд и г. Смоленск)» [8,с. 493,497].

Подобные сюжеты повторяются во втором томе «Материалов для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» [8,с.521-536].

В книге С.В. Максимова «Крестная сила. Нечистая сила» также представлены материалы по изучению обрядов и праздников в различных губерниях Российской империи на рубеже XIX-XX вв., в том числе в Смоленской и белорусских губерниях [5,с.233-234].

В «Смоленском этнографическом сборнике», подготовленном смоленским этнографом В.Н. Добровольским, рассматриваются различные аспекты взаимодействия русской и белорусской культур [15,с.5].

Это свидетельствовало о том, что на приграничье шел процесс взаимодействия элементов белорусской и русской культур, сформировалась особая группа, являвшаяся носителем элементов как белорусской, так и русской культур.

Литература

1. Анимелле Н. Быт белорусских крестьян. Этнографический сборник Имперского Русского географического общества. – СПб., 1854. – Вып. 2. С. 111-268.
2. Антонович В.Б. Очерки истории Великого княжества Литовского до половины XV столетия. Киев, Университетская типография, 1878.
3. Гавриленков А.Ф. Проблема взаимодействия культур на Смоленщине во второй половине XIX в. // Взаимное проникновение культур России, Беларуси и Польши в ходе общего исторического прошлого. Материалы Открытой Международной конференции: 26 ноября 2016 г. / сост. А.В. Лапикова. – Смоленск, 2016. С. 9-17.
4. Довнар-Запольский М.В. История Белоруссии. – 3-е изд., испр. и доп. – Минск: Беларусь, 2011. – 591 с.
5. Максимов С.В. Крестная сила. Нечистая сила. – М.: ООО «Фирма «Издательство АСТ», 1999. – 512 с.
6. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Смоленская губерния. Составил Генерального штаба штабс-капитан М. Цебриков. СПб.: Типография Генерального штаба, 1862.

7. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собраны и приведены в порядок П.В. Шейном. Т. I. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1887.
8. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собраны и приведены в порядок П.В. Шейном. Т. II. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1893.
9. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. Собраны и приведены в порядок П.В. Шейном. Т. III. СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1902.
10. Орловский И.И. Краткая география Смоленской губернии. Смоленск: «Годы», 2006.
11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Витебская губерния. Тетрадь III. – СПб.: Издание Центр. Стат. комитета Мин. внутр. дел. 1903. – [4], XIV, 283 с.
12. Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 г./ под ред. [и с предисл.] Н.А. Тройницкого. – СПб.: Издание Центрального статистического комитета Министерства внутренних дел, 1899-1905. 23: Могилевская губерния. – 1903. – [4], XVI, 276 с. http://www.prilib.ru/elfapps/pageturner2d/viewer.aspx?orderdate=19.03.2012&DocUNC_ID=5146&Token=DrktYyU88xSiONwmGJfZ5A==&lang=ru-RU
13. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897 г. Издание Центр. Стат. комитета Мин. внутр. дел. Под ред. Н.А. Тройницкого, 1904. XL. Смоленская губерния.
14. Сельскохозяйственная статистика Смоленской губернии, составлена Яковом Соловьевым. М.: Типография А. Семена, 1855.
15. Смоленский этнографический сборник. Составил В.Н. Добровольский. Ч. IV. – М.: Типография А.В. Васильева. 1903.

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ

Е.В. Давлятова

г. Витебск ВГУ имени П. М. Машерова, davlatova.elena@rambler.ru

Цель статьи – раскрыть отношение студенческой молодежи к состоянию белорусско-российского приграничья в его социокультурном и экономическом измерении.

Ключевые слова: приграничье, молодежь, регион, студенты, состояние белорусско-российского приграничья.

За последние два десятилетия заметно вырос научный и практический интерес к состоянию и перспективам развития белорусско-российского приграничья. Проблемы приграничья, особенно в межгосударственных, национальных и региональных аспектах, становятся объектом исследования как белорусских, так и российских ученых.

Кафедра социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М. Машерова продолжительное время занимается исследованием содержания, структуры и динамики духовного мира студенческой молодежи белорусско-российского приграничья. Данная проблематика разрабатывалась в рамках реализации нескольких научных проектов.

Центральным объектом исследования являются студенты Витебского государственного университета имени П. М. Машерова. Это связано с тем, что Витебск представляет собой ярко выраженный город белорусско-российского приграничья, а значительное число обучающихся в нем студентов – уроженцы административных районов Беларуси, которые непосредственно граничат с Псковской и Смоленской областями России (Городокский, Витебский, Лиозненский и Дубровенский районы).

Для получения общего представления о социокультурной среде современной молодежи, роли исторического и этнического сознания в его формировании в 2013г., в 2016г., в 2017- 2018 годах проводились социологические опросы студентов и магистрантов всех факультетов университета. Исследовались конфессионально-этнические, языковые, культурно-бытовые и ментальные характеристики белорусско-российского приграничья как основы выстраивания союзнических отношений с Россией. Изучались знание и отношение к истории своего народа, национального самосознания молодежи.

В анкете последнего опроса 2018 года, наряду с вышеперечисленными темами респондентам было предложено ответить на ряд вопросов, раскрывающих их отношение к состоянию белорусско-российского приграничья и к своему региону.

Анкетирование проводилось среди студентов и магистрантов всех факультетов Витебского университета (445 человек). При подготовке исследования использовались общесоциологические методы сбора, обобщения и анализа полученного эмпирического материала. Методологическую базу составляли общенаучные методы исследования: анализ, синтез, сравнение, обобщение. В анкете этого блока предлагались вопросы, на которые респонденты имели возможность выбирать сразу несколько вариантов ответов.

Интересуются состоянием белорусско-российского приграничья от случая к случаю 48% учащихся, постоянно – 7%, наряду с другими проблемами – 26%; не интересуются 23%. Те, кто интересуются состоянием белорусско-российского приграничья, указали, что им, в основном, интересны политические (43%) и социально-экономические (45%) проблемы.

Вопрос «Какая из форм белорусско-российской интеграции на Ваш взгляд наиболее эффективна?» дал следующие результаты: за союзное государство – 32% опрошенных, за евразийский союз – 14%; за создание одного государства с едиными органами власти – 24%; затруднились ответить – 30 %. Последняя цифра вызывает тревогу и показывает, что часть молодежи проявляет индифферентное отношение к белорусско-российским интеграционным процессам.

Отвечая на вопрос «Чем, на Ваш взгляд, отличается белорусское приграничье от сопредельного российского приграничья?», 57% опрошенных отметили существенные различия в культурной жизни Витебской области от культуры областей Российской Федерации. В дополнительных, уточняющих вопросах было отмечено, что эти различия относятся к менталитету населения (39%), традициям и обычаям (26%), бытовой культуре (20%). Но главной отличительной особенностью называется уровень экономического развития – 52 % и качество инфраструктуры – 66%.

Российская Федерация притягательна, прежде всего, в экономическом плане (трудоустройство) – 59%; в культурном плане – 23%; в аспекте политического устройства – 13%.

Сравнивают общее положение дел в других странах иногда 57% опрошенных, 21% – часто; 12% – нет. Респонденты считают, что мешает усиленному сотрудничеству в белорусско-российском приграничье различие экономических моделей- 46%, отсутствие предприимчивости у руководителей предприятий и ведомств- 42%, отсутствие необходимой нормативной базы – 34%. Наиболее эффективными мерами для дальнейшего развития приграничного сотрудничества были названы создание совместных предприятий (63%), совершенствование союзных органов управления (34%), разработка единых идеологических принципов сотрудничества (34%).

Эффективность приграничного сотрудничества зависит от многих факторов: уровня экономического развития регионов и однотипности хозяйственных систем, близости господствующих в массовом сознании ценностных ориентаций, сложившегося образа региона. Образ региона неразрывно связан с региональной идентичностью, которая предстает как осознание своего единства с определенным региональным сообществом людей, с конкретным местом бытия во всех его проявлениях. Идентичность всегда предполагает сравнение с другими регионами, осознание своего отличия от них. На вопрос «Знаете ли Вы историю своего региона?» были получены следующие результа-

ты: знаю и постоянно интересуюсь – 20%; знаю отдельные фрагменты истории региона – 58%; мои знания поверхностны – 22%; не интересуюсь – 4%. Знают отличительные черты культуры своего региона и постоянно интересуются историей культуры 19%, знают лишь отдельные сферы культурной жизни региона 56%, о поверхностных знаниях своего региона высказались 22%.

Отвечая на вопрос «Что Вас не устраивает в организации повседневной жизни региона?» большинство указали на невысокий уровень материального благосостояния населения (78%), и на уровень экономического развития (64%). При оценке индекса успешности (от 1 до 5 баллов) пяти приграничных регионов Беларуси (Брестский, Гомельский, Гродненский, Могилевский, Витебский), самый высокий индекс получил Брестский регион – 409 баллов, самые низкие – Могилевский – 291 и Витебский – 265 баллов. Респонденты считают, что приграничные районы Витебской области уступают другим приграничным районам Беларуси уровнем экономического развития – 43% и уровнем жизни – 32%.

В заключение отметим, что как показали социологические исследования, у молодежи пока отсутствуют четкие представления о сути и основных направлениях сотрудничества Беларуси и России, особенно в социокультурной сфере. Обращает на себя внимание слабое знание ими истории своего региона и невысокий уровень интереса к белорусско-российской интеграционной политике.

Литература

1. «Образы России и Беларуси в контексте приграничья как специфической социокультурной реальности» (договор с БРФФИ № Г12РП-004, 2012-2014 гг.; «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья как основополагающие факторы приграничного сотрудничества» (договор с БРФФИ № Г15-130), 2015-2017 гг.; «Определить состояние социокультурной среды белорусско-российского приграничья и раскрыть ее влияние на ход интеграционных процессов и строительство Союзного государства» (договор с ГПНИ № 08/16), 2016-2018 гг.

2. Молодежь суверенной Беларуси: штрихи к портрету / Д.М. Булышко [и др.]; под ред. Д.М. Булышко, О.В. Иванюто, Д.Г. Ротмана. – Минск: Изд. центр БГУ, 2012. – 192с.

3. Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья : материалы междунар. науч.-практ. заочной конф., Витебск, 2 февр. 2017 г. – Витебск : ВГУ имени П. М. Машерова, 2017. – 219с.

ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА НАКАНУНЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТЫ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)

А.М. Егоров

г. Псков, Псковский филиал Академии ФСИН России,

И.А. Егоров

г. Псков, ПсковГУ, egorovam2009@rambler.ru

Цель статьи – раскрыть процесс развития и функционирования судебных учреждений Псковской области на одном из переломных этапов истории нашей страны накануне распада Советского Союза и становления суверенного Российского государства. Предметом рассмотрения являются тенденции развития и особенности работы судебных учреждений в указанных выше условиях.

Ключевые слова: жалоба, вина, народный судья, кассация, сроки, динамика.

На апрельском Пленуме ЦК КПСС 1985 г. в Советском Союзе был провозглашен новый политический курс правящей партии – *ускорение* социально-экономического развития страны на основе научно-технического прогресса (хотя на практике продолжали активно использоваться методы приказного нажима, политических кампаний и штурмовщины). В осуществлении этих задач большое значение придавалось письмам, заявлениям, жалобам граждан и особенно жалобам, адресованным готовившемуся XXVII съезду КПСС.

Приказом Министра юстиции СССР от 29 апреля 1985 года № 5 обращалось внимание на всю важность и серьезность организации работы в учреждениях юстиции и судах по рассмотрению писем, заявлений и жалоб граждан, адресованных XXVII съезду КПСС. Этим приказом, а также приказом Министра юстиции РСФСР от 30 мая 1985 года № 05/16-01 предлагалось обеспечить особо ответственный подход к разрешению указанных жалоб. Рекомендовалось разработать и осуществить необходимые организационные мероприятия, направленные на строгое выполнение всех директивных указаний партии и правительства по разрешению писем, заявлений и жалоб.

В соответствии с этими указаниями в первой половине 1985 года пристальное внимание уделяется работе Псковского областного суда по рассмотрению жалоб в порядке надзора. За это время в адрес Псковского областного суда поступило 170 жалоб по уголовным делам (в первом полугодии 1984 года – 171 жалоба) и 48 повторных жалоб. Причем 30 первичных и 19 повторных жалоб поступили из Верховного Суда РСФСР. Жалоб, адресованных непосредственно XXVII съезду КПСС, в Псковской области не поступало.

Из 97 разрешенных Псковским областным судом в первом полугодии 1985 года жалоб по гражданским делам было рассмотрено с отказом в истребовании дел – 44 (45,3%), с истребованием дел – 53, принесены протесты по 11 делам, причем все удовлетворены, остальные жалобы, проверенные по материалам дела, оставлены без удовлетворения [1, л. 64].

Поступавшие в это время в Псковский областной суд жалобы в порядке надзора разрешались в духе требований Указа Президиума Верховного Совета СССР от 4 марта 1980 года «О порядке рассмотрения предложений, заявлений и жалоб граждан», с соблюдением процессуального законодательства. Истребованные по жалобам дела изучались в полном объеме, на жалобы давались подробные мотивированные ответы, с приведением доказательств, ссылкой на закон и опровержением доводов жалобы. По обоснованным жалобам принимались меры к устранению допущенных нижестоящими судами ошибок и нарушений закона.

Все эти о кассационной и надзорной практике обобщались на областном совещании и семинаре народных судей Псковской области 16-17 июля 1985 года. На нем, в частности, было обращено внимание, что согласно приказу Министра юстиции СССР от 29 апреля 1985 года № 5 «О мерах по организации рассмотрения в органах, учреждениях юстиции и судах писем, заявлений и жалоб граждан, адресованных XXVII съезду КПСС» жалобы на судебные приговоры, решения, постановления и определения должны проверяться, как правило, с истребованием дел и материалов.

Изменения в социально-экономической жизни страны нашли отражение и в деятельности судебных органов Псковской области. В соответствии со статистическими данными число гражданских дел, оконченных здесь в 1987 году, увеличилось по сравнению с предыдущим периодом на 355 и составило в общей сложности 9640 дел. С вынесением решения было постановлено 7921 дело.

Динамика рассмотрения гражданских дел по важнейшим и наиболее распространенным категориям в середине 1980-х гг. выглядела следующим образом:

№ п/п	Категории дел	1983 г.	1984 г.	1985 г.	1986 г.	1987 г.
1.	О восстановлении на работе	131	119	118	134	155
2.	О возмещении ущерба рабочим и служащим	1080	938	1003	935	836
3.	О расторжении брака	4089	4005	3785	3155	3451
4.	О взыскании элементов	1847	1969	479	317	242
5.	О выселении	476	443	454	316	242
6.	Другие жилищные дела	478	442	446	465	639
7.	Особого производства	749	684	919	782	679

Имело место увеличение дел о восстановлении на работе, о расторжение брака, о взыскании алиментов. Вынесено постановлений о взыскании алиментов (единолично судьей) – 1395. Удовлетворяемость исков по делам о восстановлении на работе составила 40%, что было примерно на уровне предыдущего 1986 года (40,4%). Удовлетворяемость исков о расторжении брака составляла в 1987 году 98,3% (в 1986 году – 91,2%) [2, л. 154].

Таким образом, по сравнению с 1986 годом число дел рассмотренных в кассационном порядке, увеличилось на 106 или на 20,8%. В целом динамика, рассмотренных в кассационном порядке дел, в период так называемой «перестройки» имела тенденцию к увеличению:

годы	1983	1984	1985	1986	1987
количество	454	404	422	519	627

Судя по данным о пересмотре решений в кассационном порядке, качество работы Псковской области по рассмотрению гражданских дел в середине 1980-х гг. было достаточно стабильным:

годы	оставлено без изменений	отменено	изменено
1983	85,2%	11,7%	3,1%
1984	88%	9%	3%
1985	88,2%	8,5%	3,3%
1986	89,7%	8,7%	1,6%
1987	88,6%	10,6%	0,8%

В течение 1987 года членами судебной коллегии по гражданским делам Псковского областного суда оказывалась помощь в правильном применении законодательства отдельным народным судьям. Дважды за год на заседаниях судебной коллегии заслушивались объяснения по поводу допущенных нарушений закона при рассмотрении конкретных дел. Члены судебной коллегии принимали участие в комплексных проверках работы народных судов области, а также в мероприятиях по правовой пропаганде среди населения. Ими было прочитано пятьдесят лекций в трудовых коллективах, опубликовано девять статей и заметок в периодических печатных изданиях, проведено четыре выступления на радио.

В декабре 1988 года изменениями к Конституции СССР начинается реформирование судебной системы страны. Данный процесс нашел свое отражение и в работе судебных учреждений Псковской области.

Немалое значение имело повышение качества уголовных дел в этот период. В первой половине 1990 года стабильность приговоров по сравнению с тем же периодом 1989 года повысилась на 4,8%. В кассационном порядке приговоры были оставлены без изменений в отношении 481 человека, или 93,6%, отменены в отношении 15 человек, или 2,9%, и изменены в отношении 18 человек, или 3,5% (за такой же период 1989 года приговоры оставались без изменения в отношении 88,8%, отменялись в отношении 6,8% и изменялись в отношении 4,4% дел).

В связи с новеллами экономического законодательства совершенствовалась практика в сфере гражданского судопроизводства. На 2,1% улучшилось в первой половине 1990 года рассмотрение судами Псковской области гражданских дел. Всего было обжаловано 254 судебных решения, оставлено без изменений 216, или 85%, отменены 36 решений, или 14,6%, изменено одно, или 0,4% (в первом полугодии 1989 года обжаловалось 278 решений, оставлено без изменений 231, или 83,1%, отменено 47, или 16,9%, изменено одно дело, или 0,4%).

Сроки рассмотрения гражданских дел в 1990 году оставались на уровне 1989 года. С нарушением сроков было рассмотрено 11,4% гражданских дел (в 1989 году – 11,3%). Полностью в установленный законом срок гражданские дела в этот период рассматривались Красногородским и Псковским районными народными судами. Но в то же время некоторые народные суды по области допускали нарушение сроков при рассмотрении определенной доли гражданских дел: Плюсский – 34,8%, Невельский – 26,5%, Псковский городской – 15,3%, Усвятский – 15,4%, Дновский – 15%, Новосокольнический – 14,5% и Гдовский – 13,5% [3, л. 101].

Одновременно на рубеже 1980-1990-х гг. народными судьями Псковской области проводились встречи с населением целью популяризации и пропаганды правовых знаний. В 1989 году ими было прочитано 342 лекции, из них для населения 293, для товарищеских судов 49, для несовершеннолетних – 70 и по борьбе с пьянством – 180. В 1990 году было подготовлено 93 отчетных доклада о судебной работе, прочитано 286 лекций на правовые темы, из них 35 для товарищеских судов и 251 для населения, в том числе для несовершеннолетних – 67 лекций, а на темы, связанные с борьбой против пьянства и алкоголизма – 140 лекций [4, л. 90].

Определенное внимание уделялось судьями Псковской области и обобщению судебной практики. Так, обобщением судебной практики по уголовным делам занимались в это время Бежаницкий, Великолукский городской, Локнянский, Невельский, Островский городской и Пустошкинский районные народные суды. В 1990 году, например, ими было сделано десять обобщений судебной практики и внесено три представления (Бежаницким, Невельским и Островским народами). В том же году было сделано одиннадцать обобщений судебной практики по гражданским делам, в том числе: Плюсским – 5, Локнянским – 4, Великолукскими городским и районным народными судами по одному. Однако представлений по данной категории дел было внесено всего два.

Литература

1. Государственный архив Псковской области. Фонд. Р-2844. Опись. 1. Дело. 189.
2. Государственный архив Псковской области. Фонд. Р-711. Опись. 4. Дело. 754.
3. Государственный архив Псковской области. Фонд. Р-2844. Опись. 1. Дело. 175.
4. Государственный архив Псковской области. Фонд. Р-2844. Опись. 1. Дело. 754.

ПОТЕНЦИАЛ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧЬЯ

Р.В. Загорулько, А.Л. Дединкин, В.В. Тетерина
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, zagorulko_rv59@mail.ru
ВФ УО ФБП «Международный университет «МИТСО»

Цель статьи – раскрыть специфику сравнительной педагогики в условиях приграничного сотрудничества, выявить ее социокультурные возможности и пути их реализации. Наметить задачи педагогической деятельности по реализации данного вида потенциала.

Ключевые слова: сравнительная педагогика, педагогическая компаративистика, образовательные стратегии, потенциал сравнительной педагогики.

Сравнительная педагогика как область педагогической науки изучает преимущественно в сопоставительном плане состояние, закономерности и тенденции развития педагогической теории и практики в различных странах и регионах мира, а также соотношение их всеобщих тенденций, национальной и региональной специфики; выявляет формы и способы взаимообогащения национальных образовательных систем путём использования ими зарубежного опыта [1,с.17].

До настоящего времени ведутся дискуссии ученых по поводу статуса сравнительной педагогики. Одни отводят ей роль вспомогательной отрасли педагогического знания, изучающей зарубежные теории и практики. Другие наделяют ее самостоятельным статусом, отмечая значимость в структуре педагогики [2].

Имеются значительные расхождения в интерпретации и использовании отдельных категорий и терминов, как «сравнительная педагогика» и «сравнительное образование», «высшая школа» и др. Так, термин «сравнительное образование» используется преимущественно в англоязычной культуре и тяготеет к практике образования. В современных исследованиях все чаще используется термин педагогическая компаративистика (от лат. *comparativus* – сравнительный) как синоним сравнительной педагогики.

Предметом сравнительной педагогики являются педагогические идеи, концепции и теории, структуры и практики образования. В современной социокультурной ситуации проблематика исследований неуклонно расширяется и все теснее увязывается с образовательной практикой. Наряду со страноведческими увеличивается доля проблемных исследований, посвященных анализу конкретных проблем образования и вариантов их решения. Актуальны проблемы критериев качества образования, диверсификации образования, образования в поликультурных социумах, вхождения национальных образовательных систем в мировое образовательное пространство.

В повседневной жизнедеятельности сравнительной педагогией занимаются родители, учащиеся, педагоги, решая важнейшие жизненно значимые задачи. Как выбрать школу и класс для своего ребенка-первоклассника? В чем заключается специфика обучения в гимназии в отличие от традиционной общеобразовательной школы? Какому варианту дополнительного образования отдать предпочтение? Какой профиль обучения в большей мере степени соответствует индивидуальным запросам и способностям обучающегося и может быть перспективным в плане профессиональной карьеры? И, конечно же, выбор вариантов продолжения образования: вуз, колледж или лицей? Данные сравнения образовательных стратегий несомненно проводятся с субъектной позиции личности учащегося, ее ближайшего окружения. Но объективная составляющая – информация о многообразии образовательных практик, их достоинствах и недостатках, является значимым фактором.

Потенциал сравнительной педагогики, как совокупность имеющихся возможностей, условий, обстоятельств ее реализации, актуализируется и значительно возрастает в условиях приграничья. Общая пространственная среда формирует особое трансграничное социальное пространство с достаточно тесными социальными отношениями жителей обеих сторон границы, «промежуточное» в рамках национальных государств [3].

Границы в современном мире более открыты, легко пересекаются людьми, товарами, информацией, идеями и т.д. В условиях приграничья педагоги, родители и учащиеся благодаря разнообразным источникам располагают информацией о конкретной образовательной практике соседнего государства. Непреднамеренно или целенаправленно производится сравнение с отечественной практикой, дается оценка, на основании которой рассматриваются варианты образовательных, профессиональных и других жизненных стратегий. Основанные на фрагментарной информации, личном опыте, выводы являются скорее гипотетическими и нуждаются в уточнении, более обстоятельной проверке.

А это означает, что определенными знаниями и умениями сравнительного анализа, прогнозирования в сфере образования необходимо владеть каждому. В условиях высшей школы данная задача частично решается при изучении курса «Основы педагогики» для непедагогических специальностей. Так, темы «Образование как социокультурный феномен» и «Современное состояние образования» предполагают рассмотрение социокультурных тенденций, оказывающих влияние на развитие образования. Анализируется национальная система образования, рассматриваются направления модернизации образования в контексте «Болонского процесса». Углубление материала с учетом региональной специфики может быть целесообразной составляющей.

Обращение к знаниям обучаемых об образовательном процессе ближнего зарубежья, обогащение их, может быть эффективным при изучении будущими педагогами педагогических дисциплин. Имея общее педагогическое наследие советского периода, настоящее педагогической теории и практики в России и Беларуси имеет ряд отличительных особенностей. Так, сопоставительно-сравнительный анализ в курсе «Педагогики современной школы» проводился нами по всем компонентам педагогического процесса: целевому, содержательному, организационно-деятельностному, контрольно-оценочному. Разработка и реализация компетентного подхода на основе международного опыта у наших соседей велась раньше. Вместе с тем, вариант компетентного подхода, например, в высшей школе Беларуси не дублирует, но учитывает опыт российской школы. Отличаются группы и состав компетенций.

Сравнительный анализ систем оценивания (пятибалльная и десятибалльная) учебных достижений учащихся позволяет выявить достоинства и недостатки каждой, рассмотреть механизм перевода оценок из одной шкалы в другую.

При реализации компаративистского подхода студенты сами выходят на необходимость предметно-методического знания педагогом материалов заданий ЦТ (Беларусь) и ЕГЭ (Россия), использования его в практической деятельности.

Не менее значимым в процессе развития личности педагога является сопоставление систем воспитания и социализации молодежи. Столетие со дня рождения ВЛКСМ предоставило возможность выявления как общего, так и национального своеобразия, которое в этой области проявилось достаточно выразительно.

Особо дискуссионной у студентов является проблема социального статуса педагога в разных странах.

В условиях такого типа взаимодействия как приграничное сотрудничество устанавливаются контакты и связи между специалистами и учреждениями образования, происходит интенсивный обмен между учеными и педагогами научными результатами, методическим опытом. Возрастает академическая мобильность преподавателей и студентов, способствующая интеграции обеих сторон в международное образовательное пространство.

Социокультурная среда приграничья актуализирует освоение педагогического знания в контексте горизонтального сопоставления образовательных практик соседствующих стран, выявление их позитивных и негативных составляющих, прогнозирование перспективных и реальных образовательных тенденций.

Литература:

1. Вульфсон Б.Л. Сравнительная педагогика: История и современные проблемы / Б.Л. Вульфсон. – М.: УРАО, 2003. – 232 с.
2. Джуринский А.Н. Сравнительная педагогика: учебник для магистров/ А.Н. Джуринский. 2-е изд., перераб. И доп. – Москва.: Юрайт, 2014.- 608с.
3. Арсентьева И.И. Понятие «приграничье» в современном научном дискурсе [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/.../ponyatie-prigranichie-v-sovremennom-nauchnom-diskurse> Дата доступа: 1.11.2018.

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОДОВ СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА ВО ВРЕМЯ ВОЙН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ГОРОДОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ЭПОХИ

К.В. Купченко

*г. Смоленск, Смоленский филиал СГЮА, Смоленский филиал РАНХуГС,
konstan1977@yandex.ru*

Цель статьи – рассмотреть повседневную жизнь городов российско-белорусского приграничья в период военных конфликтов России второй половины XIX в. в социально-историческом аспекте.

Ключевые слова: Смоленский регион, российско-белорусское приграничье, повседневность, экстремальные эпохи.

Российскому государству на протяжении всей своей истории приходилось воевать с самыми различными противниками. С конца XVII в. одним из самых непримиримых врагов становится Османская империя, с которой Россия была вынуждена сражаться на различных фронтах. Вторая половина XIX в. здесь не стала исключением: Крымская (Восточная) война 1853-1856 гг., одним из эпизодов которой является героическая оборона Севастополя, русско-турецкая война 1877-1878 гг.

Несмотря на удаленность от линии фронта, данные военные конфликты затронули и Смоленский регион. Прежде всего в социальном аспекте: помощь действующей армии, размещение раненых, организация госпиталей.

В ходе Крымской войны 1853-1856 гг. на территории Смоленской губернии появились военнопленные турки. В ноябре 1855 года из города Орла в Смоленск были направлены пять турецких военнопленных, из которых один умер 7 марта 1856 года. Все они были определены на жительство в Смоленск.

В это же время трое турецких военнопленных были направлены в уездный город Рославль. Среди военнопленных мусульман трое изъявили добровольно принять православную веру, о чем свидетельствовал рапорт рославльского городничего на имя смоленского генерал-губернатора Николая Александровича Ахвердова: «Из числа находящихся в городе Рославле военнопленных Турок Магомед Джума и Измаил Гусейн изъявили желание принять православное вероисповедание и присягу на подданство России...: 5 и 15 января 1856 года оба пленных были соответственно крещены и получили имена Николай и Александр. Первым же был крещен ещё в 1855 году турок, имя которого не называется, а в крещении названный Иваном Николаевым. Все три крещенных турка получили из Смоленской Казенной палаты по тридцать рублей серебром[1].

Тогда же, в 50-е годы XIX века, в городе Рославле находились под полицейским надзором ссыльные горцы, которые были высланы в свою очередь, из Смоленска. С октября 1857 года в городе находились лезгин Гусейн Магомед Оглы со своей сестрой Ашурой Магомед Кози и дочерью Ашурой[1]. Многие из расквартированных на Смоленщине пленных позднее были ассимилированы в местных обществах.

Гоаздо больше сведений мы имеем по социальной повседневности Смоленских городов в период русско-турецкой войны 1877-1878 гг.

В результате начавшихся боевых действий был сформирован Первый запасной пехотный батальон, для штаба которого было нанято городскими властями помещение[2, л. 205]. В связи с крайней необходимостью в размещении казарменным порядком вновь сформированного в Смоленске еще одного резервного батальона и по имени в городе свободных домов городская управа предложила поместить батальон в

домах обывателей, занятых воинскими формированиями[2, л. 282] (на основании положения Думы, допускающем в экстренных размещать нижних чинов по квартирам городских жителей[2, л. 310]). В домах обывателей так же размещали лошадей для нужд армии[2, л. 40].

20 января 1877 г. Смоленское местное Управление Общества попечения о раненых и больных воинах просит организовать госпиталь в Смоленске на 300 коек, в Вязьме – на 150, в Гжатске – 100, в Рославле – на 50 коек[4, л. 3].

В заседании от 21 апреля 1877 г. Городская Дума постановила принять все меры для устройства лазарета в принадлежащем городу зданию, с тем, чтобы в случае надобности госпиталь был бы в городской собственности. В итоге госпиталь на 50 коек был размещен в бывших жандармских казармах[4, л. 12].

Согласно постановлению Смоленской городской думы от 30 апреля 1877 г. на средства города так же было решено оборудовать помещение на 100 кроватей для временного госпиталя[3, л. 1]. Помещение было оборудовано в доме бывшего дворянского пансиона[4, л. 21, 76] на Ильинской улице (центральная часть города) [2, л. 51]. Кроме этого, во второй части города был дополнительно нанят сроком на один год дом для временного лазарета в 135 кроватей[4, л. 146]. для больных и раненых воинов[1, л. 222].

Так же городскими властями были выделены дополнительные средства на обеспечение добровольного флота (1000 р.), на пособия семействам воинов, отправленных на войну (1480 р.) [5, с. 14].

В ходе любого военного конфликта всегда актуальным является вопрос о пленных. 31 июля 1877 г. в Смоленск прибыла команда из пятисот человек военнопленных турок под командованием тридцати офицеров, которые по представлению Смоленского уездного воинского начальника были расквартированы в одной из гостиниц города[2, л. 19].

В 1877 году в Рославле предполагалось разместить 100 военнопленных турок, как, впрочем, и в других уездных городах Смоленской губернии. Об этом свидетельствовало следующее отношение за № 6171 от 9 октября 1877 года: «Господину Смоленскому Губернскому Военному Начальнику. Вследствие отношения от 9 сего октября за № 8830 имею честь уведомить Ваше Превосходительство, что я полагаю возможным разместить в смоленской Губернии до 1000 пленных, а в г. Красном 50, в г. Поречье 50, в г. Рославле 100, в г. Духовщине 50, в г. Дорогобуже 100, в г. Вязьме 200, в г. Сычевках 100, в г. Гжатске 100, в г. Юхнове 100, и в г. Белом 150[1].

В заключение отметим, что несмотря на то, что непосредственно военные действия Смоленщину не затронули, тяготы и лишения войн нашли свое отражение в Смоленском регионе, прежде всего, в социальном выражении.

Работа подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта 18-49-670005 п_а.

Литература

1. Гавриленков А. Ф. Ислам в городе Рославль и уезде в XIX – начале XX века. // Ростиславль. Краеведческий альманах. Выпуск 4 (9), 2006. – Смоленск. 2005. – С. 9-12.
2. ГАСО (Государственный архив Смоленской области), ф. 65, оп. 1, д. 191.
3. ГАСО, ф. 65 (Смоленская городская управа), оп. 1, д. 192.
4. ГАСО, ф. 65, оп 1, д. 225.
5. Обзор деятельности Смоленского городского общественного управления с 1878-1883 гг. – Смоленск, 1883 г.

ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ ГРОДНЕНСКОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ

М.В. Мартен

Гродно, ГрГУ имени Янки Купалы, m.martyon@grsu.by

Цель статьи: показать влияние полиэтничности Гродненской области на формирование социокультурной среды.

Ключевые слова: этническая принадлежность, конфессии, межнациональные отношения.

Социокультурная среда может рассматриваться как совокупность культурных ценностей, общепринятых норм, законов, правил, научных данных и технологий, которыми располагает социум и человек в социуме для эффективных действий и взаимодействий со всеми компонентами своей жизненной среды (природными, техногенными, информационными компонентами, а также с другими людьми) [1].

Одним из важных факторов, формирующих социокультурную среду Гродненского региона, является полиэтничность, сложившаяся исторически и обусловленная его приграничным положением. Согласно итогам переписи населения Беларуси 2009 года, каждый третий житель Гродненщины не принадлежит к титульной нации. В Гродненской области проживает 78% всех поляков Беларуси, 42% белорусских литовцев и 23% белорусских татар.

Как и во всей Беларуси, в Гродненском регионе сложились стабильные межнациональные отношения, отсутствуют конфликты на межэтнической основе. Это особенно заметно при сравнении с ситуацией в прибалтийских республиках. Проводимая правительствами Латвии и Эстонии политика предоставления гражданства и вытеснения русского языка привела к расколу общества не только в юридическом, но и в социальном плане. Так, в 2010 г. проводились опросы населения Эстонии, в ходе которых 94% эстонцев заявили, что их друзья исключительно или в преобладающем большинстве тоже эстонцы, а 87% русских сообщили, что их дружеский круг ограничивается им же подобными [3].

Таблица 1 Национальный состав населения в регионах Беларуси
[2].

Регион Беларуси	Представленность этнических групп (в процентах)						
	Белорусы	Русские	Поляки	Украинцы	Евреи	Татары	Литовцы
Брестская область	88	6,4	1,2	2,8	0,04	0,05	0,02
Витебская область	85	10,2	0,9	1,2	0,2	0,06	0,05
Гомельская область	88	7,7	0,1	2,1	0,2	0,05	0,01
Гродненская область	66,7	8,2	21,5	1,4	0,05	0,2	0,2
г. Минск	79,3	10,02	0,7	1,5	0,3	0,08	0,05
Минская область	88,5	7,1	1,3	1,2	0,04	0,08	0,03
Могилевская область	88,7	7,8	0,2	1,2	0,1	0,1	0,02

Несколько лучшая ситуация в Литве, где гражданство было предоставлено всем жителям, подавшим запрос, без обязательного экзамена по литовскому языку.

Важным фактором сплочения общества является общность языка (языков), возможность использования родного языка. В Гродненской области основным языком повседневного общения является русский язык, который использует более половины представителей всех основных этнических групп.

Таблица 2 Декларация и применение языков населением Гродненской области [4]

Национальность	Используемые языки (в процентах)					
	Язык своей национальности		Русский		Белорусский	
	Указали в качестве родного языка	Язык, на котором разговаривают дома	Указали в качестве родного языка	Язык, на котором разговаривают дома	Указали в качестве родного языка	Язык, на котором разговаривают дома
Белорусы	68,8	38	29,5	54	-	-
Русские	94	93	-	-	4,9	4
Поляки	5,3	1	34	50	58	40,7
Украинцы	23	1,8	64	86	11	9
Евреи	2,8	0,9	86,6	94	8,6	3,7
Татары	6,5	0,6	48,5	63	43	33,6
Литовцы	35,6	11	28,6	45	33,12	38

Однако если сопоставить языковую ситуацию в городе и в сельской местности, становится очевидным, что сельское население шире употребляет язык своей национальности и белорусский язык.

Таблица 3 Декларация и применение языков городским и сельским населением Гродненской области [4]

Национальность	Используемые языки (в процентах)					
	Язык своей национальности		Русский		Белорусский	
	Указали в качестве родного языка (г./село)	Язык, на котором разговаривают дома (г./село)	Указали в качестве родного языка (г./село)	Язык, на котором разговаривают дома (г./село)	Указали в качестве родного языка (г./село)	Язык, на котором разговаривают дома (г./село)
Белорусы	58/92	21/76,1	40/6,8	72/14,3	-	-
Русские	95/88	96/79,5	-	-	3,9/10,5	2,5/14,8
Поляки	5/5,6	1,3/1,5	49/10,2	72,7/14,8	43/80,8	21/71,3
Украинцы	21/34	1,5/3	68/46	91,5/62	9,5/18,5	4,8/27,6
Евреи	2,9/0	0,9/0	87/73	94,8/73	8/27	0,3/27
Татары	5,9/11,8	0,5/2	47/58	63/66	45/27	34,6/26,6
Литовцы	20/48	1,3/18,9	48/13	74,8/20,4	30/36	19,2/53,8

Особенно заметна разница в употреблении русского и белорусского языков польским населением города и деревни. А вот татары, живущие в городе, шире употребляют белорусский язык, чем сельские татары.

С полиэтничностью региона связана сложившаяся конфессиональная структура. В середине 1990-х гг. по количеству православных приходов Гродненская область превосходила, к примеру, Могилевскую область в три раза, по числу католических – все остальные области вместе взятые. Именно в Гродненской области сосредоточены наиболее крупные мусульманские общины.

Суммарные результаты социологических исследований, проводившихся в Гродненской области в 2002-2004 гг., показывают, что более половины респондентов относят себя к православию, от четверти до трети – к католикам, от 2,1 до четырех процентов считают себя атеистами, есть также представители других конфессий [5, с.152].

По данным 2010/2011 гг., польское население характеризуется большей степенью религиозности. Так, среди православных 14,5% практикующих верующих, а среди католиков – 84,6% [6]. Тем не менее, отношение к смешанным бракам весьма лояльное.

В марте-апреле 2011 г. Гродненский горисполком организовал социологические исследования «Этноконфессиональная ситуация в городе Гродно». Межконфессиональные отношения изучались также сотрудниками кафедры социологии и специальных социологических дисциплин Гр ГУ им. Янки Купалы. Согласно полученным результатам, 55,8% респондентов считают межконфессиональные браки вполне нормальным явлением. 28,3 % респондентов допускают межконфессиональные браки, но с представителями не всех конфессий. И лишь 10,8 % опрошенных полагают, что люди должны вступать в брак с представителем только своей конфессии.

Таким образом, в Гродненской области сформировалось поликультурное общество, в котором преобладают толерантные отношения между всеми этносами. Не случайно с 1996 г. в Гродно раз в два года проводится Фестиваль национальных культур, популярность которого постоянно растет. В последнее десятилетие расширилось присутствие в г. Гродно иностранных студентов, которых привлекает спокойная обстановка и благожелательная атмосфера. Так, в 2018 г. студентами Гродненского государственного медицинского университета стали 200 иностранных граждан из 17 стран мира. С введением безвизового режима посещения Гродно растет число иностранных туристов.

Литература:

1. Адамьянц Т.З. Влияние современной социокультурной среды на духовное и физическое развитие общества (Материалы к Круглому столу «Здоровая социокультурная среда как составляющая духовного и физического здоровья общества») [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.isras.ru/blog_ad_23.html – Дата доступа: 29.10.2018.
2. Подсчитано по данным: Перепись населения – 2009 г.: Статистические публикации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://belstat.gov.by/homep/ru/perepic/2009/itogi.php>. Дата доступа: 3.11.2018.
3. Алессандро Ди Симоне. Двадцати лет как не бывало: Прибалтика после распада СССР [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://inosmi.ru/baltic/20111231/181822149.html> – Дата доступа: 21.10.2018.
4. Подсчитано по данным: Перепись населения – 2009 г.: Статистические публикации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: // http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.8-4.pdf http://www.belstat.gov.by/upload-belstat/upload-belstat-pdf/perepis_2009/5.9-4.pdf – Дата доступа: 29.10.2018.
5. Попов, И.А. Религиозные институты, состояние и особенности религиозности населения на территории Гродненской области (1993-2006гг.) / И.А. Попов // Беларусь: государство, религия, общество: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск-

Жировичи, 7 июня 2007 г. / Нац. акад. наук Беларуси, Ин-т истории, Минск, духовн. акад. им. Святителя Кирилла Туровского; редкол.: В. Антоник [и др.]. – Минск: Белорус.наука, 2008. – С. 150–154.

6. Поняев, А.В. Уровень и характер религиозности приграничного социума (на материале города Гродно и Гродненского района). – Магистерская дисс. на соискание степени магистра социологических наук. На правах рукописи. – Гродно, 2011.

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И РОССИЕЙ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ

А.П. Петров

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, kirip@vsu.by

Цель статьи – раскрыть содержание основных этапов развития отношений между Беларусью и Россией.

Ключевые слова: договор о сообществе Беларуси и России, договор о Союзе Беларуси и России.

После прекращения существования СССР и образования СНГ отношения между Беларусью и странами СНГ стали строиться на основе многосторонних соглашений.

26 июня 1992 г. между Республикой Беларусь и Российской Федерацией были установлены дипломатические отношения.

21 февраля 1995 г. был подписан Договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между Республикой Беларусь и Российской Федерацией, вступивший в силу 11 августа 1995 г.

14 мая 1995 г. на основе первой Конституции Республики Беларусь как суверенного государства, был проведен республиканский референдум, где рассматривался один из вопросов «Поддерживаете ли Вы действия Президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией?». Граждане Республики Беларусь поддержали предложение Президента и 83,3%проголосовали за, против – 12,5 % избирателей.

2 апреля 1996 г. был заключен Договор о создании Сообщества Беларуси и России (ратифицирован Верховным Советом Республики Беларусь 4 мая 1996 г.), вступившим в силу 29 августа 1996 г.

Сообщество Беларуси и России основывалось на принципах суверенитета и равенства Сторон, демократии и уважения, прав человека, общепринятых принципов и норм международного права, в целях объединения материального и интеллектуального потенциалов двух государств для подъема экономики, создания равных условий повышения уровня жизни народов и духовного развития личности.

2 апреля 1997 г. Сообщество Беларуси и России было преобразовано в Союз, который был оформлен Договором о Союзе Беларуси и России и Уставом, подписанным президентами двух стран 23 мая 1997 г., вступившим в силу 11 июня 1997 г.

Участники Союза свой государственный суверенитет, территориальную целостность и независимость Союза сохраняли: укрепление отношений братства, дружбы и всестороннего содружества в политической, экономической, социальной, военной, научной, культурной и других областях; повышение уровня жизни народов и создание благоприятных условий для всестороннего гармоничного развития личности; закреплялись задачи в политической, экономической, социальной, правовой сферах, в сфере обеспечения безопасности.

Уставом устанавливалось гражданство Союза, которым обладали только граждане Республики Беларусь и Российской Федерации, закреплялись полномочия Союза и его органов (Высшего Совета Союза, Парламентского Собрания Союза и Исполнительного Комитета Союза).

В январе 1999 г. в Беларуси и России были созданы рабочие группы по подготовке проекта Договора о создании союзного государства, а уже 8 декабря 1999 г. был подписан Договор о создании Союзного государства, который был ратифицирован Республикой Беларусь 24 декабря 1999 г.

После обмена ратификационными грамотами прекратили действие Договор об образовании Сообщества Беларуси и России от 2 апреля 1996 г. и *Договор о Союзе Беларуси и России* от 2 апреля 1997 г. Ранее принятые акты в рамках Сообщества и Союза продолжают действовать в части, не противоречащей Договору о создании Союзного государства.

В договоре определены *цели Союзного государства*:

- обеспечение мирного и демократического развития братских народов государств-участников, укрепление дружбы, повышение благосостояния и уровня жизни;
- создание единого экономического пространства для обеспечения социально-экономического развития на основе объединения материального и интеллектуального потенциалов государств-участников и использования рыночных механизмов функционирования экономики;
- неуклонное соблюдение основных прав и свобод человека и гражданина в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права;
- проведение согласованной внешней политики и политики в области обороны;
- формирование единой правовой системы демократического государства;
- проведение согласованной социальной политики, направленной на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека;
- обеспечение безопасности Союзного государства и борьба с преступностью;
- укрепление мира, безопасности и взаимовыгодного сотрудничества в Европе и во всем мире, развитие Содружества Независимых Государств.

В договоре особо подчеркнуто, что каждое государство-участник сохраняет с учетом добровольно переданных Союзному государству полномочий суверенитет, независимость, территориальную целостность, государственное устройство, Конституцию, государственный флаг, герб и другие атрибуты государственности. Каждое государство сохраняет членство в ООН, возможность участия в международных организациях и объединениях определяется государствами-участниками по взаимной договоренности.

Договором предусмотрено, что граждане Беларуси и России являются одновременно гражданами Союзного государства, пользуются равными правами и несут равные обязанности на территории Союзного государства, если иное не предусмотрено законодательными актами государств-участников, договорами между ними. Граждане имеют право избирать и быть избранными в Парламент Союзного государства, а также назначаться на должность в органы Союзного государства.

В Союзном государстве признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общепризнанным принципам и нормам международного права.

В ст. 17 Договора закреплены предметы ведения, принадлежащие исключительно Союзному государству (например, создание единого экономического пространства и правовых основ общего рынка, равные условия и гарантии для деятельности хозяйствующих субъектов), а в ст. 18 Договора – предметы ведения, находящиеся в совместном ведении Союзного государства и государств-участников (например, принятие в состав Союзного государства других государств, борьба с терроризмом, коррупцией, распространением наркотиков и другими видами преступлений).

В Договоре содержатся нормы, посвященные бюджету Союзного государства, финансово-хозяйственной деятельности органов Союзного государства, отраслевых и функциональных органов управления Союзного государства.

В Договоре определен статус органов Союзного государства, порядок организации, предметы ведения, полномочия, виды нормативных правовых актов, принимаемых ими.

В заключительных положениях Договора предусмотрено, по мере становления Союзного государства, рассмотреть вопрос о принятии Конституции, закрепляющей государственное устройство Союзного государства и его правовую систему.[1]

В развитие Договора о создании Союзного государства Республики Беларусь и Российской Федерации предприняты дальнейшие действия.

Идет целенаправленная работа над проектом Конституционного акта.

30 ноября 2000 г. было заключено Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о введении единой денежной единицы и формировании единого эмиссионного центра (ратифицировано Законом от 7 мая 2001 г.). В частности, предусмотрено, что роль единой денежной единицы Союзного государства с 1 января 2005 г. будет выполнять российский рубль.

30 ноября 2000 г. было заключено Соглашение между Правительством, Национальным банком Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации, Центральным банком Российской Федерации о мерах по созданию условий по введению единой денежной единицы (ратифицировано законом от 7 мая 2001 г.). В нем определены конкретные этапы и сроки их реализации.

5 октября 2004 г. подписан протокол между Министерством внутренних дел Республики Беларусь и Министерством внутренних дел Российской Федерации о порядке реализации Соглашения между Правительством двух государств об использовании миграционной карты единого образца. Вступил в силу 7 июля 2006 г.

Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией о регулировании вопросов собственности Союзного государства совершено в г. Санкт-Петербурге 24 января 2006 г.

Соглашение между Правительством Республики Беларусь и Правительством Российской Федерации о порядке оказания медицинской помощи ратифицировано Законом Республики Беларусь от 19 июля 2006 г. № 158-3. В нем установлен порядок оказания медицинской помощи гражданам Республики Беларусь в государственных и муниципальных учреждениях здравоохранения Российской Федерации и гражданам Российской Федерации в государственных учреждениях здравоохранения Республики Беларусь.

Соглашение между Республикой Беларусь и Российской Федерацией об обеспечении равных прав граждан Республики Беларусь и Российской Федерации на свободу передвижения, выбор места пребывания и жительства на территориях государств-участников ратифицировано Законом Республики Беларусь от 29 июня 2006 г. № 132-3.

Постановлением Совета Министров Союзного государства 16 января 2006 г. № 44 приняты основные направления разработки единой методологии государственного регулирования общего рынка труда Союзного государства.

Развитие общего рынка труда – один из приоритетов Союзного государства. Возникая в условиях единого экономического пространства, общий рынок труда способствует дальнейшему расширению экономического пространства и углублению интеграции.

Проект Основных направлений разработки единой методологии государственного регулирования общего рынка труда предусматривает осуществление взаимосогласованных мер по отработке процесса формирования и развития рынка труда в целях повышения занятости и снижения уровня безработицы, улучшения качества и конкурентоспособности рабочей силы, обеспечения социальной защиты гражданам России и Беларуси.

Однако существуют определенные трудности в реализации положений Договора и Устава Союза, что неизбежно в многополярном мире.

В России приватизация государственной собственности шла более быстрыми темпами, чем в Беларуси. Не все решения, принимаемые на высшем уровне органами Союза, реализовывались на практике из-за противодействия определенных российских политических сил. Правовая база двусторонних отношений нуждается в совершенствовании.

И тем не менее общность истории Беларуси и России, близость менталитета, экономическая целесообразность, традиции русского и белорусского народа, близость духовной и культурной жизни, наличие общего языка, переплетение судеб личных, семейных и др. должны привести к созданию Союзного государства.

Литература

1. Договор о создании Союзного государства от 8 декабря 1999 // КонсультантПлюс: Беларусь [Электрон, ресурс] /ООО «ЮрСпектр», Нац. Центр правовой информ. Респ. Беларусь. – Минск, 2018

СТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ

*А.Б. Погребняк
г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова*

Цель статьи – Исследование истории и современного состояния процесса создания единого образовательного пространства Союзного государства России и Республики Беларусь.

Ключевые слова – региональное сотрудничество, Болонский процесс, единое образовательное пространство России и Республики Беларусь.

Строительство Союзного государства России и Беларуси сложный, многогранный и масштабный процесс. Одним из важнейших направлений этого процесса является налаживание сотрудничества Республики Беларусь с регионами Российской Федерации, Это важнейшее направление взаимодействия в деле решения задач строительства Союзного государства.

Сотрудничество осуществляется по многим направлениям. Одно из них это взаимовыгодная торговля. На настоящее время подписано около 80 договоров о взаимной торговле с 36 субъектами Российской Федерации. Приоритетным направлением является и налаживание совместных сборочных производств, дилерских центров, центров по сервисному обслуживанию техники. Как отмечал А.Г.Лукашенко в своем выступлении на 5 форуме регионов России и Беларуси: « В настоящее время более 8 тысяч предприятий двух государств связаны производственной кооперацией. В России зарегистрировано примерно 50 совместных производств, создано около 160 субъектов товаропроводящей сети с белорусским капиталом» [1,].

Правовая база такого сотрудничества Беларуси с регионами России включает более 300 соглашений и договоров. Большой вклад в развитие и укрепление взаимного сотрудничества вносят и деятельность создаваемых совместных Советов делового сотрудничества, а также совместных рабочих групп по сотрудничеству.

Такая планомерная и кропотливая работа привела к тому, что с 2014 года стали проводиться ежегодные Форумы регионов двух стран. Они проводятся под эгидой Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь и Совета Федерации Федерального собрания Российской Федерации.

Свое развитие практика межрегионального сотрудничества в экономической и интеграционной сферах нашла и в других областях, в том числе и в сфере образования. Основой для налаживания более тесного сотрудничества между вузами двух стран яв-

ляются и тенденции межгосударственного сотрудничества, в том числе и состояние Болонского процесса. Все яснее просматривается разочарование многими принципами Болонского процесса и признание их несовместимыми и даже чуждыми существующей в странах СНГ управленческой культуре в сфере высшего образования. На современном этапе процесса реформирования сферы образования становится актуальным возврат к деятельности по созданию единого образовательного пространства стран СНГ, но уже на новом уровне, основанном на равном партнерстве и использовании опыта реформирования сферы образования в каждой из стран СНГ. Положительной и обнадеживающей тенденцией в этой связи является решение, принятое в апреле 2017 года на заседании Совета по сотрудничеству в области образования государств-участников СНГ, о подготовке многостороннего соглашения о государственной аккредитации образовательной деятельности в рамках СНГ и создании органа, координирующего деятельность национальных агентств по обеспечению качества образования. И это не простое декларирование намерений[2, с.138].

Создание единого образовательного пространства России и Белоруси важная задача развития Союзного государства и этому вопросу необходимо уделять пристальное внимание. Одним из первоочередных направлений деятельности является развитие межвузовских связей, создание формата для общения между представителями высших школ двух стран. Показательным в этом отношении является прошедший 10-12 октября 2018 г. в Москве Первый межвузовский форум Союзного государства Беларуси и России «Образование и наука МГУ им М.В.Ломоносова и БГУ: традиции и перспективы».

Сотрудничество между двумя вузами имеет давнюю историю. Восстановление научного потенциала БГУ в послевоенное время происходило при непосредственной помощи и участии преподавателей МГУ. С 2014 года действует рабочая программа, подписанная между историческими факультетами, по развитию сотрудничества. В 2018 году БГУ и МГУ им М.В.Ломоносова совершили поистине прорыв в этом сотрудничестве. Так между историческими факультетами подписан документ, который предполагает открытие белорусско- российской магистерской программы «История белорусской диаспоры» с выдачей по окончании обучения двух дипломов: БГУ и МГУ. Обучение по магистерской программе начнется с 1 сентября 2019 года. Вступительные экзамены можно будет сдать в любом из двух университетов, а обучение будет проходить как в МГУ, так и в БГУ.

Примечательно, что такое тесное сотрудничество между историческими факультетами двух вузов стимулировало расширение сотрудничества и между другими факультетами. Так были подписаны ряд рабочих программ между механико-математическими факультетами, не имевшими до этого детализированных соглашений о сотрудничестве. Эти рабочие программы предусматривают увеличение совместных научных проектов, а также стажировки студентов, магистрантов и аспирантов. Планируется открытие совместной магистратуры.

Также была принята программа сотрудничества между биологическими факультетами, направленная на интеграцию образовательного и научного потенциалов двух факультетов.

Прорывом в организации совместной деятельности двух вузов было и подписание рабочей программы сотрудничества между филологическими факультетами университетов. В соответствии с ней будет осуществляться учебно-методическое сопровождение белорусистики на филологическом факультете МГУ. а также совместная организация семинаров и мастер-классов по актуальным вопросам языкознания.

Ну и как подтверждение значимости осуществляемых мероприятий по сближению учебных школ БГУ и МГУ, а по большому счету и создание предпосылок единого образовательного пространства между Белоруссией и Россией, в российском и белорусском вузах был утвержден межуниверситетский праздник «День дружбы БГУ и

МГУ им.М.В.Ломоносова». Датой «Дня дружбы» принято считать 11 октября, именно в этот день в 1943 году под Москвой официально начались занятия на шести восстановленных факультетах ВГУ.[3,].

Процессы межрегионального сотрудничества в сфере образования характерны и для других вузов различных регионов Беларуси. Примером может служить международная деятельность в этой сфере Витебского государственного университета им. П.М.Машерова. На настоящий момент между ВГУ им. П.М.Машерова и вузами Российской Федерации заключены 55 договоров о сотрудничестве.

Наибольшая активность и многообразии в сотрудничестве отмечается между ВГУ имени П.М.Машерова и вузами приграничного региона: Смоленским государственным университетом, Псковским государственным университетом и Новгородским государственным университетом имени Ярослава Мудрого.

Сотрудничество осуществляется по различным направлениям и аспектам деятельности. Это и участие студентов и преподавателей в совместных научных конференциях, это и обмен, хотя и немногочисленными, группами студентов и магистрантов и их участие как в учебном процессе, так и в различных мероприятиях, к примеру Российско-Беларусский фестиваль современного творчества «Навстречу к звездам», проходившем в г. Смоленске в августе 2018 года.

Примечательно в этом сотрудничестве то, что основной упор в совместной деятельности уделяется на разработку и изучение проблем, связанных с процессами становления и развития Союзного государства России и Белорусии, с проблемами создания единого образовательного пространства Союзного государства. Из мероприятий последних лет следует отметить стажировку в ВГУ имени П.М.Машерова 4 магистрантов и преподавателя из Псковского государственного университета на базе исторического факультета; участие 9 преподавателей филологического факультета в совместной Международной конференции «Ономастика в Смоленске и Витебске: проблемы и перспективы исследования», которая прошла в Смоленске в апреле 2018 года; а также первая Российско-Беларусская образовательная сессия специалистов в области науки и образования, которая прошла на базе Смоленской областной общественной организации «Российский союз молодежи», в которой приняли участие 5 человек из ВГУ.

Более углубленная деятельность и сотрудничество отмечается в направлениях научных исследований, которые поддерживаются и финансируются Белорусским Республиканским фондом фундаментальных исследований (БРФФИ). Во многом это проблемы регионального сотрудничества в сфере высшего образования и создания единого образовательного пространства Союзного государства. Так юридический факультет в период с 2013 по 2015 гг. реализовывал совместный проект БРФФИ и РГНФ «Криминальная виктимизация населения приграничных регионов Республики Беларусь и Российской Федерации (Витебская и Смоленская области): сравнительный анализ» совместно с негосударственным образовательным учреждением «Смоленский гуманитарный университет».

Кафедра общего и русского языкознания ВГУ осуществляла совместный научно-исследовательский проект БРФФИ и РГНФ «Общеславянские ценности в зеркале регионов (Владимирщина и Витебщина): язык как главная духовная ценность» с кафедрой русского языка Владимирского государственного университета имени Н.Г. и А.Г.Столетовых (2015-2017 гг.). В этот же период кафедра социально-педагогической работы ВГУ реализовала совместный исследовательский проект БРФФИ и РГНФ «Русский и белорусский фольклор как фактор формирования этнической идентичности детей младшего школьного возраста в поликультурном социуме» совместно с кафедрой общей и социальной психологии негосударственного образовательного учреждения «Смоленский гуманитарный университет». Результатами этой деятельности являются: проведение совместных итоговых конференций, издание коллективных монографий и учебных пособий.

Свой вклад в разработку данной тематики внесла и кафедра социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени П.М.Машерова. С 1

января 2012 года коллектив кафедры приступил к работе над темой НИР «Образы России и Беларуси. Контекст приграничья как специфической социокультурной общности». Разработка темы контролировалась и финансировалась Республиканским фондом фундаментальных исследований. Результатом ее было опубликование совместно с российскими учеными монографии «Образы России и Беларуси в контексте приграничья» Смоленск, 2013,- 235 с, и сборника материалов международной научно-практической конференции «Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности». Витебск, 2013 .

В 2015 году кафедра продолжила изучение данной научной темы и приняв участие в конкурсе БРФФИ выиграла научную тему «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья как основополагающие факторы приграничного сотрудничества». Проведенные исследования позволяют сделать вывод , что историческая память народов приграничья существенным образом влияет и определяет готовность населения приграничных регионов жить в общем, Союзном государстве. Вместе с тем нельзя не отметить, что оно носит пока субприграничный, локальный характер и не проняло форму глубокой интеграции. Обоснована необходимость создания единой концептуальной основы исторического образования молодежи Беларуси и России как важного фактора строительства Союзного государства.

В 2016-2017 году кафедра продолжила работу над научной темой БРФФИ «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско – российского приграничья как основополагающие факторы приграничного сотрудничества». В процессе исследования определены состояние исторического сознания и содержание ценностных ориентаций молодежи белорусско-российского приграничья. Результаты исследований опубликованы в 7 статьях в журналах из перечня ВАК и многочисленных сборниках материалов. Исследования, в том числе социологические опросы, показывают, что социокультурная среда белорусско-российского приграничья в ее нынешнем состоянии в целом способствует развитию интеграционных процессов. Исследования позволяют сделать вывод, что население белорусско-российского приграничья психологически, социокультурно, этноконфессионально и лингвистически хорошо адаптировано к осуществлению жизнедеятельности в Союзном государстве. Работа над темой закончена в марте 2017 года.

В 2017-2018 гг. кафедра продолжила работу над темой ГПНИ государственной программы научных исследований на 2016-2020 гг. по теме «Определить состояние социокультурной среды белорусско-российского приграничья и раскрыть ее влияние на ход интеграционных процессов и строительство Союзного государства». Итогом деятельности кафедры по изучению означенных проблем является проведение в 2017 году Международной научно-практической конференции «Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья», а также издание коллективной монографии «Глобализация, регионализация, пограничье»[3, С.] В результате проведенных исследований выявлено, что реализация курса Беларуси и России на всестороннее единение братских народов требует согласованного историко-идеологического обеспечения, особенно при разработке школьных и вузовских учебников по истории. Так же дан анализ основных принципов приграничного сотрудничества, принятых Советом Межпарламентской Ассамблеи СНГ. К ним относятся принципы равенства и взаимной ответственности, уважение суверенитета и территориальной целостности, неприкосновенности государственных границ, выполнение международных договоров и соглашений о приграничном сотрудничестве и др.

В целом можно отметить, что многолетняя и всесторонняя деятельность кафедры социально-гуманитарных наук Витебского государственного университета имени

П.М.Машерова внесла значительный вклад в изучение проблем процесса становления единого образовательного пространства России и Республики Беларусь и создания Союзного государства.

Литература

1. Выступление А.Г.Лукашенко на 5 форуме регионов России и Беларуси. [Электронный ресурс].- Режим доступа: [www. belta.by](http://www.belta.by). – Дата доступа : 20.19.2018.
2. Погребняк А.Б. Современный этап Болонского процесса и перспективы регионального сотрудничества в сфере образования./ П.А.Водопьянов и д.р.// Глобализация, регионализация , пограничье. Монография под науч. редакцией М.А.Слемнева. – Витебск: ВГУ имени П.М.Машерова, 2018. – 216 с.
3. В Москве прошел первый Межуниверситетский форум Союзного государства России и Беларуси. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: [teleskop. by.org](http://teleskop.by.org). – Дата доступа: 20.10.2018.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1939 Г.)

М.И. Старовойтов
г. Гомель ГГУ имени Ф. Скорины

Цель статьи – на основании архивных данных переписи 1939 г., которые еще недавно имели гриф «совершенно секретно», автором предпринята попытка установить достигнутый этносоциокультурный облик населения региона и, особенно, его белорусской части.

Ключевые слова: динамика численности населения; социокультурный облик; белорусско-российское пограничье; материалы переписи 1939 года.

Интерес обществоведов к региональной проблематике значительно возрос в условиях глобализации. Компаративистские исследования позволяют дать ответ на многие проблемы, порождённые XX веком. Их положительная и отрицательная составляющая ощущаются до настоящего времени. Изучение этносоциокультурных процессов приобрело особую актуальность в связи с развалом СССР. Исследование обозначенной проблемы на материалах белорусско-российского пограничья (БРП) вносит вклад в разработку белорусоведения и россияноведения. Подсчеты сделаны и таблицы составлены автором.

Экономические, социально-политические и культурные процессы 1920 – 1930-х годов оказали существенное влияние на демографическую и этнокультурную ситуацию как в СССР в целом, так и в союзных республиках и регионах. Разные показатели прироста или убыли населения хорошо видны по областям из таблицы 1 [1, л. 1; 2, л. 1; 4, л. 1; 5, л. 1; 6, л.3]. Они связаны с демографическими и урбанизационными процессами, внутриобластной, внутриреспубликанской и общесоюзной миграциями, с репрессивной политикой по отношению к сельскому населению во время коллективизации, которые в разной степени затронули население БРП. В 20–30-е годы XX в. экономика региона оставалась преимущественно аграрной, а не индустриальной, т. к. в сельском и лесном хозяйстве (с учетом крестьян-единоличников, лиц, занятых домашним подсобным сельским хозяйством) было занято абсолютное большинство населения. В белорусских городах БРП в 1939 г. проживало всего 23-28% населения, а в российских – 17-20 %.

Таблица 1 – Изменения в численности городского и сельского населения БРУП

области	на 1.01.1939 г. (чел.)			1939 г. в % к 1926 г.			гор. населен. (%)	
	город	село	всего	город	село	всего	1926 г.	1939 г.
Витебская	343811	937427	1281238	157,0	90,2	101,8	17,4	26,8
Гомельская	253365	655084	908449	161,9	104,9	116,3	20,0	27,9
Могилевская	316427	1084593	1401020	167,6	102,1	112,0	15,1	22,6
Орловская	692676	2840037	3532713	146,2	88,2	95,7	12,8	19,6
Смоленская	448044	2237985	2686029	165,7	81,9	89,5	9,0	16,7

Основная масса восточнославянского этноса проживала в деревне и была занята в сельскохозяйственном производстве. Доля белорусов среди жителей села Витебской области в 1939 г. составила 91,2%, а среди работников сельского хозяйства – 95,5%, Гомельской – соответственно 91,7 и 96,4, Могилевской – 92,2 и 96,1, Орловской и Смоленской – около 98% оба показателя. [1, лл. 6, 39; 2, лл. 6, 37; 4, лл. 6, 42; 5, л. 6; 6, л. 8].

Как видно из таблицы 2 [1, л. 6; 2, л. 6; 4, л. 6; 5, л. 6; 6, л. 8], наиболее высокий удельный вес полиэтничности был в белорусских областях, а в меньшей степени – в российских. В большей степени титульные этносы преобладали в российских областях, чем в белорусских областях.

Таблица 2 – Национальный состав населения БРУП в 1939 г. (в %)

области	Белорусы	Русские	Украинцы	Евреи	Поляки	прочие
Витебская	82,87	7,80	1,22	6,02	0,90	1,19
Гомельская	80,86	7,85	2,70	7,44	0,48	0,67
Могилевская	84,76	6,18	1,59	5,69	1,01	0,77
Орловская	0,34	97,26	0,93	1,00	0,06	0,41
Смоленская	0,63	96,59	0,72	1,23	0,12	0,71

Поскольку сельское население абсолютно преобладало в регионе нами представлена его социальная структура в таблицах 3 и 4 [7, лл.3, 23-25; 8, лл. 3, 23-25]. Из них видно, что 115 тыс. человек из всех имеющих занятия жителей села в Витебской области и 218 тыс. человек в Смоленской области уже не были связаны с сельскохозяйственным трудом. Они работали на предприятиях, в строительстве и на транспорте в качестве рабочих в городах и городских поселках, были служащими, большая часть которых трудилась в сфере образования, культуры, медицины, торговле в сельской местности. Их доля в составе сельского населения была еще небольшой (24,4% и 20,0% соответственно), но новые профессии и занятия положили начало изменению социокультурного облика села.

Таблица 3 – Состав занятого в сельском хозяйстве сельского населения БРП в 1939 г.

Общественные группы	Сельское население/жители			Сельское население/жители		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
	Витебская область			Смоленская область		
Рабочие	17 832	17 832	17 832	17 832	8 234	26 066
Служащие	3 511	3 511	3 511	3 511	827	4 338
Колхозники	323 494	323 494	323 494	323 494	484 927	808 431
Кустари	5	5	5	5	1	6
Единоличники	11 385	11 385	11 385	11 385	21 428	32 813
Итого	356 227	356 227	356 227	356 227	515 427	871 654

Таблица 4 – **Распределение всех жителей села БРП по общественным группам в 1939 г.**

Общественные группы	Витебская область			Смоленская область		
	Муж.	Жен.	Всего	Муж.	Жен.	Всего
Рабочие	52 188	16 221	68 409	99 436	44 208	143 644
Служащие	26 991	8 111	35 102	54 518	18 990	73 508
Колхозники	159 004	181 806	340 810	339 954	486 669	820 623
Коопкустари	2 232	701	2 933	3 669	1 718	5 387
Некоопкустари	1 980	570	2 550	5 446	1 188	6 634
Единоличники	8 721	12 483	21 204	12 374	21 604	33 978
Всего занято	251 116	219 892	471 008	515 397	574 377	1089774

О культурных процессах в 1920-1930-е годы можно судить по уровню грамотности и образования полиэтнического населения этого региона. В общем уровне грамотности населения БРУП в возрасте 9 лет и старше за 12-летний период между переписями произошло увеличение показателей. Так, уровень грамотности населения трех белорусских областей вырос с 54,4% до 79,6, двух российских – с 53,7 до 78,5%. [1, л. 3; 2, л. 3; 4, л. 3; 5, л. 3; 6, л. 5]. Более полную картину уровня грамотности и образования титульных этносов и национальных меньшинств дает таблица 5 [1, лл. 8-10; 2, лл. 8-10; 4, лл. 8-10; 5, лл. 7-9; 6, лл. 9-11]. Ее данные показывают, что этот уровень был ниже у титульных восточнославянских этносов, проживающих в своих областях, тогда как у этих же этносов, проживавших за пределами своих этнических территорий, он был выше. Это свидетельствует о более высокой профессиональной, социальной и культурной мобильности той части белорусов и русских, которые находились за пределами своих этнических территорий. Нами установлено ранее (имеются соответствующие публикации), что большая их часть стала жителями городов с их более высокой и перспективной социокультурной средой.

Таблица 5 – **Грамотность и образование основных национальностей БРП (1939 г., %)**

Основные национальности	Грамотность	Образование		
	9 лет и старше	Высшее	Среднее	Ниже среднего
Витебская область				
Белорусы	78,0	0,21	6,05	93,74
Русские	89,3	1,24	18,90	79,86
Украинцы	94,7	1,45	22,83	75,72
Евреи	92,7	1,60	18,33	80,07
Гомельская область				
Белорусы	78,1	0,20	5,63	94,17
Русские	90,7	1,42	18,74	79,84
Украинцы	91,2	1,13	17,12	81,75
Евреи	93,2	1,54	18,30	80,16
Могилевская область				
Белорусы	75,1	0,18	5,45	94,37
Русские	89,4	1,32	20,30	78,38
Украинцы	91,7	1,08	18,73	80,19
Евреи	92,2	1,28	16,07	82,65

Орловская область				
Русские	78,3	0,21	5,08	94,71
Украинцы	91,5	2,16	19,94	77,90
Евреи	94,1	2,46	20,99	76,55
Смоленская область				
Русские	77,8	0,22	5,56	94,22
Евреи	94,3	2,86	23,20	73,94
Украинцы	93,4	1,79	23,66	74,55
Белорусы	92,4	2,82	24,78	72,46

Что касается, например, белорусов, то показатели уровня грамотности и образования нами выявлены только у тех из них, кто проживал в Смоленской области. Однако есть основания считать, что такая тенденция наблюдалась у белорусов, проживавших и в других областях РСФСР. Так, В. Б. Жиромская пишет, что у белорусов, проживавших в России, 17,6% имели среднее образование [3, с. 183]. Это более чем в 3 раза превышало показатель их грамотности в БССР. В местах основного проживания у восточно-славянских народов уровень грамотности и образования был ниже, чем у национальных меньшинств. Это объясняется тем, что у белорусских и русских женщин, особенно старше 50 лет, этот показатель и в конце 1930-х годов был ниже, чем у неславянского женского населения. Все это существенно повлияло на общие показатели. Ни о какой «сплошной» грамотности населения в конце 1930-х годов говорить не приходится.

Даже такой краткий анализ оригинальных источников позволяет утверждать, что к концу 1930-х годов произошли значительные количественные и качественные изменения в составе населения БРП, вызванные экономическими, социально-политическими и демографическими процессами, обусловленными советской мобилизационной модернизацией, которая меняла и социальную и культурную среду города и села. Было положено начало существенным изменениям в социальном и культурном облике населения региона, особенно, этнических белорусов. При несомненных успехах, уровень грамотности и образования населения еще не соответствовал потребностям экономики и культуры. По этому показателю сельское население еще отставало от городского. Это в значительной степени сдерживало и социокультурные процессы в регионе.

Литература

1. Российский государственный архив экономики (РГАЭ). – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 375.
2. РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 376.
3. Жиромская, В.Б. Демографическая история России в 1930-е гг. Взгляд в неизвестное / В.Б. Жиромская. – М.: РОССПЭН, 2001. – 280 с.
4. РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 379.
5. РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 317.
6. РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 325.
7. РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 547.
8. РГАЭ. – Фонд. 1562. – Оп. 336. – Д. 497.

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Л.Ф. Трацевская

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, tracevskaya1954@gmail.com

В статье рассматриваются некоторые аспекты производственно-экономического сотрудничества Витебской области с приграничными регионами Российской Федерации. Его активизация дает возможность дальнейшего развития взаимоотношений между двумя родственными экономиками и народами. Цель статьи – анализ функциональных трансграничных связей приграничных регионов Витебщины и России.

Ключевые слова: экономика, приграничное сотрудничество, регион, трансграничные связи.

Мировая экономика на современном этапе развития характеризуется большим разнообразием форм международного сотрудничества, что сопровождается появлением новых участников этих отношений. Среди последних все более заметными становятся регионы как самостоятельные субъекты мирохозяйственных связей. В основе обозначившейся тенденции лежит их стремление к повышению экономической самостоятельности, инициативы и конкурентоспособности. Данное обстоятельство способствует развитию региональных форм экономической интеграции, в частности, экономическому сотрудничеству сопредельных территорий стран. Республика Беларусь, осознавая значимость интеграционных процессов для устойчивого развития национальной экономики, особое внимание уделяет разностороннему взаимодействию своих регионов, граничащих с таким знаковым макроэкономическим партнером, как Российская Федерация. В этой связи активизация приграничного экономического сотрудничества выступает важным фактором развития и укрепления Союзного государства Беларуси и России.

Конкретизируя эту общую закономерность применительно к условиям Витебской области, необходимо отметить, что она граничит со Смоленской и Псковской областями. Взаимодействие с данными российскими регионами занимает особое место в трансграничных экономических отношениях Витебщины с сопредельными государствами. Оно осуществляется в рамках Концепции межрегионального и приграничного сотрудничества государств-участников СНГ и в соответствии с региональными соглашениями с администрациями Псковской и Смоленской областей, райисполкомами городов Смоленск, Псков, Вязьма, Велиж, Новосокольники, Печоры, Красное. Смоленская область по объему товарооборота и экспорта входит в тройку российских регионов, являющихся основными торговыми партнерами области, уступая Москве и Московской области. Ее доля в межрегиональном внешнеторговом обороте с Витебской областью составляет 80%. Вывозятся в Смоленскую область почти все группы товаров, производимых в Витебском регионе (более 250 наименований). Наибольший удельный вес в экспорте имеют продовольствие (35%), полиэтилен (19%), обувь (9,7%), стройматериалы (9,3%) [1, с. 15]. В качестве дилеров и региональных представителей таких ведущих предприятий Витебской области, как ОАО «Молоко», ОАО «Витязь», СП «Белвест», ЧУП «Марко», ОАО «Витебские ковры», КПУП «Обольский керамический завод», на Смоленщине зарегистрировано более 110 субъектов хозяйствования. В свою очередь, в Смоленской области ООО «Модерн» (г. Орша) закупает пряжу и нити для производства трикотажного полотна и трикотажных изделий. Витебское предприятие «Полимерконструкция» является участником смоленской программы по очистке сточных вод и установке станций обезжелезивания, поставляя оборудование для полного цикла водоподготов-

ки. Экспортируются в Смоленск разнообразные изделия из ПВХ (окна двери, подоконники), сырье для производства которых ввозится из Смоленской области.

Между Витебской и Смоленской областями налажено широкое культурное сотрудничество. Так, в Международном фестивале песни и музыки «Днепровские голоса», проводимом в городе Дубровно, традиционно участвуют творческие коллективы Смоленска и поселка Красный Смоленской области. В свою очередь, исполнители из Витебска и Витебского района принимают участие в Международном конкурсе молодых исполнителей эстрадной песни в Велиже. Кроме того, наблюдается тесное межрегиональное сотрудничество в сфере образования: заключен договор о сотрудничестве между УО «Государственная гимназия №4» города Витебска и гимназией эстетического профиля города Смоленска, продолжают действовать межвузовские договоры о сотрудничестве между УО «Витебский государственный университет им. П.М. Машерова» и Смоленским государственным университетом, УО «Витебский государственный медицинский университет» осуществляет совместный проект по дистанционному обучению слушателей ФПК и ПК ВГМУ в качестве регионального центра.

Что же касается сотрудничества с Псковской областью, то среди экспортируемых в данный регион товаров преобладают мясомолочная продукция, картофель, хлебобулочные изделия, минеральная вода, строительные материалы, изделия из ПВХ, ковровые изделия, стекловолокно и изделия из него, обувь, полиэтилен, телевизоры. С целью наращивания экспортного потенциала в Псковской области созданы дилерские сети Городокской птицефабрики и ОАО «Полоцкое пиво», сервисный центр ОАО «Витязь». Кроме того, на Псковщине регулярно проводятся выставки-ярмарки товаропроизводителей Витебского региона, совместные заседания областных Союзов промышленников и предпринимателей, отделений торгово-промышленных палат, которые сотрудничают на протяжении уже более 10 лет [2, с. 194]. Особое значение для укрепления трансграничных связей Витебской и Псковской областей имеет сотрудничество в сфере спорта и туризма, чему способствовало совещание «О взаимодействии белорусских и российских министерств и ведомств по развитию туризма, физической культуры и спорта в рамках Союзного государства», проведенное в Витебске. На нем обсуждался вопрос создания трансграничного туристического маршрута по заповедникам данных двух регионов.

Дальнейшему развитию эффективного сотрудничества Витебской области с сопредельными регионами Российской Федерации, по нашему мнению, может способствовать следующее [3, с. 116]:

- совершенствование механизма валютно-финансового и денежно-кредитного регулирования;
- создание устойчивого правового обеспечения внешнеэкономической деятельности;
- наращивание экспорта в направлении роста доли готовой продукции с повышенной степенью обработки;
- организация в приграничных российских регионах Деловых центров реализации товаров, производимых в Витебской области, и постоянно действующих их экспозиций;
- всемерное расширение и диверсификация экспорта услуг за счет подготовки информационных материалов о возможности предоставления Витебской областью туристических и рекреационных услуг, направление их через Посольство Республики Беларусь в Российской Федерации в сопредельные российские регионы;
- увеличение объемов строительных работ на территориях Смоленской и Псковской областей путем освоения тендерной практики получения заказов;

- создание и постоянное обновление электронной версии рекламы всей номенклатуры товаров и услуг, производимых и предоставляемых предприятиями и организациями Витебщины.

Данные мероприятия позволят придать больший динамизм развитию трансграничного взаимодействия Витебской, Смоленской и Псковской областей, способствуя устойчивому развитию данных приграничных регионов и их конкурентоспособности, формируя позитивный имидж макроэкономического партнерства между Беларусью и Россией и выступая весомым фактором становления Союзного государства.

Литература

1. Социально-экономическое положение Витебской области в январе-декабре 2017 г. / Доклад Главного стат. управления Витебской области. – Витебск, 2018. – 270 с.

2. Трацевская, Л.Ф. Приграничное экономическое сотрудничество Витебской области с регионами Российской Федерации как фактор становления Союзного государства Беларуси и России / Л.Ф. Трацевская // Ценностные ориентации и историческое сознание населения белорусско-российского приграничья: материалы докладов междунар. науч.-практ. конф. (Витебск, 2 февраля 2017 г.). – Витебск: ВГУ имени П.М. Машерова, 2017. – С. 194-196.

3. Трацевская, Л.Ф. Экономическая оценка современного состояния приграничного сотрудничества Витебской области с регионами Российской Федерации / Л.Ф. Трацевская // Состояние и перспективы развития белорусско-российского приграничья как специфической социокультурной реальности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., Витебск, 26-27 нояб. 2013 г. – Витебск: УО «ВГУ имени П.М. Машерова», 2013. – С. 115-117.

ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ

Н.Л. Улейчик

г. Гродно, ГрГУ им. Я.Купалы, un161@mail.ru

Цель статьи – раскрыть содержание этнокультурного образования в Гродненской области как белорусско-польско-литовского пограничья. В статье раскрывается понятие этнокультурного образования, выявляются его формы.

Ключевые слова: национальные общности, этнокультурное образование, белорусско-польско-литовского пограничье.

Стратегиями этнокультурного развития Республики Беларусь выступают, с одной стороны, консолидация белорусского народа как политического сообщества, с другой – признание его многонационального характера и создание юридических и практических возможностей для удовлетворения культурных потребностей образующих его национальных групп. Эти стратегии имеют как общегосударственное перспективное значение, так и региональную специфику своей реализации, которая наиболее явно проявляется в ареале белорусско-польско-литовского пограничья как наиболее вариативного с точки зрения национальной структуры региона.

Гродненский регион представляет собой область исторического взаимодействия различных этносов и их культур. В этом взаимодействии проявляется достаточно противоречивая тенденция. С одной стороны имеют место явные признаки отчуждения национальной культуры основных этносов региона, и эти потери оказались неизбежным результатом их многовекового совместного существования в едином регионе, и внеш-

них условий, далеко не всегда благоприятных для развития национальных культур. С другой стороны, специфичным оказывается сочетание ассимиляции и стремления к самосохранению и самовоспроизводству этносов и их культур. Поэтому как пограничная культура белорусско-польско-литовского пограничья демонстрирует не столько способность к продуктивному сотрудничеству и взаимообогащению, сколько определенного рода консервацию истинно «своего», национального.

Бесспорным условием удовлетворения культурных потребностей национальных общностей является этнокультурное образование. Понятие этнокультурного образования появилось лишь в конце XX в. Сегодня оно становится активным элементом социокультурной терминологии, хотя в его понимании нет единства. Этот термин употребляется наряду с терминами «этнорегиональное», «этнонациональное», «поликультурное» образование. Раскрывая основное значение термина, российская исследовательница А.Б.Афанасьева рассматривает этнокультурное образование «как целостный процесс изучения и практического освоения этнокультурного наследия (материального, духовного, социального), процесс становления и воспитания личности на традициях культуры этноса, сочетающий моноэтническую глубину постижения родной культуры и полиэтническую широту» [1, с.101].

К середине 1990-х годов была создана законодательная база возрождения белорусского языка и культуры, языков и культур всех национальных общностей Республики Беларусь. В белорусском законодательстве был избран принцип предоставления этническим группам прав, которые позволяют им сохранять свою культурную самобытность. Во второй половине 1990-х годов – 2000-е годы продолжался процесс уточнения и оптимизации законодательной базы государственной этнокультурной политики с учетом социокультурного положения и этнокультурных потребностей каждой этнической общности как составной части белорусского народа.

В рамках государственной системы образования действуют государственные общеобразовательные школы с польским языком обучения (СШ №36 в г. Гродно и СШ №8 в г. Волковыске, в которых в 2017/2018 учебном году обучались 838 учащихся). Польский язык изучали в 56 учреждениях общего и школьного образования [2].

Главная задача польских школ – создание благоприятных условий для развития личности, поддержания и развития польского национального и этнического самосознания путем формирования уважения к представителям другой национальности [3]. Школы являются культурно-просветительными центрами польской национальной общности, активным носителем польской и белорусской культуры. Совместными усилиями органов образования и польских общественных объединений проводятся районные и областные мероприятия со школьниками: ежегодный орфографический конкурс, Неделя памяти Э. Ожешко, конкурсы «Мой родной край», конкурс декламаторов польской поэзии имени А.Мицкевича, фестиваль-конкурс «Родина любимая моя» и т.д. Здесь сформировался свой стиль жизнедеятельности, благоприятный климат, что, несомненно, способствует воспитанию и обучению подрастающего поколения. Постоянно поддерживаются связи с польскими общественными объединениями в РП в культурном и образовательном плане.

Для удовлетворения потребностей литовской национальной общности функционируют 2 школы с литовским языком обучения – Пелясская средняя школа с обучением на литовском языке в Вороновском районе и Рымдунская средняя школа с литовским языком обучения в Островецком районе, в которых в 2017/2018 учебном году обучались 140 учащихся. В Рымдунском детском саду ведется воспитание детей на литовском языке (всего 11 человек) [2].

Основная задача литовской школы – сохранить и возродить традиции и обычаи литовцев края, где тесно переплелись и взаимодействуют несколько культур, языков и диа-

лектов. Весь учебный процесс в школе строится в соответствии с учебным планом, утвержденным Министерством образования Республики Беларусь и согласованным с Министерством образования и науки Литвы. 70 % дисциплин преподаются на литовском языке, кроме русского и белорусского языков и литературы, географии и истории Беларуси. Литовский язык и литовская литература изучаются по программам Министерства образования и науки Литовской Республики. Кроме литовского языка, факультативно изучают историю, культуру и литературу Литвы, а также краеведение. В четвертом классе преподается предмет «Моя родина – Беларусь» на белорусском языке. Пятиклассники изучают «Историю Беларуси». Таким образом, белорусская государственная программа обучения усваивается на литовском языке и по литовским учебникам, а количество часов, отведенных на государственные языки, делится на три части, потому что изучается ещё и литовский. В образовательном процессе используются учебники, изданные как в Республике Беларусь (на русском языке), так и в Литовской Республике (кроме «исключительно белорусских» предметов – история Беларуси, язык и литература).

Кроме того, в Гродненской области действуют кружки по изучению польского языка и истории в школах выходного дня, организованных польским общественным объединением «Polska Macierzy Szkolna Bialorusi» (Польская школа Отечества в Беларуси) и Домами поляков в Слониме, Новогрудке, Щучине, Лиде. Изучение литовского языка и литературы осуществляется также в школах выходного дня при литовских общественных объединениях «Тевине» в г. Гродно, «Рута» в г. Лида, «Гинтарас» г.п. Радунь Вороновского района.

Изучение родного языка, истории и культуры других национальных общностей (украинцев, евреев) в Гродненской области функционирует только в рамках школ выходного дня при национальных общественных объединениях. Всего на базе национальных общественных объединений в 2017/2018 учебном году функционировало 9 школ выходного дня, в которых свой родной язык, историю, традиции изучали 1440 представителей национальных общностей (поляки, литовцы, евреи)[2].

Этнокультурное образование реализуется также в работе библиотек, фольклорных коллективов, школьных музеев, в организации школьных праздников, фестивалей, приуроченных к знаменательным датам национального календаря, в участии в спортивных соревнованиях, в туристических программах и маршрутах по местам, связанным с национальной историей, с памятниками и персоналиями национальной культуры и т.п.

Этнокультурное образование предполагает изучение не только «своей» истории и культуры, но и истории, культуры, традиций других народов, имеющих давнюю традицию проживания на белорусской земле. Еще в начале 2000-х годов гродненский исследователь Н.Н. Беспамятных предложил «концентрическую» модель культурологического образования в ситуации культурного плюрализма. Подобная ситуация предопределяет возможность изучения культуры по методу «расширяющихся» кругов межкультурной коммуникации. Прежде всего, это полноценное, не искаженное, лишённое предрассудков и негативных стереотипов знание белорусами, поляками, русскими и другими общностями, проживающими в Республике Беларусь культуры друг друга. Для того чтобы убедиться в необходимости такого знания, достаточно задать школьникам вопрос о том, что им известно о культуре белорусских татар, русских староверов, литовцев или евреев, веками проживающих бок о бок с белорусами.

Знание о ближайших соседях необходимо. Оно формирует:

во-первых, осознание личностью собственной культурной идентичности как ценности (последнее принципиально важно для развития и самосохранения культуры самого белорусского этноса);

во-вторых, подобное знание способствует преодолению отчуждения и конформизма и формированию на этой основе полноценной межкультурной коммуникации;

в-третьих, способствует формированию плюралистического общества, в котором каждая культура рассматривается как ценность.

Полилингвизм гродненской молодежи помогает осмысливать иконические и иные символы других культур, осваивать их нормы и ценности (в том числе воплощенные в произведениях искусства). Последнее открывает возможность полноценного диалога с носителями культур ближайших соседей – поляков, россиян, литовцев, латышей, украинцев. Подобный диалог – реальность, если иметь в виду расширяющиеся межкультурные контакты, и необходимость с точки зрения перспектив глобального развития. Ответом на вызов глобализации в сфере культуры должно стать формирование «человека договаривающегося», желающего и умеющего вступать в диалог с представителями различных культур. А для этого надо знать, понимать и ценить как свою собственную культуру, так и культуры ближайших и более удаленных соседей [4, с.155].

Именно на этом пути видится роль этнокультурного образования как фактора поддержания стабильности белорусского общества при сохранении его культурного многообразия.

Литература

1. Афанасьева, А.Б. Этнокультурное образование как проблема современной педагогической науки / А.Б. Афанасьева // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. – 2008. – №68. – С.101. – Режим доступа: <http://cyberleninka.ru/article/n/etnokulturnoe-obrazovanie-kak-problema-sovremennoy-pedagogicheskoy-nauki#ixzz2yYtwD07c>. – Дата доступа: 11.04.2014.
2. Гродненщина многонациональная [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://region.grodno.by/ru/konfes-ru/>. – Дата доступа: 09.11.2018.
3. Устав государственного учреждения образования «Средняя школа № 36 г. Гродно с польским языком обучения». – Режим доступа: <http://www.sch36.grodno.unibel.by/main.aspx?uid=8>. – Дата доступа: 19.12.2017.
4. Этнокультурное развитие Республики Беларусь. Культура и образование этнонациональных меньшинств западного региона Беларуси в XX – начале XXI вв. как системообразующие основания этнокультурной идентичности наций и духовного прогресса белорусского общества: отчет о НИР (заключ.) / ГрГУ им. Я.Купалы; рук. темы Н.Л. Улейчик. – Гродно, 2015. – 174 с. – № ГР20120676.

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СДЕЛОК В СОВРЕМЕННЫХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

И.И. Шматков

г. Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова, kafedragppg@yandex.by

Цель статьи – раскрыть особенности регулирования внешнеторговых сделок на современном этапе ведения бизнеса.

Ключевые слова: внешнеторговый договор, международные конвенция, ИНКОТЕРМС, УНИДРУА.

Сотрудничество Беларуси с другими государствами, в том числе имеющими с нами общую границу, осуществляется на основе различных правовых документов.

Международным источником, регулирующим внешнеэкономические сделки, является Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров, подписанная в Вене, в 1980 г. В настоящее время к ней присоединилось 85 государств.

Положения Конвенции являются юридически обязательными для всех лиц, находящихся под юрисдикцией государства – участника Конвенции. Вместе с тем Конвенция имеет диспозитивный характер, который предполагает возможность отказаться от ряда положений Конвенции как непосредственно государствам при ее подписании, а также сами стороны в договоре могут указать оговорку о том, что они не связаны обязательствами отдельных норм или частей Конвенции. В том случае, если договор не содержит подобных предписаний Конвенция применяется в том объеме, в котором она была ратифицирована государством, правовая система которого является компетентной для регулирования.

В 1985 г. чрезвычайная сессия Гаагской конференции по международному частному праву разработала проект новой универсальной Конвенции о праве, применимом к договорам международной купли-продажи товаров, который был принят в 1986 г. на специальной дипломатической конференции. Ее нормы, с одной стороны, были призваны заменить положения Гаагской конвенции 1955г., а с другой, дополнить материально-правовые нормы Венской конвенции ООН о договорах международной купле продажи товаров 1980г. необходимыми коллизионными правилами.

Конвенция об исковой давности в международной купле-продаже товаров, Нью-Йорк, 1974 г. Конвенция об исковой давности устанавливает единообразные нормы, регулирующие срок, в течение которого сторона договора международной купли-продажи товаров должна возбудить против другой стороны судебное разбирательство для предъявления требования, вытекающего из договора или связанного с его нарушением, прекращением или недействительностью. Тем самым она вносит ясность и предсказуемость в отношении одного из аспектов, имеющих большое значение для рассмотрения иска.

Широкое распространение в сфере международной торговли получили типовые контракты, общие условия, своды единообразных правил, общие принципы, кодексы поведения и т.д., подготавливаемые различными организациями деловых кругов. Это документы негосударственного происхождения, содержащие единообразные правила поведения в различных областях международных хозяйственных отношений, но не являющиеся законодательством в его традиционном понимании. Нельзя не заметить, что регулирующее значение актов негосударственного происхождения неуклонно возрастает. Отсюда настоятельная потребность в уяснении их правовой природы и места, которое они занимают в том числе, в белорусской системе правового регулирования ВЭД.

Особую значимость при осуществлении внешнеторговых операций имеют торговые обычаи. Заключая внешнеторговый договор, партнеры должны четко распределить между собой многочисленные обязанности, связанные с доставкой товара от продавца к покупателю (транспортировка, страхование в пути, оформление таможенных документов и т.д.). Для единообразного понимания прав и обязанностей сторон контракта деловой практикой были выработаны базисные условия поставки, которые определяют обязанности продавца и покупателя по доставке товаров, устанавливают момент перехода риска случайной гибели или порчи товара с продавца на покупателя. Виды и трактовка базисных условий контрактов в практике складывались в течение длительного периода времени и аккумулировали торговую практику ведущих стран – участниц международной торговли. Базисными указанные условия контракта называются потому, что в зависимости от избранного сторонами условия рассчитывается базис цены. Иными словами, чем больше обязанностей по контракту лежит на продавце, тем выше цена поставки, поскольку в цену включаются все действия и связанные с ними расходы продавца. Каждое базисное условие в процессе его длительного применения получило собственное наименование: «франко-завод», «франко-перевозчик», «свободно вдоль борта судна» и т.д. Эти наименования известны в настоящее время как торговые термины.

Таким образом, под словами базисные условия поставки и торговые (коммерческие) термины понимается, по сути, одно и то же. По своей юридической природе торговые термины (базисные условия поставки) являются правовыми торговыми обычаями. В настоящее время эти обычаи позитивированы (записаны) и систематизированы, что, однако, вовсе не изменяет их обычного (а не законодательного) значения.

Большую работу по выработке общего подхода к толкованию коммерческих терминов провела Международная торговая палата. Эта авторитетная международная организация обобщила и систематизировала применяемые в отдельных странах торговые термины, издав их в виде специального сборника – «Инкотермс». «Инкотермс» (Incoterms – International Commercial Terms – Международные коммерческие термины) впервые были опубликованы в 1936 году под полным названием – Правила толкования международных коммерческих терминов – Инкотермс. Последующие редакции данного документа (в 1953, 1967, 1976, 1980, 1990, 2000, 2010 г.) отражали потребность обобщения коммерческой практики, согласование единообразных правил толкования общепринятых ключевых понятий и обеспечение их широкого применения. В них получили отражение изменения в технике взаимоотношений сторон по договору международной купли-продажи товаров. С этой целью МТП не только последовательно публикует Инкотермс в различных редакциях, но и обеспечивает потребности коммерсантов путем публикации Комментариев к Инкотермс.

Инкотермс предназначен для урегулирования юридических и коммерческих вопросов, которые не нашли отражения в Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980г. и не всегда одинаково понимаются в разных странах. Следует подчеркнуть, что в Республике Беларусь Инкотермс применяется только в том случае, если на него сделана прямая ссылка в договоре и, при этом, в нём не предусмотрено иного, чем в тексте Инкотермс. Кроме того, сторонам по договору купли-продажи настоятельно рекомендуется включать в договор при согласовании соответствующего торгового термина указание на Инкотермс 2010 для уточнения применения именно данной редакции, с тем, чтобы избежать применения предыдущих редакций и недопонимания сторонами конкретного содержания того или иного термина.

Важно отметить, что Инкотермс содержит правила об обязанностях сторон договора международной купли-продажи товаров, оставляя в стороне как вопросы реализации принадлежащих сторонам по данному договору прав, так и вопросы, возникающие из смежных договоров, заключаемых согласно тому или иному торговому термину (договоры перевозки и страхования).

Следует также обратить внимание на круг вопросов, которые в Инкотермс не урегулированы. Прежде всего, в Инкотермс 2010, также, как и в Конвенции ООН о международных договорах купли-продажи товаров 1980г., отсутствуют правила о переходе права собственности с продавца на покупателя. Этот вопрос решается в соответствии с нормами применимого к данному отношению права. За рамками правил Инкотермс 2000 остались и последствия невыполнения сторонами обязательств по договору международной купли-продажи товаров, включая основания освобождения сторон от ответственности, что регламентируется либо Конвенцией ООН 1980 г., либо нормами применимого права.

Кроме Инкотермс, в системе нормативных актов негосударственного происхождения выделяют иные своды единообразных правил, а также типовые проформы, кодексы поведения, принципы коммерческих договоров и др. Под наименованием сводов единообразных правил рассматриваются в первую очередь публикации МТП. Это описанные выше Международные правила МТП по толкованию торговых терминов Инкотермс 2010, а также Унифицированные правила для документарных аккредитивов; Унифицированные правила по инкассо торговых документов; Унифицированные правила по договорным гарантиям, гарантиям по первому требованию и некоторые другие.

К этой же категории относят систематизированные своды морских обычаев Международного морского комитета – например, Йорк-Антверпенские правила по общей аварии. Юридическая природа указанных публикаций большинством авторов определяется как правовой обычай.

К так называемым типовым проформам относятся разрабатываемые как самими участниками делового оборота, так и международными организациями примерные формы контрактов, которые используются в деловой практике как образец, принимаемый за основу при заключении конкретного контракта. Типовые контракты призваны облегчить осуществление коммерческих операций и, как правило, учитывают и сложившуюся деловую практику, и международное регулирование соответствующих отношений, и национальное законодательство заинтересованных сторон. Большую известность получили общие условия и типовые контракты, подготовленные ЕЭК ООН. Ею разработано свыше трех десятков таких документов: на поставку машин и оборудования, куплю-продажу ряда других товаров, в частности, сырьевых и т.п.

Еще одной формой негосударственного регулирования являются Принципы международных коммерческих договоров, разработанные УНИДРУА в 1994г. Целью этого документа является установление сбалансированного свода норм, предназначенных для использования в международной торговой практике. В нем, в числе прочего, нашли свое отражение нормы, регулирующие общие положения в сфере договорных обязательств, процедуру заключения договора, его содержание, исполнение, толкование и т.д. Согласно тексту документа, Принципы УНИДРУА применяются, если в договоре стороны сделали на него прямую ссылку либо назвали в качестве регулятора отношений по контракту общие принципы права или аналогичные положения. Кроме того, Принципы УНИДРУА могут использоваться для толкования и восполнения содержания международных унифицированных правовых документов и для решения проблем, возникающих в ситуациях, когда установить соответствующую норму применимого права оказывается невозможным.

В сфере внешнеэкономической деятельности существует ряд международных соглашений и договоров, которые регулируют порядок заключения и исполнения внешнеэкономических сделок. Эти правила создаются в ходе деятельности участников делового оборота.

РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ЕДИНАЯ ПЕРСПЕКТИВНАЯ ТУРИСТСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ

Щербакова С.А.

г. Смоленск, Смоленский филиал РЭУ им. Г.В. Плеханова, sollos@mail.ru

Цель статьи – рассмотреть российско-белорусское приграничье как единую перспективную туристскую территорию. В статье автор уделяет особое внимание основным факторам, которые способствуют развитию туризма в российско-белорусском приграничье в современных условиях. Даются рекомендации по формированию и дальнейшему развитию туризма в российско-белорусского приграничья как единой туристской зоны.

Ключевые слова: российско-белорусское приграничье, туризм, туристская деятельность

Приграничные регионы для любого государства являются зоной особого внимания, особой территорией. Именно здесь все социально-экономические процессы подвержены влиянию дополнительных факторов, которыми являются государственные границы, социо- и этнокультурное влияние соседних стран и др. [4, с.58].

В последние годы приграничное положение приобретает всё большее значение и выступает в качестве нового фактора территориального экономического и социокультурного развития. На этом фоне особую привлекательность обретают приграничные регионы, где открываются новые возможности развития туризма как наиболее динамично развивающейся сферы деятельности [1, с.113].

Очевидно, что роль туризма в развитии приграничных территорий достаточно велика. Туризм способствует созданию новых рабочих мест, развитию производства товаров и услуг, туристской и сервисной инфраструктуры. Именно приграничный туризм дает достаточно быстрые экономические результаты и является стабильным в последние десятилетия, несмотря на факторы экономической и социальной нестабильности [6, с.153].

Российско-белорусское приграничье имеет все возможные предпосылки для рассмотрения этого региона в качестве единой перспективной туристской территории.

Российско-белорусское приграничье – это единая зона, которая включает в себя регионы Республики Беларусь (Витебская, Могилевская и Гомельская области) и регионы со стороны Российской Федерации (Псковская, Смоленская и Брянская области). Соседствующие области схожи не только своим приграничным положением в стране, но и некоторыми социально-экономическими характеристиками (уровень заработной платы, численность постоянного населения) и др.[3, с.48].

Общая площадь российско-белорусского приграничья составляет 247,4 тыс. км². Вместе с тем, на три российских региона в составе рассматриваемой единой приграничной зоны приходится всего 0,8% территории Российской Федерации, на три белорусских региона – более половины общей площади Республики Беларусь (52,7%)[5, с.10].

Аттрактивный природно-рекреационный потенциал и богатое историко-культурное наследие областей, входящих в российско-белорусское приграничье, являются важным фактором развития въездного туризма[2, с.133].

Российско-белорусское приграничье может гордиться множеством исторических памятников и архитектурных шедевров. Лидирующее положение, по мнению экспертов, в рейтинге самых привлекательных объектов посещения для туристов занимают Свято-Успенский Псково-Печерский мужской монастырь, Смоленская крепостная стена и Смоленский Свято-Успенский кафедральный собор, Государственный мемориальный историко-литературный и природно-ландшафтный музей-заповедник А. С. Пушкина «Михайловское» (Псковская область), Государственный мемориальный историко-литературный музей-заповедник Ф.И. Тютчева «Овстуг» (Брянская область) с российской стороны приграничья и Старый город Витебска, Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Софийский собор в г. Полоцк, музей-усадьба Ильи Репина «Здравнёво» в г. Витебск, историко-археологический музей и Замковая гора в г. Мстиславль (Могилёвская область) с белорусской стороны приграничья.

Количество туристов, которое российско-белорусское приграничье может принять за год, по приблизительным подсчётам исчисляется более 1,1 млн чел.

Помимо общего туристского ресурса -общее природное или историко-культурное наследиеможно выделить следующие основные условия развития туризма в единой территории российско-белорусского приграничья:

- контактность и открытость границы;
- соотношение цен;
- наличие и известность туристских достопримечательностей;
- качество предлагаемого туристского продукта;
- структура туристских предпочтений и др.

К сожалению, в настоящее время формирующаяся единая туристская территория российско-белорусского приграничья развивается медленно и не оченьнеэффективно. Казалось бы, созданы все предпосылки для развития туризма в условиях добрососед-

ского сотрудничества. Важным фактором является выгодное географическое положение региона в пределах «транспортного коридора», который связывает Московский столичный регион и Республику Беларусь с последующим выходом к странам Западной Европы. Также сложилось и взаимопонимание между представителями турбизнеса России и Беларуси в отношении реализации конкретных проектов в сфере туризма.

Для того чтобы начать активную деятельность по эффективному функционированию российско-белорусского приграничья как единой туристской территории следует выявить некоторые сдерживающие факторы развития въездного туризма.

Среди основных барьеров в достижении высоких результатов работы в сфере туризма в российско-белорусском приграничье можно выделить:

- отсутствие единой программы совместных мероприятий России и Белоруссии по развитию туризма в приграничных территориях;
- недостаточное количество совместных событийных туристских мероприятий;
- слабая разработанность трансграничных туристских маршрутов для конкретных целевых групп потребителей;
- неэффективный брендинг российско-белорусского приграничья как единой туристской территории;
- недостаточное рекламно-информационное продвижение туристского продукта приграничья и др.

Основными положительными эффектами развития туризма в российско-белорусском приграничье станут: приток денежных средств и улучшение социально-экономических показателей, активная инвестиционная политика, способствующая привлечению инвесторов для финансирования развития туристской индустрии, вход новых фирм на рынки туристских и гостиничных услуг, перевозок, питания, развлечений и др.

В качестве рекомендаций по формированию и развитию российско-белорусского приграничья как единой туристской территории можно отметить следующие:

- разработка Программы развития туризма в российско-белорусском приграничье с учетом предложений по осуществлению научных исследований, совместных белорусско-российских деловых встреч, рекламно-информационных туров, презентаций туристского потенциала регионов Беларуси и России, туристских обменов группами студентов, школьников, деятелей культуры, науки и спорта, проведению молодежных летних палаточных лагерей и других мероприятий;
- продолжение координации совместной деятельности в сфере туризма по сближению и гармонизации законодательства в области туризма как основного условия для создания совместного туристского продукта;
- содействие взаимному продвижению национальных туристских возможностей;
- проведение работы по созданию совместного реестра российских и белорусских туроператоров, средств размещения, объектов общественного питания и досугово-развлекательного комплекса, санаторно-курортных объектов для дальнейшего продвижения на национальных и международных рынках;
- проработка вопроса о совместном издании рекламного буклета на русском и английском языках о туристских возможностях России и Беларуси для распространения на национальных и международных туристских выставках;
- реализация идеи создания совместного караванинг-маршрута и соответствующей инфраструктуры на автодороге «Москва-Минск»;
- разработка критериев оценки городов для присвоения им статуса «Туристский центр российско-белорусского приграничья»;
- обмен опытом, оказание помощи в подготовке и переподготовке кадров для туристской индустрии.

Итак, совокупный ресурсный и туристско-рекреационный потенциал регионов, входящих в единую туристскую территорию российско-белорусское приграничье, грамотная совместная политика в области туризма, современная сеть туристских и сервисных предприятий, разнообразные туристские маршруты позволят обеспечить достойный приём и обслуживание значительного количества въездных туристов.

Исследование проведено при поддержке РФФИ и Администрации Смоленской области в рамках проекта № 18-45-670001 «Транспортная связность и туристская освоенность приграничных с Республикой Беларусь российских регионов»

Литература

1. Катровский А.П., Ковалев Ю.П., Мажар Л.Ю., Щербакова С.А. Туризм в приграничных регионах: теоретические аспекты географического изучения // Балтийский регион. 2017. Т. 9. № 1. С. 113–126.
2. Ковалев Ю. П. Туристско-рекреационный потенциал и развитие туризмов российско-белорусском пограничье // Региональные исследования. 2011. № 4. С. 133–143.
3. Корнеевец В. С. Классификация приграничных регионов России // Региональные исследования. 2010. № 4 (30). С. 48-53.
4. Мажар Л.Ю. Теоретические основы формирования трансграничных туристско-рекреационных систем // Туризм и региональное развитие. Выпуск 8. Смоленск, 2015. С. 58–63.
5. Ридевский Г.В., Шадраков, А.В., Катровский, А.П., Ковалёв Ю.П. Российско-белорусское приграничье: потенциал, вызовы времени и тенденции развития // Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития: сборник материалов международной конференции 13-14 октября 2016 года. Смоленск: Универсум, 2016. С. 9-20.
6. Щербакова С.А. Транзитный туризм в российско-белорусском приграничье // Российско-белорусское приграничье: проблемы и перспективы развития: сборник материалов международной конференции 13-14 октября 2016 года. Смоленск: Универсум, 2016. С. 153-159.

БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО

В.А. Янчук

г. Витебск, ВГУ имени П. М. Машерова, yanchuk_vit@tut.by

В статье анализируются соотношения категорий «социальное государство» и «социалистически ориентированное государство». С этой целью на основе матрицы социальных индикаторов определяется классификация государств по признаку социальной ориентации национальных экономических систем. Её образуют либеральные капиталистические, социализированные капиталистические и социалистически ориентированные государства. На этом основании делается вывод о том, что для Беларуси и России перспективной является социалистически ориентированная модель социального государства с элементами социализированной капиталистической экономики.

Ключевые слова: Союзное государство, социальное государство, либеральное капиталистическое государство, социализированное капиталистическое государство, социалистически ориентированное государство.

Социальная активность общества на современном этапе мирового развития в большой мере определяется степенью социальной ориентации государств. Поэтому для

стран, которые находятся в переходном состоянии, важно определить содержание и качество социальных отношений, понять законы и тенденции развития общества и на этой основе конструировать правовые механизмы государственного регулирования. Для анализа этой проблемы нужен соответствующий и формально непротиворечивый категориальный аппарат.

Многие обществоведы из постсоветских республик, на наш взгляд, не вполне четко представляют себе, в каком соотношении находятся такие категории, как «социальный» и «социалистический». На это, в частности, справедливо указывает видный белорусский юрист профессор Г. А. Василевич [1, с. 98]. В конституциях, например, Республики Беларусь и Российской Федерации в качестве сущностной характеристики государства используется категория «социальное государство», но при этом ее содержание или в достаточной мере не раскрывается, или конкретизируется противоречиво. И с этой точки зрения вряд ли можно согласиться с мнением Г. А. Василевича о том, что социальное государство принципиально отличается от социалистического [1, с. 98]. Любое государство по своей природе является социальным явлением. Сама государственность возникает только на определенном уровне развития социальных отношений и выражает главным образом либо национальный интерес, либо интересы какого-либо класса. Категория же «социальный» в свой объем включает, на наш взгляд, и категорию «социалистический» в качестве подчиненного элемента.

Системообразующими социальными индикаторами, составляющими социально-экономическую матрицу базовых моделей социального государства, являются: господствующая собственность на основные ресурсы общества; доминирующий социально-экономический субъект; характер отношений между экономическими субъектами; социальная и экономическая роль государства.

На современном этапе развития мирового сообщества, на наш взгляд, можно выделить три базовые модели социального государства: либеральное капиталистическое, социализированное капиталистическое и социалистически ориентированное.

Модель либерального капиталистического государства предполагает ориентацию правительственных структур, в первую очередь, на капиталистов-предпринимателей. Именно для этого класса создаются условия наибольшего благоприятствования и предоставляется максимально возможная экономическая свобода. В такой модели между экономическими субъектами господствуют и стимулируются отношения конкуренции, экономическая и социальная роль государства является минимальной, в производстве ВВП доминирует частнокапиталистический сектор экономики, невысока ставка подоходного налога. Распределение результатов производства осуществляется, главным образом, по капиталу и по цене рабочей силы. В этой модели высока дифференциация населения по доходам и по величине личного имущества. Лауреат Нобелевской премии американский экономист Джозеф Стиглиц, приведем пример, указывает на то, что в США, представляющим ядро капиталистического мира, 1% населения принадлежит до четверти национального дохода [2, с. 103]. Итальянский экономист и социолог Томас Пикетти в бестселлере «Капитал в XXI веке» на основе огромного систематизированного исторического материала пришел к заключению, сделанному Карлом Марксом еще более полтора века назад, что высокая степень неравенства – характерная черта капитализма [3]. Вместе с тем, справедливости ради скажем, в такой модели социального государства допускается и минимальная защищенность населения. Страны с либеральной капиталистической экономикой периодически подвергаются экономическим кризисам, что подтверждает и мировой кризис 2008-2009 гг. Главная их причина опре-

делена еще К. Марксом – противоречие между общественным характером производства и частным характером присвоения его результатов.

Социализированная капиталистическая модель социального государства – промежуточная базовая модель. Она присуща, например, многим странам Западной Европы. Ее основу также составляют капиталистические отношения. Капитализм в ней, по мнению ее творцов, «был, есть и будет, но надо придать ему человеческое лицо», которого лишен либеральный капитализм. Поэтому государство должно стремиться ликвидировать такие социальные пороки капитализма, как огромное неравенство между людьми по размерам доходов и личного имущества, большую безработицу и т.д. Для достижения этой цели государство проводит политику социального регулирования, реализуя принципы социального партнерства и солидарности между предпринимателями и наемными работниками. Кроме того, считается, что только государственное регулирование экономики может противостоять негативным внешним эффектам рыночного процесса (фиаско рынка). Однако и такая модель, хотя и сглаживает язвы капитализма, не исключает жестокую конкуренцию, кризисы и огромное неравенство в распределении национального дохода и богатства.

Социалистически ориентированная модель социального государства предполагает нацеленность национальной экономики на повышение уровня и качества жизни трудящихся, благосостояния всего общества в целом. Главные ее признаки следующие: господство общественных форм собственности на основные ресурсы общества; доминирование отношений сотрудничества и кооперации между субъектами хозяйствования; государственное социально-экономическое управление на основе широкого применения программно-целевого метода планирования; проведение сильной социальной политики; создание мотивационных экономических стимулов для всех экономически активных граждан; эффективное участие государства в развитии таких отраслей духовного производства, как наука, культура, образование. Социализм не умер, как предполагал известный американский философ и футуролог с японскими корнями Френсис Фукуяма. В КНР, к примеру, создают «социализм с китайской спецификой», полное название вьетнамского государства «Социалистическая Республика Вьетнам». Прибавим сюда Республику Куба и Северную Корею.

В настоящее время многие ученые пришли к выводу о том, что важнейшим условием повышения социально-экономической эффективности страны является **духовно-нравственное воспитание специалистов**. Так, например, известный американский профессор Линвуд Т. Гайгер, специалист в области макроэкономических исследований, в учебнике «Макроэкономическая теория и переходная экономика» [4] в 15-ти главах из 17-ти анализирует нравственные проблемы экономической деятельности человека.

Белорусская модель социального государства (БМСГ), по сути, позиционируется руководством страны как разновидность социалистически ориентированной модели. Важнейшими её признаками являются *экономический и социальный патернализм государства*. В Беларуси, как же и в России, ведущим предприятиям, попавшим в сложное финансово-экономическое положение, оказывается необходимая помощь. Формы применения государственного патернализма в хозяйственной практике, разумеется, будут модифицироваться, однако в любом случае государство должно защищать перспективные и жизненно важные для национальной экономики производства. Основными направлениями социальной политики в республике являются: создание условий для непрерывного роста благосостояния населения; повышение уровня занятости экономически активного населения; социально эффективное пенсионное обслуживание; регулирование доходов населения; формирование эффективной системы здравоохранения. В

Беларуси сохраняется мощный государственный сектор, в котором занято более половины всех работающих, а рыночный сектор естественно дополняется нерыночным сектором. Неверно, на мой взгляд, всю национальную экономику сводить только к рыночной экономике, как это часто делается.

Вместе с тем все более заметным становится то обстоятельство, что за пределы допустимого социальной ориентацией модели в ряде отраслей Беларуси выходит рыночный сектор. В вузах у нас, например, на платной основе обучаются более 50% всех студентов, тогда как в Германии и во Франции их доля составляет около 20%. Между тем именно качество образования определяет стратегическую перспективу Беларуси. При этом особое внимание следует уделить формированию у населения современного экономического мышления.

Противоречит декларируемой в Беларуси и в России национальной модели и ставка подоходного налога размером в 13%. Во всех странах с социализированной капиталистической ориентацией экономики, к слову скажем, она является прогрессивной. Чем плоха такая ставка? *Во-первых*, пропорциональный подоходный налог не соответствует принципам социальной справедливости и солидарности, которые предполагают перераспределение дохода от богатых к бедным. *Во-вторых*, уже с экономической точки зрения, такая ставка не является автоматическим регулятором циклического развития национальной экономики. Более эффективной была бы, к примеру, четырехступенчатая ставка подоходного налога: 0%, 10%, 15% и 20%. Ее подробное обоснование выходит за пределы статьи.

Кроме того, в нашей стране и в России преувеличивается роль конкуренции. Дело в том, что отношения между экономическими субъектами могут не только конкурентными, но и отношениями сотрудничества, кооперации и соревнования, в частности, в государственном секторе и между белорусскими предприятиями за границей.

Американский специалист по менеджменту и экономической психологии Эдвард де Боно глубоко анализирует отношения конкуренции и сотрудничества и приходит к выводу о том, что западная цивилизация одержима системой столкновений, противоборством. Более эффективными являются китайская и японская системы, предполагающие не столкновение, а согласие, сотрудничество, выработку удовлетворяющего все стороны решения [5, с. 129-131].

В целом сказанное позволяет, на наш взгляд, сделать вывод о том, что для Беларуси и России наиболее перспективной является социалистически ориентированная модель социального государства с элементами социализированной капиталистической экономики.

Литература

1. Василевич, Г. А. Конституционное право Республики Беларусь : учебник / Г. А. Василевич. – Минск :Вышэйшая школа, 2016. – 399 с.
2. Стиглиц, Джозеф. Великое разделение. Неравенство в обществе, или Что делать оставшимся 99% населения? / Джозеф Стиглиц : [пер. с англ. Ф. А. Исрафилова]. – Москва :Эксмо, 2016. – 480 с. (Top Economics Awards).
3. Пикетти, Томас. (1971-). Капитал в XXI веке / Томас Пикетти. – Москва: Ад Маргинем Пресс, 2016. – 592 с.
4. Гайгер, Линвуд Т. Макроэкономическая теория и переходная экономика: Пер. с англ. – М.: «ИНФРА-М», 1996. – 560 с.
5. Боно, Э. Нестандартное мышление: самоучитель / Э. Боно ;пер.с англ. Мн. : ООО «Попурри», 2006. – 271 с.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бельский Александр Михайлович, младший научный сотрудник Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета (г. Минск)

Болтрушевич Наталья Геннадьевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (г. Витебск)

Борботько Павел Валентинович, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и теории права ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Бородич Владимир Митрофанович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Брикса Юлия Олеговна, преподаватель учреждения образования «Полоцкий государственный университет» (г. Полоцк)

Верле Артем Викторович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Псковского государственного университета (г. Псков)

Вишневский Михаил Иванович, доктор философских наук, профессор, заслуженный работник образования Республики Беларусь, заведующий кафедрой философии МГУ имени А.А.Кулешова (г. Могилёв)

Вороненко Александр Иванович, старший преподаватель УО «ГГУ имени Ф. Скорины» (г. Гомель)

Вожгурова Оксана Владимировна, кандидат политических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Гавриленков Алексей Федорович, доктор исторических наук, кандидат философских наук, профессор кафедры социологии, философии и работы с молодежью Смоленского государственного университета (г. Смоленск)

Голубев В. А., аспирант Института философии НАН Беларуси (г. Минск)

Голубев В.Н., старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (г. Витебск)

Давлятова Елена Валентиновна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Далимаева Евгения Олеговна, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Дединкин Александр Леонидович кандидат исторических наук, доцент кафедры правоведения и социально-гуманитарных наук УО ФПБ «Международный университет “МИТСО”» Витебский филиал (г. Витебск)

Егоров Андрей Михайлович, кандидат исторических наук, кандидат исторических наук, доцент кафедры государственно-правовых дисциплин Псковского филиала Академии ФСИН России (г. Псков)

Егоров Игорь Андреевич, студент исторического факультета Псковского филиала Академии ФСИН России (г. Псков)

Ермак Юлия Геннадьевна, старший преподаватель кафедры туризма и культурного наследия учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Я. Купалы» (г. Гродно)

Козлов Андрей Викторович, аспирант ВГУ имени П.М. Машерова, отделение «Социальная философия» (г. Витебск)

Загорулько Регина Владимировна кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ВГУ имени П. М. Машерова (г. Витебск)

Колядко Илья Николаевич, магистр философских наук, преподаватель кафедры философии и методологии науки факультета философии и социальных наук Белорусского государственного университета

Коршукова Ольга Владимировна, студентка 4 курса, специальности «Социология» УО «МГУ имени А.А. Кулешова» (г. Могилев)

Косов Александр Петрович, заведующий аспирантурой ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Костючков Алексей Николаевич, старший преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Кривоносова Елена Эдвардовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Купченко Константин Владимирович, кандидат исторических наук, доцент Смоленского филиала Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Саратовская государственная юридическая академия» (г. Смоленск)

Лукина Лариса Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой философии и политологии учреждения образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины» (г. Витебск)

Мартён Майя Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и славянской истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно)

Мартинкевич Иван Анатольевич, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (г. Витебск)

Кулик Святослав Павлович, кандидат философских наук, доцент, заведующий кафедрой социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (г. Витебск)

Мусина Надежда Евгеньевна, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (г. Витебск)

Нейман Кристина Павловна, студентка 4 курса УО «МГУ имени А.А. Кулешова» (г. Могилёв)

Никитина Наталья Владимировна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории России ФРБОУ ВО «Смоленский государственный университет» (г. Смоленск, Россия)

Никонов А.Н., преподаватель кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (г. Витебск)

Одиноченко Виктор Александрович, кандидат философских наук, доцент кафедры философии учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» (г. Гомель)

Петров Анатолий Петрович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой уголовного права и уголовного процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Погребняк Анатолий Борисович, кандидат исторических наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Рудковский Эдвард Иосифович, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Сайганова Вероника Святославовна, кандидат философских наук, доцент, заведующая кафедрой философии и культуры Белорусского государственного университета (г. Минск)

Слемнёв Михаил Александрович, доктор философских наук, профессор кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный университет имени П.М. Машерова» (г. Витебск)

Смоляк Степан Григорьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии и политологии учреждения образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины» (г. Витебск)

Старовойтов Михаил Иванович, кандидат исторических наук, доцент учреждения образования «Гомельский госуниверситет имени Ф.Скорины» (г. Гомель)

Тетерина Вера Владимировна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры педагогики ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Тиханович Наталья Ульяновна, кандидат философских наук, доцент кафедры социально-гуманитарных наук учреждения образования «Витебский государственный ордена Дружбы народов медицинский университет» (г. Витебск)

Трацевская Людмила Федоровна, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Улейчик Наталья Леонидовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры всеобщей и славянской истории учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» (г. Гродно)

Чикиндин Максим Александрович, старший преподаватель кафедры философии и политологии учреждения образования «Витебская ордена “Знак Почета” государственная академия ветеринарной медицины» (г. Витебск)

Шматков Игорь Иванович, кандидат юридических наук, доцент, заведующий кафедрой гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Щербакова Светлана Александровна, кандидат географических наук, доцент кафедры менеджмента и таможенного дела Смоленского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова (г. Смоленск)

Янч Валерий Вацлавович, доцент кафедры истории и теории права, кандидат философских наук, декан факультета обучения иностранных граждан ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Янчук Валерий Александрович, кандидат экономических наук, доцент кафедры гражданского права и гражданского процесса ВГУ имени П.М. Машерова (г. Витебск)

Яценко Оксана Григорьевна, кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Беларуси учреждения образования «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины» (г. Гомель)

СОДЕРЖАНИЕ

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО	3
I. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПОИСК ЦЕННОСТНЫХ ОРИЕНТИРОВ РАЗВИТИЯ ОБЩЕСТВА В XXI СТОЛЕТИИ	4
Вишневский М.И. ФИЛОСОФСКО-МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ	4
Колядко Н.И. СОЦИОДИНАМИКА ЦИВИЛИЗАЦИЙ В ЭПОХУ ДИВЕРГЕНТНЫХ ТРЕНДОВ СОВРЕМЕННОГО ЭТАПА ГЛОБАЛИЗАЦИИ	7
Косов А.П. ГЛОБАЛИЗАЦИЯ И НОВЫЙ МИРОВОЙ ПОРЯДОК В ОЦЕНКАХ ПРЕДСТАВИТЕЛЕЙ РОССИЙСКОГО ПОЛИТИКО-АКАДЕМИЧЕСКОГО СООБЩЕСТВА	9
Кривоносова Е.Э. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ КРИЗИС СОВРЕМЕННОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ И ПРОЕКТИРОВАНИЕ БУДУЩЕГО	13
Рудковский Э.И. КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ И РЕГИОНАЛЬНЫХ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ ...	15
Слемнёв М.А. ЦЕННОСТНЫЕ ОРИЕНТИРЫ РАЗВИТИЯ СОВРЕМЕННОГО СОЦИУМА	17
II. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА КАК РЕЗУЛЬТАТ И УСЛОВИЕ ЖИЗНЕДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЧЕЛОВЕКА. АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ, КУЛЬТУРАЛИЗАЦИИ И ИНКУЛЬТУРАЛИЗАЦИИ ЛИЧНОСТИ В ГЛОБАЛИЗИРУЮЩЕМСЯ МИРЕ	21
Бельский А.М. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ: ФАКТОРЫ И ТЕНДЕНЦИИ	21
Болтрушевич Н.Г. ГОСУДАРСТВЕННО-ЦЕРКОВНЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЕ СОВЕТСКОГО ОБЩЕСТВА 1941-1953 гг. (НА ПРИМЕРЕ РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ)	24
Борботько П.В. ВОПРОСЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ С ВЫСШИМ ОБРАЗОВАНИЕМ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ	28
Вороненко А.И. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ПОДХОД В СОВРЕМЕННОЙ СОЦИОЛОГИИ ОБРАЗОВАНИЯ: ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ	31
Брикса Ю.О. РОЛЬ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ В РАЗВИТИИ НРАВСТВЕННЫХ ЦЕННОСТЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ-ПОГРАНИЧНИКОВ И ИХ ВЛИЯНИЕ НА ПРОФЕССИОНАЛЬНУЮ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	34
Голубев В.А. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ГЕРМАНИИ КАК ОДИН ИЗ КЛЮЧЕВЫХ ФАКТОРОВ УСТАНОВЛЕНИЯ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ	36
Голубев В.Н. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА КАК УСЛОВИЕ ИНКУЛЬТУРАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ	38
Далимаева Е.О. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И ДОСУГОВЫЕ ПРЕДПОЧТЕНИЯ МОЛОДЕЖИ	41

Ермак Ю.Г. ПОЕЗДКИ ЗА ГРАНИЦУ КАК СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ЧЕРТА ЕВРЕЙСКИХ ЖЕНЩИН БЕЛАРУСИ (ВТ. ПОЛ. XIX – НАЧ. XX В.).....	43
Козлов А.В. СОЦИАЛЬНО-ОРИЕНТИРОВАННОЕ ГОСУДАРСТВО И РАЗВИТИЕ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВАНИЯ	46
Корушкова О.В. МЕДИКО-СОЦИАЛЬНАЯ РЕАБИЛИТАЦИЯ МОЛОДЫХ ЛЮДЕЙ С ИНВАЛИДНОСТЬЮ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ	50
Костючков А.Н. ВЛИЯНИЕ КИНЕМАТОГРАФА НА МЕЖДУНАРОД- НЫЙ ОБРАЗ СТРАНЫ	52
Лукина Л.В. ДУХОВНО-ЭТИЧЕСКАЯ СИНЕРГИЧНОСТЬ СРЕДЫ БИОЭТИКИ	56
Мартинкевич И.А., Кулик С.П. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ВУЗА В УСЛОВИЯХ ИНФОРМАТИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА	58
Мусина Н.Е. МОЛОДЕЖЬ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ: ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛИЗАЦИИ	61
Нейман К.П. СОЦИАЛЬНЫЕ НОРМЫ В ОРГАНИЗАЦИИ: ПОНЯТИЕ И ВИДЫ	64
Никитина Н.В. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА ГОРОДОВ РОССИЙСКО- БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ ЕКАТЕРИНЫ II (ПОСЛЕДНЯЯ ТРЕТЬ XVIII ВЕКА)	67
Никонов А.Н. АНАЛИЗ ПОНЯТИЯ «СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА» И ЕЁ СИСТЕМНЫЕ ЭЛЕМЕНТЫ	73
Одиноченко В.А. КУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО СОВРЕМЕННОЙ БЕЛАРУСИ: ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ	75
Погребняк А.Б., Вожгурова О.В. ОСОБЕННОСТИ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В СОЦИОКУЛЬТУРНУЮ СРЕДУ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ	78
Сайганова В.С. СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА И РАЦИОНАЛИСТИЧЕС- КИЙ ИСТОРИЗМ П. БУРДЬЕ	81
Смоляк С.Г. ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ ЛИЧНОСТИ И СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ КАК ПРОЦЕССУАЛЬНОСТЬ	83
Тиханович Н.У., Кулик С.П. АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ПРОБЛЕМА ФОРМИРОВАНИЯ ЗДОРОВЬЕЦЕНТРИСТСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ	86
Чикиндин М.А. ИМИДЖ КАК КОММУНИКАТИВНО-УПРАВЛЕН- ЧЕСКИЙ ФЕНОМЕН: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	88
Янч В.В. ПРОБЛЕМЫ АДАПТАЦИИ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН К УЧЕБНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	92
Ященко О.Г. ТРАНСФОРМАЦИЯ ДЕТСКОЙ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ ГОРОДА СЛОНИМА В 1939 ГОДУ	95

III. ЧЕЛОВЕК В КУЛЬТУРНОМ ПРИГРАНИЧЬЕ.	
СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА ПРИГРАНИЧНЫХ РЕГИОНОВ БЕЛАРУСИ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ПРИГРАНИЧНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА	
Бородич В.М. СРЕДА И ГРАНИЦЫ: ЛИЧНОСТЬ, КУЛЬТУРА, ЦИВИЛИЗАЦИЯ	98
Верле А.В. РАЗЛИЧИЕ И БЕЗРАЗЛИЧИЕ: ЗАМЕТКИ К АНТРОПО- ЛОГИИ ГРАНИЦЫ	104
Гавриленков А.Ф. К ВОПРОСУ О ВЗАИМОДЕЙСТВИИ КУЛЬТУР НА БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОМ ПРИГРАНИЧЬЕ НА РУБЕЖЕ XIX–XX ВВ.	107

Давлятова Е.В. СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПРИГРАНИЧНОГО РЕГИОНА ГЛАЗАМИ МОЛОДЕЖИ	110
Егоров А.М., Егоров И.А. ПРАВОВАЯ КУЛЬТУРА ПОГРАНИЧНОГО РЕГИОНА НАКАНУНЕ РАСПАДА СОВЕТСКОГО СОЮЗА: ПО МАТЕРИАЛАМ РАБОТЫ СУДЕБНЫХ УЧРЕЖДЕНИЙ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ (ИСТОРИКО-ПРАВОВОЙ АСПЕКТ)	112
Загорулько Р.В., Дединкин А.Л., Тетерина В.В. ПОТЕНЦИАЛ СРАВНИТЕЛЬНОЙ ПЕДАГОГИКИ В УСЛОВИЯХ ПРИГРАНИЧЬЯ	115
Купченко К.В. ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ГОРОДОВ СМОЛЕНСКОГО РЕГИОНА ВО ВРЕМЯ ВОЙН ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА. К ВОПРОСУ ОБ ИСТОРИИ ГОРОДОВ РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОГО ПРИГРАНИЧЬЯ В ЭКСТРЕМАЛЬНЫЕ ЭПОХИ	118
Мартен М.В. ПОЛИЭТНИЧНОСТЬ ГРОДНЕНСКОГО РЕГИОНА КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ СРЕДЫ	120
Петров А.П. ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ ОТНОШЕНИЙ МЕЖДУ БЕЛАРУСЬЮ И РОССИЕЙ НА РУБЕЖЕ XX И XXI ВЕКОВ	123
Погребняк А.Б. СТАНОВЛЕНИЕ ЕДИНОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА СОЮЗНОГО ГОСУДАРСТВА РОССИИ И БЕЛАРУСИ ...	126
Старовойтов М.И. СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ ОБЛИК НАСЕЛЕНИЯ БЕЛОРУССКО-РОССИЙСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСИ 1939 Г.)	130
Трацевская Л.Ф. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СВЯЗИ ВИТЕБСКОЙ ОБЛАСТИ И РЕГИОНОВ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	134
Улейчик Н.Л. ЭТНОКУЛЬТУРНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В УСЛОВИЯХ БЕЛОРУССКО-ПОЛЬСКО-ЛИТОВСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ	136
Шматков И.И. ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ВНЕШНЕТОРГОВЫХ СДЕЛОК В СОВРЕМЕННЫХ ТОРГОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ	139
Щербакова С.А. РОССИЙСКО-БЕЛОРУССКОЕ ПРИГРАНИЧЬЕ КАК ЕДИНАЯ ПЕРСПЕКТИВНАЯ ТУРИСТСКАЯ ТЕРРИТОРИЯ	142
Янчук В.А. БЕЛАРУСЬ И РОССИЯ: СОЦИАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В СОЮЗНОЕ ГОСУДАРСТВО	145
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	149

Научное издание

**СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ СРЕДА: СИСТЕМНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ,
АНТРОПОЛОГИЧЕСКОЕ ИЗМЕРЕНИЕ,
ПОГРАНИЧНАЯ СПЕЦИФИКА**

Материалы международной заочной
научно-практической конференции

Витебск, 16 ноября 2018 г.

Технический редактор *Г.В. Разбоева*
Компьютерный дизайн *И.В. Волкова*

Подписано в печать 10.12.2018. Формат 60х84 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 9,01. Уч.-изд. л. 12,86. Тираж 12 экз. Заказ 172.

Полиграфическое исполнение – учреждение образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

Свидетельство о государственной регистрации в качестве издателя,
изготовителя, распространителя печатных изданий

№ 1/255 от 31.03.2014 г.

Отпечатано на ризографе учреждения образования
«Витебский государственный университет имени П.М. Машерова».

210038, г. Витебск, Московский проспект, 33.